

**ФГБОУ ВПО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ –
УЧЕБНО-НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС**

На правах рукописи

КУЗЬМЕНКОВ Владимир Александрович

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК
СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:

Старостенко К.В.

доктор политических наук,

профессор

Орел 2015

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Социально-политические ценности как теоретико-методологическая проблема.....	16
1.1. Философские теории ценностей: единство и различие подходов.....	16
1.2. Социальное и политическое в аксиологической конструкции социума.....	46
1.3. Социально-политические ценности в духовных трансформациях мирового сообщества.....	63
Глава 2. Аксиосфера современной цивилизации в контексте проблем и перспектив социально-политического развития.....	81
2.1. Социокультурные ценности в условиях глобализации и локализации.....	81
2.2. Аксиологические детерминанты формирования современных общественных отношений.....	102
2.3. Социально-политические ценности как концепт аксиосферы мирового сообщества.....	118
Заключение.....	133
Список использованных источников.....	139

Введение

Актуальность исследования. Кризис современной техногенной цивилизации своим истоком имеет трансформацию базисных ценностей глобализирующейся общественной жизни, которые, в основном, опираются на социально- политическую составляющую, не соединенную с правом целеполагания субъекта в аспекте мультикультурных, многоконфессиональных ценностей и социальных законов эволюции. Повсеместное исключение общественного сознания как основного элемента саморазвивающихся и саморегулируемых «синергетических» систем из процедур и стратегий развития регионов, стран, отдельного человека – следствие кризиса личностного становления мировоззренческих и духовных доминант эмоционально-чувственного отношения к миру.

Онтологический подход к социально-политическим ценностям, к осмыслению «единого всемирного бытия» позволяет понять и изучить не только сущность кризиса предметной и природной среды современного бытия людей, но и рассмотреть данные ценности в качестве факторов различия исторических форм общественных систем и символов культуры в рамках соизмеримости и законосообразности общественной жизни; аргументировать их модификации в социально-политических отношениях как источников и механизмов осознания человеком своего предназначения на индивидуальном и социокультурном уровнях. Исходя из этого, правомерно полагать, что «эпистемология ценностей» (Л.А. Микешина) не только фундирует становление внутреннего мира человека XXI века и его межличностные взаимодействия, но и обуславливает интеграцию общества.

В нашем исследовании социально-политические ценности – это особого рода знания социальной реальности, аксиологическая составляющая в постижении границ репрезентации индивидуального поведения и деятельности субъекта, его «предпосылочное знание» о социокультурном мире как моменте истории и «первичных» конструктах социальности, как многообразные способы человеческого существования, погруженные в духовно-нравственный

контекст. Всё это в совокупности актуализирует включение субъекта социальных взаимодействий, его систему ценностей и интересов в объект и предмет философского осмысления.

Категориальный философский анализ интегративных функций социально-политических ценностей в современном мировом пространстве позволяет более полно раскрыть особенности и специфику формирования общественной реальности; рассмотреть и осмыслить уровень приоритетов деятельности вновь созданных общественных структур в инновационных властных отношениях; выявить имеющиеся достижения и просчёты, а также возможность альтернативности в разрешении внутригосударственных и межгосударственных проблем и разработке результативных программ и проектов включения активной части населения в государствообразующую деятельность. Исходя из этого, совершенствование нравственных критериев и нормативно-ценностных доминант социального управления на основе взаимообусловленных факторов формирования движущих сил, востребованной обществом среды жизнедеятельности, носителей позитивных черт социально-политических ценностей, а также эффективных институтов воспроизводства субъектов деятельности в контексте социально-политических ценностей может быть объектом и предметом самостоятельного научного исследования.

Отмеченные выше обстоятельства обусловили актуальность и востребованность темы настоящего диссертационного исследования.

Степень разработанности проблемы. Феномен «социально-политические ценности» сегодня актуализирован целями взаимодействия нравственности и политики в контексте процессов интегрирования общественного пространства, управления общественным сознанием на основе личностных принципов и установок деятельности, а также социальных законов развития.

Следует отметить, что любая культура имеет собственную традицию анализа различных видов социальных ценностей. Онтологический подход к осмыслению глубинных основ бытия и сущностных связей человека с обществом был использован уже древнегреческими мыслителями.

Аксиологические идеи, выраженные посылкой «человек есть мера всех вещей», можно встретить у Протагора и Сократа. Платон и Аристотель первыми интерпретировали ценности в социально-философской плоскости, то есть в русле связи их с поведением человека, и с особой системой общественных отношений – государством¹. Из иных античных философов-аксиологов следует выделить эпикурейцев, стоиков и неоплатоников².

В Средневековье ценности не эксплицировались из божественного начала, поэтому общности верующих «ordres» имели более высокий приоритет, чем «etats» – светские группы. В эпоху Возрождения проблемами аксиологии занимались Л. Валла, Б. Деванцати, Дж. Пико делла Мирандола³. В Новое время ценности находились в центре внимания Р. Декарта, М. Монтеня, Т. Гоббса, Г. Лейбница, Д. Локка, Д. Юма⁴.

Выделение аксиологии как отдельной отрасли философского знания произошло благодаря трудам Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, Р.Г. Лотце, Ф. Ницше⁵. Культура была осмыслена как основанное на ценностях поле интеграции людей, при этом, в каждой культуре были выделены свои механизмы включения человека в общественные процессы, например, моральные законы.

В XX веке общетеоретические разработки философского статуса

¹ Аристотель. Большая этика. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 [Текст] / Аристотель / Общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 295-374; Аристотель. Никомахова этика. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 [Текст] / Аристотель / Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 53-293; Платон. Государство [Текст] / Платон. – М.: Наука, 2005. – 576 с.

² Лосев, А.Ф. История античной эстетики в 8 т. Т. 5. Ранний эллинизм [Текст] / А.Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 960 с.; Рассел, Б. История западной философии [Текст] / Б. Рассел. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. – 992 с.; Шахнович, М.М. Эпикуреизм в европейской философии XV-XVII вв. [Текст] / М.М. Шахнович / История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск № 3. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. – 2000. – С. 218-231.

³ Валла, Л. Об истинном и ложном благе [Текст] / Л. Валла / Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с.; Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека [Текст] / Дж. Пико делла Мирандола / Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с.

⁴ Декарт, Р. Первоначала философии: Сочинения в 2 т. Т. 1 [Текст] / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – С. 297-422; Монтень, М. Опыты: Сборник эссе в 3 кн. Кн. 1 и 2 [Текст] / М. Монтень – Мн.: ООО «Попурри», 2004. – 832 с.; Гоббс, Т. Левиафан: Сочинения в 2 томах. Т. 2 [Текст] / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1991. – С. 5-285; Лейбниц, Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией: Сочинения в 4 т. Т. 4 [Текст] / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1989. – С. 49-554; Локк, Д. Опыт о человеческом разумении: Сочинения в 3-х т. Т. 1 [Текст] / Д. Локк. – М.: Мысль, 1985. – С. 78-582.; Юм, Д. Исследование о человеческом разумении [Текст] / Д. Юм. – М.: «Прогресс», 1995. – 229 с.

⁵ Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель / Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.; Кант, И. Критика практического разума: сочинения в шести томах, том 4, часть 1 [Текст] / И. Кант. – М.: «Мысль», 1965. – С. 312-504; Ницше, Ф. Так говорил Заратустра: Сочинения в 2 т. Т. 2 [Текст] / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – С. 5-237.

духовно-нравственных основ социально-политической деятельности получили новую акцентуализацию благодаря трудам В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Гуссерля, М. Шелера, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, Д. фон Гильдебранда, Г. Дебора, Ж. Бодрийяра⁶.

Автор полагает, что отечественная аксиология имеет собственную традицию анализа типов ценностей в духовно-нравственном контексте. К учёным, разрабатывающим данную проблему, прежде всего, следует отнести славянофилов И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, а также западника Д.И. Писарева⁷. Проблемы воспроизводства культуры, сохранения и передачи культурных ценностей от поколения к поколению, места и роли в этом процессе других сфер общества, а также причины и факторы трансформации общественной жизни нашли отражение в работах Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева, Н.Я. Данилевского, Н.О. Лосского, В.В. Розанова, В.И. Соловьёва, П.А. Сорокина, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка⁸.

Необходимо иметь в виду, что во второй половине XX в. число фундаментальных философских работ по аксиологии сокращается, что, с одной стороны, свидетельствует об общецивилизационной специфике мирового развития (ценности-фракталы у Ж. Бодрийяра как показатель обесмысливания

⁶ Виндельбанд, В. Прелюдии. [Текст] / В. Виндельбанд. – М.: Кучково поле, 2007. – 400 с.; Риккерт, Г. О системе ценностей [Текст] / Г. Риккерт / Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 365-391; Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука [Текст] / Э. Гуссерль. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с.; Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей [Текст] / М. Шелер. – М.: Наука, 1999. – 231 с.; Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Наука, 2006. – 466 с.; Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии [Текст] / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.; Левинас, Э. Гуманизм другого человека: Избранное: Трудная свобода [Текст] / Э. Левинас. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 752 с.; Гильдебранд, Д. фон. Этика [Текст] / Д. фон Гильдебранд. – М.: Алетейя, 2001. – 570 с.; Дебор, Г. Общество спектакля [Текст] / Г. Дебор. – М.: Изд-во Опустошитель, 2011. – 178 с.; Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.

⁷ Бердяев, Н.А. Алексей Степанович Хомяков [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 324 с.; Киреевский, И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии [Текст] / И.В. Киреевский / Б.Н. Тарасов. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе: Сборник статей. – М.: Круг, 2007. – С. 139-185; Сухов, А.Д. Философский материализм Писарева [Текст] / А.Д. Сухов // Философия и общество. 2005. № 1. – С. 133-142.

⁸ Бердяев, Н.А. Смысл творчества [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 654 с.; Вышеславцев, Б.П. Этика преображённого Эроса [Текст] / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994 г. – 368 с.; Данилевский, Н.Я. Россия и Европа [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: «Книга», 1991. – 576 с.; Лосский, Н.О. Ценность и бытие [Текст] / Н.О. Лосский. – М.: Изд-во Книга по требованию, 2012. – 135 с.; Розанов, В.В. Опавшие листья. Короб первый: Сборник Апокалипсис нашего времени [Текст] / В.В. Розанов. – М.: Эксмо, 2008. – С. 131-297; Соловьёв, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия [Текст] / В.С. Соловьёв. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 654 с.; Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.; Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни [Текст] / Е.Н. Трубецкой. – М.: АСТ, 2003. – 396 с.; Франк, С.Л. Смысл жизни [Текст] / С.Л. Франк. – М.: АСТ, 2004. – 157 с.

окружающего мира); с другой – о смещении этой проблематики в другие области научного знания. Начало философскому осмыслению ценностей в психологии заложено работами У. Джеймса и Дж. Дьюи, а психологический анализ ценности как системообразующего фактора общества осуществлён А. Маслоу, Г. Олпортом, Ж. Пиаже, М. Рокичем, В. Франклом, Э. Шпрангером⁹. В России этим вопросом занимались Л.С. Выготский, Д.Н. Узнадзе, М.С. Яницкий¹⁰.

В контексте эволюции социальных отношений и формирования системообразующих факторов современного общества, в том числе при помощи ценностей, развивались социология и политология. В политологии понятие «ценность» широко использовалось Ф. Фукуямой, С. Хантингтоном, К. Шмиттом и др. учёными¹¹. Подчёркивая интегративную сущность ценностей, в то же время учёные оставили без внимания проблемы онтологии и гносеологии политических ценностей.

Социологи М. Вебер, Э. Дюркгейм, Р. Инглхарт, Р. Мертон, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, глубоко анализирующие социальные ценности, существенно обогатили тематику и инструментарий аксиологии¹². Э. Дюркгейм положил аксиологические различия в контекст дифференциации профессиональных групп, которые формируют определённый тип социальной солидарности; М. Вебер счёл

⁹ Джеймс, У. Воля к вере [Текст] / У. Джеймс. – М.: Республика, 1997. – 431 с.; Дьюи, Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека [Текст] / Д. Дьюи. – М.: Республика, 2003. – 494 с.; Маслоу, А. Психология бытия [Текст] / А. Маслоу. – М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1997. – 304 с.; Пиаже, Ж. Психология интеллекта [Текст] / Ж. Пиаже. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 351 с.; Олпорт, Г. Становление личности: Избранные труды [Текст] / Г. Олпорт. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.; Франкл, В. Человек в поисках смысла [Текст] / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 345 с.; Rokeach, M. The Nature of Human Values [Text] / M. Rokeach. – NY: Free Press, 1973. – 438 p.; Spranger, E. Lebensformen: Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit [Text] / E. Spranger. – Max Niemeyer; Auflage: 9. (1966). – 450 p.

¹⁰ Выготский, Л.С. Психология развития человека [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. – 1136 с.; Узнадзе, Д.Н. Психология установки [Текст] / Д.Н. Узнадзе. – СПб.: «Питер», 2001. – 416 с.; Яницкий, М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система [Текст] / М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

¹¹ Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.; Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.; Шмитт, К. Понятие политического [Текст] / К. Шмитт // Вопросы социологии. 1992. № 1. – С. 37-67.

¹² Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма: Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44-271; Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные суждения» [Текст] / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 106-114; Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Текст] / Р. Инглхарт // Политические исследования. 1997. № 4. – С. 6-33; Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 256 с.; Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.; Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с. и др.

ценности основой общественного неравенства и устойчивости общества; Ю. Хабермас определил ценностный контекст общественных коммуникаций в качестве фундаментальной основы преодоления дезинтеграционных процессов.

Из работ советского и постсоветского периода значительный интерес в аксиологическом аспекте представляют труды Л.В. Баевой, Г.П. Выжлецова, О.Г. Дробницкого, М.С. Кагана, В.А. Лекторского, В.А. Лефевра, Л.А. Микешиной, Н.С. Розова, В.С. Стёпина, В.П. Тугаринова, В.К. Шохина¹³. Работы указанных выше учёных способствовали изучению автором взаимосвязи социально-политических ценностей и системообразующих институтов общества в процессе их функционирования, характеристике ценностей как фактора наполнения смыслом социальных отношений и внешнего выражения бытия человека.

Существенное общетеоретическое и методологическое значение для определения пространственной топологии субъект-объектных отношений в обществе имеют концепция социокультурного раскола, сформулированная А.С. Ахиезером; разработанные А.А. Гусейновым и Р.Г. Апресяном этические истоки системообразующих факторов общественно значимых ценностей; концептуальный вывод Г.Н. Гумницкого о принципах моральных взаимодействий как незыблемой основе общества¹⁴.

¹³ Баева, Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории [Текст] / Л.В. Баева. – Астрахань, 2004. – 275 с.; Выжлецов, Г.П. Русская философия ценностей и западная аксиология [Текст] / Г.П. Выжлецов // Русская философия ценностей и западная аксиология // Вече: Альманах русской философии и культуры. – СПб., 1996. Вып. 5. – С. 53-73; Дробницкий, О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия [Текст] / О.Г. Дробницкий. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – 321 с.; Каган, М.С. Философская теория ценности [Текст] / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.; Лекторский, В.А. Рациональность как ценность культуры [Текст] // «Вопросы философии». 2012. № 5. – С. 26–34; Лефевр, В.А. Алгебра совести [Текст] / В.А. Лефевр. – М.: «Когито-Центр», 2003. – 426 с.; Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей [Текст] / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 439 с.; Розов, Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии [Текст] / Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. – 1998. – 292 с.; Стёпин, В.С. Устойчивое развитие и проблема ценностей [Текст] / В.С. Стёпин // Техника, общество и окружающая среда: материалы междунар. науч. конф. (18-19 июня 1998). – М., 1998; Тугаринов, В.П. О ценностях жизни и культуры [Текст] / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1960. – 152 с.; Шохин, В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: Монография [Текст] / В.К. Шохин. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 457 с.

¹⁴ Апресян, Р.Г. Ресентимент и историческая динамика морали [Текст] / Р.Г. Апресян // Этическая мысль. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Гусейнова. – М.: ИФРАН, 2001. – С. 27-40; Ахиезер, А.С., Козлова, Н.Н., Матвеева, С.Я. Модернизация в России и конфликт ценностей [Текст] / А.С. Ахиезер, Н.Н. Козлова, С.Я. Матвеева. – М.: ИФРАН 1994. – 250 с.; Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) [Текст] / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 1. От прошлого к будущему. – 804 с.; Гумницкий, Г.Н. О понятии духовности [Электронный ресурс] / Г.Н. Гумницкий // Философия и общество. 2011. № 3. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/136098/>; Гумницкий, Г.Н.,

Большое значение для уточнения предметно-практической составляющей социально-политических ценностей современной России имеют труды российских обществоведов В.Н. Аргуновой, А.Э. Воскобойникова, М.Г. Зеленцовой, О.П. Зубец, Е.В. Палей, М.М. Прохорова, В.Г. Федотовой, В.А. Ядова¹⁵.

Выводы и заключения А.В. Брагина, И.А. Гобозова, А.А. Зиновьева, А.В. Костиной, Г.С. Смирнова, Ф.В. Цанн-кай-си позволили диссертанту проанализировать феномен «ценность» как исторически складывающийся и преемственно воспроизводящийся фактор организации социально-политических индивидуальных и коллективных связей и взаимодействий¹⁶.

Проблемы и противоречия существования аксиологических кодов западной и восточной цивилизаций, а также глобального сообщества исследована в трудах З. Видоевича, Ф. Кардини, Н.С. Кирабаева, А.Е. Лукьянова, В.М. Межуева, А.С. Панарина, Ю.И. Рубинского, А.С. Соловьёва, В.С. Стёпина, Ф. Фукуямы¹⁷ и

Зеленцова, М.Г. Понятие человечности в общей теории морали [Текст] / Г.Н. Гумницкий, М.Г. Зеленцова // *Философия и общество*. 2008. № 3. – С. 20-31; Гусейнов, А.А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью [Текст] / А.А. Гусейнов. – СПб.: СПбГУП, 2012. – 840 с.

¹⁵ Аргунова, В.Н. Социальная справедливость: Ценностно-институциональный анализ [Текст] / В.Н. Аргунова. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004. – 312 с.; Воскобойников, А.Э. Универсальные ценности в современном многоликом мире [Текст] / А.Э. Воскобойников // *Современное состояние культуры и общества: особенности и перспективы развития России: сб. науч. статей / отв. ред. А.В. Костина*. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2013. – 364 с. – С. 21-28; Зеленцова, М.Г. К критике дуалистической теории ценностей в современной философии [Текст] // *Философия и общество*. 2010. № 2. – С. 77-89; Зубец О.П. Ценностное граничепологание и мораль [Текст] / О.П. Зубец // *Этическая мысль*. Вып. 6. / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 219-238; Палей, Е.В. Ценности как осуществление человеческой природы [Текст] / Е.В. Палей // *Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета*. Выпуск 1. – Иваново, 2006. – С. 91-94; Прохоров, М.М. Ценности и смыслы модели взаимоотношения человека с мирозданием. Философия постнеклассической эпохи [Текст] / М.М. Прохоров. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing Gmb N& Co. KG. 2013. – 560 с.; Федотова, В.Г. Хорошее общество [Текст] / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.; Ядов, В.А. Механизмы формирования социальной идентичности личности [Текст] / В.А. Ядов // *Мир России*. 1995. № 3-4. – С. 158-181.

¹⁶ Брагин, А.В. Динамическая устойчивость социума: конфуцианская концепция руководства и современная Россия [Текст] / А.В. Брагин // *«Вестник ИГЭУ»*. 2009. Вып.1. – С. 66-68; Гобозов, И.А. Бюрократия и общество [Текст] / И.А. Гобозов // *Философия и общество*. 2009. № 4. – С. 5-21; Зиновьев, А.А. Русская трагедия [Текст] / А.А. Зиновьев. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2008. – 608 с.; Костина А.В. Пережитки архаических укладов в период модернизации российского общества [Текст] / А.В. Костина // *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты: Вып. 2. Сб. науч. ст.* – М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2012. – С. 144-152; Смирнов, Г.С. «Газпром» и «Ноосфера»: государственно-олигархический монополизм и будущее страны / Г.С. Смирнов // *«Вестник РФО»*. 2011. № 2. – С.115-117; Цанн-кай-си, Ф.В. Торжество демократии или разрушение государственности? [Электронный ресурс] / Ф.В. Цанн-кай-си // *«Здравый смысл»*. 2011. № 4 (61) – 2012, № 1 (62). – Режим доступа: http://razumru.ru/humanism/journal2/61_62/tsann-kai-si1.htm.

¹⁷ Видоевич, З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире [Текст] / З. Видоевич // *«Социологические исследования»*. – 2005. – № 4. – С. 25-32; Кардини, Ф. Европа и ислам. История непонимания [Текст] / Ф. Кардини. – СПб: ALEXANDRIA, 2007. – 251 с.; Кирабаев, Н.С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе [Электронный ресурс] / Н.С. Кирабаев. – Режим доступа: <http://sociognosis.narod.ru/myweb8/docs/Kirabaev.htm>; Лукьянов, А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия) [Текст] / А.Е. Лукьянов. – Издание 2-е, исправленное и дополненное – М.: ИНСАН, РМФК, 1992. – 208 с.; Межуев, В.М. Проблема современности в

других отечественных и зарубежных исследователей.

В диссертационном исследовании также уделено внимание концепции общества знания. Это понятие было предложено политологом Р. Лэйном для характеристики влияния научного знания на сферу публичной политики и управления¹⁸. Теорию общества знаний разрабатывали зарубежные (Э. Агацци, Г. Бехманн, П. Дракер, М. Кастельс и др.) и отечественные (В.Л. Иноземцев, В.В. Орлова, М.И. Орлова и др.) учёные¹⁹.

Проделанный обзор основных ракурсов рассмотрения социально-политических ценностей в жизнедеятельности человека и общества даёт основание для заключения: социально-политические ценности, будучи непосредственно связанными с вопросами подлинности человеческого бытия и его уникальности, обладают большим эвристическим потенциалом, изучение которых концептуально не завершено.

Таким образом, выбор указанной темы исследования обусловлен ее актуальностью, определяемой совокупностью целого ряда социально-политических факторов, теоретической и практической значимостью, недостаточной степенью научной разработанности.

Объект исследования – аксиосфера современного общества.

Предмет исследования – социально-политические ценности как системообразующий фактор современного общества.

Цель диссертационной работы – раскрыть специфику и обосновать

контексте модернизации и глобализации [Текст] / В.М. Межуев // Полития. – 2000. – № 3. – С. 102-115; Панарин, А.С. Искушение глобализмом [Текст] / А.С. Панарин. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с.; Рубинский, Ю.И. Европейские ценности [Электронный ресурс] / Ю.И. Рубинский // «Вестник Европы». – 2009. – № 26-27. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2009/26/ru3.html>; Соловьев, А.В. Неогуманистические ценности как феномен современного гражданского общества США [Текст] / А.В. Соловьёв: дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Москва, 2002. – 167 с.; Стёпин, В.С. Глобализация, динамика культур и поиск новых ценностей [Электронный ресурс] / В.С. Стёпин. – «Философия и синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/globalizaciya-dinamika-kultur-i-poisk-novyx-cennostej/>; Фукуяма, Ф. Великий разрыв [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, АСТ-Москва, 2008. – 480 с.

¹⁸ Цит. по: Ефременко Д.В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии, 2010, № 1. – С. 50.

¹⁹ Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях [Текст] / Э. Агацци // Вопросы философии, 2012, № 10. – С. 3-20; Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний [Текст] / Г. Бехманн. – М.: Логос, 2010. – 248 с.; Дракер, П. Посткапиталистическое общество [Текст] / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология: под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 70-100.; Иноземцев, В.Л. Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции [Текст] / В.Л. Иноземцев. – М.: Academia: Наука, 1999. – 703 с.; Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: Изд-во ГУ – ВШЭ, 2000. – 606 с.

концептуальную роль социально-политических ценностей в рамках динамики общественных отношений.

Указанная основная цель диссертационного исследования конкретизируется и реализуется через решение следующих **основных задач**:

- систематизировать основные теоретико-концептуальные подходы к понятию «ценность» в социальной философии;
- выявить онтологическую сущность социального и политического как особых областей в аксиосфере общества;
- раскрыть духовно-нравственные основания социально-политических ценностей в духовных трансформациях мирового сообщества;
- дать характеристику особенностей социально-политических ценностей в условиях глобализации и локализации мирового пространства;
- проанализировать аксиологические детерминанты формирования современных общественных отношений;
- определить роль социально-политических ценностей как концепта аксиосферы мирового сообщества в аспекте поиска путей преодоления цивилизационного кризиса.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования являются концепции, положения и выводы ведущих российских и западных учёных, углублённо занимающихся проблемами взаимозависимости аксиологии и социально-политической трансформации общества. Исследование выполнено в рамках трансдисциплинарной метапарадигмы: базируется на сочетании теоретико-методологических разработок и принципов; общенаучных (диалектический, логический, системно-структурный, функциональный анализ) и специальных методах, используемых в философии, политологии, социологии, истории науки, (сравнения, анализа, синтеза, дедукции, индукции, обобщения, аналогии, классификации, абстрагирования, мысленного эксперимента, моделирования).

Использование диссертантом основополагающих для работы институционального и структурно-функционального методов способствовало

раскрытию взаимосвязи аксиологического мира и социальных институтов; определению доминирующей роли последних в процессе генерации, распространения и поддержания государствообразующих ценностей, а также постулировать важность конструирования единой организации, транслирующей ценности для общества и выступающей базой для социального консенсуса.

Диссертация основывается на результатах научных исследований в области социальной философии и этики, в частности, работах А.С. Ахиезера, Д. фон Гильдебранда, Г.Н. Гумницкого, И. Канта, М. Кастельса.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

- предложено авторское определение понятия «социально-политическая ценность»;
- определены онтологические и духовно-нравственные основания социально-политических ценностей;
- раскрыты основания кризиса глобальной системы ценностей и архаизационной инверсии национальных аксиосфер;
- выявлены аксиологические детерминанты развития современных общественных отношений, основными из которых являются: социальная эксклюзия, приватизация социально-политического пространства и архаизация мирового сообщества;
- определена, в аспекте формирования устойчивых концептов аксиосферы определённого сообщества, ключевая роль социально-политических ценностей, с одной стороны, генерируемых в национальных аксиосферах, с другой, играющих роль общечеловеческих ценностей.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Социально-политическая ценность определяется как феномен, репрезентирующий социальные и политические потребности, интересы и представления индивидов, и ориентирующий на достижение общественного консенсуса путём гармонизации интенций отдельных личностей, социальных общностей и политических групп. Социально-политическая ценность обладают выраженным свойством долженствования и посредством этого примиряют

традиционные и либеральные ориентации массового сознания. Сущность социально-политической ценности состоит в выработке общественного согласия и поддержке существования «большого общества».

2. Социальное и политическое представляют собой отдельные сферы общественного бытия, обладают собственным онтогносеологическим измерением и отличаются характерными ценностями. Ценности имеют intersубъективный характер, который выражается в определённых отношениях действующих субъектов. Эти отношения характеризуются как ценные сами по себе, если способствуют возрастанию разнообразия социальных форм и связей и развитию человеческой личности. В свою очередь, ключевой характеристикой социально-политических ценностей выступает их качественный характер, который воплощается в специфических сущностных атрибутах данного рода ценностей. Духовно-нравственный компонент социально-политических ценностей можно охарактеризовать понятием «долженствование», занимающим одно из центральных мест в мировой моральной философии.

3. В современном мировом сообществе наблюдается ситуация кризиса глобальной гетерархической системы ценностей, основанной на западном либеральном аксиологическом коде. В национальных социокультурных системах усиливается традиционный набор ценностей, что детерминирует, с одной стороны, неприятие глобальных ценностей и архаизацию национальных аксиосфер, с другой – рост конфликтности мирового пространства.

4. Одним из деструктивных ценностных феноменов современности выступает стремление к эксклюзивности. Этот ценностный феномен выступает одним из ключевых принципов национальных и глобальных элитарных групп, целью деятельности которых является приобретение монополий на дефицит и сбор рент, сопровождающийся отчуждением низкостатусных групп от общественных институтов и их общественной эксклюзией, что можно охарактеризовать понятием «приватизация социально-политического пространства».

5. Решением проблемы деструктивности социально-политических отношений в мировом сообществе выступает изменение сущностного

содержания общезначимых социально-политических ценностей, – гражданственность, толерантность, социальная справедливость и др., – как конституентов общественных отношений и морального сознания. Эти ценности должны выражать, с одной стороны, ценности национальных аксиосфер, нравственную культуру и морально-этическую деятельность в правовом взаимодействии общества и государства, с другой – смыслы общества нового цивилизационного типа – «общества знания».

Теоретическая и практическая значимость работы диссертационной работы определяется научной важностью и новизной перечисленных результатов.

В диссертационной работе предпринят анализ ценностей с точки зрения классических и современных научных теорий. Намечены новые пути анализа российского общества и установлена корреляция аксиологических и институциональных структур. Практическая значимость диссертации связана с целесообразностью использования её результатов в деятельности органов государственной власти Российской Федерации на федеральном и на региональном уровнях, выработке стратегии национального развития, а также гуманизации общественной жизни.

Основные положения и выводы диссертационного исследования представляется необходимым использовать с целью совершенствования учебных курсов и тем по гуманитарным предметам: социальная философия, аксиология, социология, политология. Отдельные результаты могут быть применены в общественных организациях и других объединениях граждан, принимающих участие в конструировании в современной России гражданского общества.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в выступлениях автора на научных конференциях и семинарах: III Орловские социологические чтения (г. Орёл, 2011), X международная научная конференция студентов и аспирантов «Социология в (пост)современности» (г. Харьков, Украина, 2011), XIV международная научно-практическая интернет-конференция (15 февраля – 15 марта 2012) «Влияние международных интеграционных процессов на социально-политическое развитие

общества» (г. Орёл, 2012), IV Орловские социологические чтения «Управление в условиях динамично развивающегося общества» (г. Орёл, 2012), VI региональная научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы управления социальным и гуманитарным развитием» (г. Днепропетровск, Украина, 2013), XXXIII международная научно-практическая конференция «Система ценностей современного общества» (г. Новосибирск, 2014), The Second International Congress on Social Sciences and Humanities: Proceedings of the Congress (Vienna, Austria, 19 May 2014), V международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований» (29-30 августа, 2014, г. Москва), VII региональная научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы управления социальным и гуманитарным развитием» (Днепропетровск, Украина, 28 ноября 2014), XVI международной научно-практической интернет-конференции «Динамика и трансформация современного социального пространства» (7-25 апреля 2014 г., г. Орёл).

Основное содержание диссертации изложено в 23 статьях, 5 из которых опубликованы в журналах, включенных в Перечень ВАК, и одной авторской монографии. Общий объем публикаций – 16 п.л., объем публикаций в журналах из списка ВАК – 2,5 п.л., лично автору принадлежат 14,3 п.л.

Соответствие диссертации научной специальности. Диссертация соответствует паспорту научной специальности 09.00.11 – «Социальная философия», в частности, следующим разделам: п. 21 «Общественные отношения как проблема социально-философского анализа»; п. 24 «Источники и механизмы социокультурного изменения»; п. 33 «Глобальные проблемы современной цивилизации».

Структура диссертации. Поставленная проблема, объект, предмет, цель и задачи исследования предопределили логику изложения материала и структуру данной работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованных источников. Список литературы включает 230 источников, в том числе 18 – на иностранных языках. Общий объем диссертации – 157 страниц.

Глава 1. Социально-политические ценности как теоретико-методологическая проблема

1.1. Философские теории ценностей: единство и различие подходов

Ценностная проблематика берёт своё начало в философии Древней Индии и Древнего Китая, не обретая концептуальной сформулированности. Древние мыслители Индии исходили из того, что бытие пронизано страданием, поэтому ценностью становится то, что ведёт к покою и вечности, что позволяет человеку разорвать круг зависимости от материального мира, а именно: добродетель (дхарма), правильное понимание реальности (видья) и освобождение (мокша – нирвана). Древнекитайская аксиология развивалась в русле двух крупнейших течений – даосизма и конфуцианства. Высшей ценностью в даосизме выступает пустота, создающая единство противоположностей, в ней нет различия добра и зла, стало быть, перед человеком не возникает проблем интеграции в общественное пространство. Конфуцианство сосредоточило внимание на бытовых ценностях, понимаемых как «добродетели»: человеколюбие (жэнь), следование ритуалу (ли), мудрость (чжи) и прочие²⁰.

Видное место вопросы аксиологии занимают в трудах крупнейших философов античности, однако, при этом, собственно учения о ценностях древнегреческие философы сформировать не смогли. Можно заключить, что аксиология «растворилась» в онтологии и гносеологии, этике и эстетике: бытие воспринималось как благое, гармоническое и истинное явление само по себе, не дифференцированное на компоненты. Вместо понятия «ценность» использовались «добродетель» или «благо» как этически окрашенные. Для досократиков главным объектом изучения выступал физис (истинная природа вещей).

Фундаментом для появления ценностной теории, идеи которой в дальнейшем была выражены Протагором, послужило введение Парменидом понятия «бытие», и

²⁰ Конфуций. Лунь Юй [Текст] / Конфуций. – М.: Восточная литература, 2001. – 168 с.; Лукьянов, А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия) [Текст] / А. Е. Лукьянов. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: ИНСАН, РМФК, 1992. – 208 с.

разделение им таких категорий как «истина» и «субъективное мнение». Принимая учение Парменида об относительности чувственного знания, и придерживаясь точки зрения о релятивности мира, Протагор, в дальнейшем, утверждает, что нет абсолютной истины и потому нет абсолютных моральных ценностей, хотя отдельные вещи или феномены могут быть более или менее человеку полезны. Именно человек, согласно учёному, есть мера всех вещей: для реальных – их реальности, для нереальных – их нереальности²¹. По нашему мнению, в этом можно видеть основания зарождения специфической аксиологической платформы, подчиняющей ценности человеку, и, одновременно, «выбрасывающей» его в несовершенный материальный мир в поиске бытийственных смыслов.

Становлению теории ценностей способствовало учение Сократа о добродетели: имманентном состоянии человеческой души – стремлении к самопознанию. Философом была предпринята попытка разграничить ценности общественные (богатство, власть), физические (здоровье, сила) и духовные (знание, невежество). При этом, последние ценности могут быть как благими, так и порочными, обуславливая полезность для человека двух других видов. Сократическая философия оказала определяющее воздействие на последующие учения, в особенности, в аспекте типологизации ценностей.

Развивая идею Протагора и Сократа о том, что в основе изучения ценностей лежит антропологический критерий (человек есть мера всех вещей), Платон занимает иную позицию: ценности рассматриваются им как надличностный феномен. Платон абсолютизирует ценности, причисляя их к феноменам мира идей, и считая суммой блага, истины и соразмерности (красоты). «Если мы не в состоянии уловить благо одной идеей, то поймем его тремя – красотой, соразмерностью и истиной; сложив их как бы воедино, мы скажем, что это и есть действительная причина того, что содержится в смеси, и благодаря её благости самая смесь становится благом»²². Однако, как справедливо отмечает отечественный философ В.В. Ильин, с которым мы можем согласиться, эта позиция

²¹ Платон. Теэтет [Текст] / Платон / Собрание сочинений в 4 т. Т. 2: Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – С. 203.

²² Платон. Филеб [Текст] / Платон / Собрание сочинений в 4 т. Т. 3: Общая редакция А.Ф. Лосева, Я.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – С. 75.

ведёт к ряду негативных последствий: гносеологически – к непознаваемости ценностей, онтологически – к гипостазированию ценностей, праксиологически – к абсолютизации идеалов, идеологическому террору²³.

Платон осуществляет первую классификацию ценностей: благо, красота, ум, наука и искусство, удовольствия и «песенный строй». Совокупно эти уровни составляют высшее благо – синтез божественных и человеческих достоинств. По мнению А.Ф. Лосева, с которым согласны и мы, Платон, хотя и дифференцирует ценности, но не допускает их самостоятельного существования, инкорпорируя их в высшее благо – особую онтологическую реальность, приводящую всё частное к единичному и нераздельному²⁴.

В работе «Государство» Платон определяет, что справедливость состоит в обязанности выполнении каждым человеком собственной работы и невмешательства в чужую, а также следовании предписанным – весьма жёстким – моральным нормам. Здесь мы видим первое в истории науки определение социальной справедливости, несомненно, относящейся к одной из человеческих ценностей. По мнению Платона, справедливость представляет собой синтетическую гармонию трёх социальных добродетелей – умеренности, мужества и мудрости. В свою очередь, справедливость встраивается в высшие ценности Истины и Блага – функциональные аспекты Единого²⁵. Достоинством учения Платона явилась демаркация реальности и бытия посредством разделения сенсительного физического космоса и интеллигибельного мира идей, что способствовало развитию аксиологической теории, например, введению понятия ««третьего царства», своеобразного мира ценностей у И. Канта и его учеников.

Другой крупный мыслитель античности Аристотель понимал философию как науку, исследующую вопрос «Что ценнее всего?». Дистанцируясь от Платона и Сократа, он, по нашему мнению, делает первый шаг к интерпретации социально-политических ценностей: «И если благо – цель всех умений, то очевидно, что целью высшего умения будет высшее благо. А высшее умение, несомненно, политическое

²³ Ильин, В.В. Аксиология [Текст] / В.В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С. 10-11.

²⁴ Лосев, А.Ф. История античной эстетики в 8 т. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. – С. 288.

²⁵ Платон. Государство [Текст] / Платон. – М.: Наука, 2005. – 576 с.

искусство, так что целью политики будет высшее благо... Итак, наше дело говорить о благе в общественной, политической жизни»²⁶. Блага учёный подразделяет на ценимые (*timia*), хвалимые (*eipairieta*), возможности (*dynameis*) и сохраняющее или создающее другое благо. К ценимым относятся божественные блага – душа, ум, первопринцип. Хвалимые блага лежат в основе действий, вызывающих социальную похвалу. Власть, красота, богатство и сила относятся к благам-возможностям, так как каждый человек может использовать их для совершения добрых или злых дел. К четвёртому типу относится, например, гимнастика, поддерживающая здоровье²⁷.

Аристотель различает блага «всегда достойные избрания» (справедливость) и «не всегда достойные избрания» (сила, власть). Благо может быть целью (здоровье) или не быть целью (гимнастика), при этом сами цели делятся на совершенные (счастье) и несовершенные (справедливость). Также блага им подразделяются на душевные – добродетели, телесные – красота, внешние – власть. Главными являются добродетель, разумность и наслаждение, составляющие высшее благо – счастье²⁸. Таким образом, ученым впервые предпринята попытка критериально классифицировать ценности, признать их в качестве онтологического первоначала бытия, которое не может существовать вне вещей.

Анализируя добродетели, Аристотель разделяет их на этические и дианоэтические (мыслительные). Первые представляют собой «золотую середину» между избытком и недостатком и включают в себя мужество, благоразумие, щедрость, великолепие, величавость, честолюбие, ровность, правдивость, остроумность, дружелюбие, стыдливость (скромность), негодование²⁹. Вторые необходимы для правильного мышления. Этические добродетели представляют собой модели поведения, эксплицирующие черты характера, тогда как мыслительные добродетели интериоризируются человеком в педагогическом процессе. В сущности, Аристотель составил идеальный ценностный образ эллина, описал ценности, способствующие его интеграции в общественную жизнь, однако,

²⁶ Аристотель. Большая этика [Текст] / Аристотель: Сочинения: В 4-х т. Т. 4: Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 296.

²⁷ Там же, С. 299-300.

²⁸ Там же, С. 301.

²⁹ Аристотель. Никомахова этика [Текст] / Аристотель: Сочинения: В 4-х т. Т. 4: Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 87-89.

как нам представляется, не предусмотрел, что сам по себе данный аксиологический кодекс имманентно конфликтен в связи с ценностями иных общественных групп.

В дальнейшем, аксиологические идеи Сократа, Платона и Аристотеля были в значительной мере доработаны Эпикуром, поставившим в основу смысла человеческой жизни достижение счастья, сущность которого составляет наслаждение – не чувственное, а духовное, которое достигается при спокойствии души («атараксия») и отсутствии телесного страдания («апония»). Ценности Эпикур отождествляет с удовольствиями, которые бывают статическими, за которыми не следуют страдания, и динамическими, заканчивающимися новым витком страданий. Эпикур также делит удовольствия на 1) естественные и необходимые удовольствия (еда, сон); 2) естественные, но не необходимые (семья, дети); 3) удовольствия не естественные и не необходимые (политическая деятельность). Общее значение аксиологии Эпикура, состоит, во-первых, в том, что он отделяет человека от общества и предопределяет ему самостоятельный поиск жизненного пути, воплощая кинический идеал автаркии, что, по нашему мнению, свидетельствует о кризисе древнегреческой социокультурной системы; во-вторых, явно прослеживается важный атрибут всех ценностей – полезность. В соответствии с данными положениями, справедливость, как центральное понятие сократической, платонической и перипатетической философии, по мнению авторитетных учёных, теряет свой доминирующий статус и оказывается подчинена полезности³⁰.

Идея о достижении счастья как смысла жизни передаётся от эпикуреизма к стоицизму. Счастье, по мнению стоиков – следовать природе и её имманентной логике сохранения и расширения многообразия бытия. Всё то, что этому способствует – добро, что препятствует – зло. В этом состоит ценностный критерий стоицизма, распространяемый только на нематериальные объекты, тогда как всё телесное морально нейтрально, адиафорично. К адиафориям стоики относят здоровье, красоту, жизнь и смерть. Высшим идеалом они определяют добродетель – волю, находящуюся в согласии с Природой. В гипостазировании воли

³⁰ Лосев, А.Ф. История античной эстетики в 8 т. Т. 5. Ранний эллинизм [Текст] / А.Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – С. 213-214; Шахнович, М.М. Эпикуреизм в европейской философии XV-XVII вв. [Текст] / М.М. Шахнович / История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск № 3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. – 2000. – С. 218-231.

заключается специфика учения стоиков: ни одна предшествующая этическая теория не учитывала волюнтаристский аспект. Жизнь по законам Природы – одновременно добродетель и обязанность человека³¹. По нашему мнению, в стоицизме начинает проявляться аксиологический релятивизм, обусловленный кризисом эллинистической цивилизации.

Возникновению новых аксиологических идей способствовало широкое распространение христианства и становление философии Средневековья. Основополагающие идеи христианства привели к парадигмальному сдвигу в аксиологии. Базовый принцип христианского учения состоял в факте разрыва между субъективным бытием и объективной реальностью, который можно преодолеть только посредством интериоризации религиозной аксиологии.

Согласно средневековому философу Аврелию Августину, разрыв бытия преодолевается, и высшие ценности достигаются не только сугубо интеллигентно, как считали античные философы, но и при помощи чувств и воли, путём стремления к единению с Богом. Любовь к Богу создаёт «град Божий», если же воля человека обращена ко злу, т. е. к самому себе, то она порождает «град Земной»³². Этот дуализм, как мы можем отметить, имплицитно содержит в себе не вполне артикулированное разделение на ценности и антиценности. Августин обосновывает три критерия оценки ценности вещи, впоследствии принятые Фомой Аквинским и Дунсом Скоттом – «разумное основание мыслителя», «потребность нуждающегося», «удовольствие желающего». Первый критерий объективен, поскольку фиксирует ценность в различных степенях вещей, другие критерии субъективны, т. к. потребность ориентирована на удовлетворение самой себя и потому предвзята, а удовольствие иррационально. Таким образом, по мнению К.В. Шохина, с позицией которого согласны и мы, Августина можно считать создателем критерия объективной и субъективной шкалы ценностей объектов³³. Сходной с августиновской, позиции о факте разрыва бытия придерживается

³¹ Лосев, А.Ф. История античной эстетики в 8 т. Т. 5. Ранний эллинизм [Текст] / А.Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – С. 101-102; Рассел, Б. История западной философии [Текст] / Б. Рассел. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. – С. 315-319.

³² Августин, Аврелий. О Граде Божием [Текст] / Аврелий Августин. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 1296 с.

³³ Шохин, В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: Монография [Текст] / В.К. Шохин. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 135-136.

А.М.С. Бозций, различающий бытие и то, что есть. Эти два понятия не тождественны ни для чего, кроме Бога³⁴.

Несмотря на глубоко аксиологичное, по своей сути, средневековое мировоззрение, на наш взгляд, говорить о существовании средневековой аксиологии как отдельной отрасли знаний, вряд ли возможно. Если в античности ценности «растворялись» в этике, то в Средневековье – в теологии. Единственной и подлинной ценностью признавался Бог, тогда как всем остальным идеалам отводилось производное, подчинённое положение. С.С. Аверинцев считает, что «применительно к средневековью нельзя говорить о собственно аксиологических представлениях... теологам известна лишь одна подлинная ценность – Бог... аксиология растворилась здесь в теологии»³⁵. Подобной точки зрения придерживается и Ж. Ле Гофф: «средневековый менталитет можно было бы определить через невозможность самовыражения вне религии...»³⁶.

В период позднего Средневековья ценности равенства, авторитаризма, фатализма и т.д. стали отживать и трансформация аксиологических представлений о труде обусловила переход к эпохе Возрождения и, в конечном счёте, к капитализму: так, если в раннее Средневековье к физическому труду относились как к наказанию за грехопадение, то уже в позднее акцент смещается на понимание его как призвания, как возможность уподобления Творцу и приобретения социального влияния³⁷. В целом, в Средневековье ценности отождествляются с нравственными, религиозными, трансцендентальными и эстетическими идеалами. На смену античным Логосу и Эросу приходят Вера, Надежда и Любовь, как высшие христианские ценности, одновременно имманентные (чувственно переживаемые) и трансцендентные (связанные с божественным миром). Преодоление такого рода теологического детерминизма в аксиологии произошло только в эпоху Возрождения, где место Бога стал занимать человек, доказывающий

³⁴ Рассел, Б. История западной философии [Текст] / Б. Рассел. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. – С. 448.

³⁵ Цит. по: Каган, М.С. Философская теория ценности [Текст] / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – С. 9-10.

³⁶ Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада: 2-е изд., испр. [Текст] / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 96-97.

³⁷ Там же, С. 96-97; Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада [Текст] / Ж. Ле Гофф / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – С. 327.

право на бытие при помощи силы своего мышления, рациональности. Это означало смещение акцентов с теоцентризма на антропоцентризм, который поставил человека один на один перед всем миром и акцентировал способность к творчеству как важнейшее условие бытия человека в мире и высшую ценность. Отсюда вытекает и его право оценивать факты реального мира и самостоятельно создавать ценности. Данная позиция изложена у итальянских философов Дж. Пико делла Мирандолы и Л. Валлы³⁸. Вслед за мировоззрением людей меняется и характер товарно-денежных отношений, что отражается на осмыслении категории экономической ценности вещи. Б. Деванцати в «Лекции о монете» предложил различать меновую стоимость вещи и потребительную стоимость. Первая зависит от второй, детерминируемой человеческими потребностями, прогнозирование которых невозможно. Б. Деванцати ясно разграничиваются понятия «ценность» и «цена»³⁹. Как видим, учёный предвосхитил политэкономическую мысль в понимании ценности как экономической категории.

Следующей вехой в изучении ценностей стали работы французских учёных – М. Монтеня и Р. Декарта. Так, М. Монтень утверждал, что «ценность предметов зависит от оценок, которые мы высказываем о них», а также, что «ценностью мы называем не то, что они в состоянии нам доставить, но то, какой ценой они нам обошлись»⁴⁰. Это свидетельствует, что субъективизм оценки вещи соответствует её объективному содержанию, и этот принцип, хотя и детерминированный скептицизмом М. Монтеня, становится важным для последующей аксиологической теории, в особенности, для сторонников психологизма в интерпретации ценностей.

Особую роль в развитии теории ценностей сыграла философия Р. Декарта. Учёный первым предложил понимание ценностей как компонента субъект-объектных отношений: духовный мир человека детерминирует процесс познания окружающей действительности, т. е. ценности важны в гносеологическом аспекте

³⁸ Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека [Текст] / Дж. Пико делла Мирандола / Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с.; Валла, Л. Об истинном и ложном благе [Текст] / Л. Валла / Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с.

³⁹ Шохин, В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: Монография [Текст] / В.К. Шохин. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 143-144.

⁴⁰ Монтень, М. Опыты: Сборник эссе в 3 кн. Кн. 1 и 2 [Текст] / М. Монтень // Пер. со старофранц. – Мн.: ООО «Попурри», 2004. – С. 65.

как инструмент объективного рационального познания реальности. Ценности входят как в состав моральной достоверности, так и в состав предрассудков, искажая, таким образом, адекватное рациональное познание, поэтому условием объективного познания служит эстракция ценностей⁴¹. Забегая вперед отметим, что наука в Новое время по существу отвергла идеи Р. Декарта и пришла к полной элиминации антропологического и ценностного из эпистемологического процесса, что сыграло, в целом, отрицательную роль в развитии европейской гносеологии.

Если французские философы эпохи Возрождения рассматривали ценность как идеальный феномен, то английский мыслитель Т. Гоббс подходил к идеалам сугубо прагматично: он отождествлял ценность с социальной силой (успехом, богатством, властью и т. д.) индивида. Человек также может быть ценностью, но только как вещь, полезность которой определяется с точки зрения выгоды государства⁴². По нашей оценке, Т. Гоббс обосновал своеобразную «тоталитарную аксиологию» принудительного включения индивида в общественную жизнь, воплотившуюся на практике в некоторых политических режимах XX в. В свою очередь, для его соотечественника Д. Локка ценности представляли собой экономическое благо, продукт человеческого труда, и отождествлялись с понятием «стоимость»⁴³. Дальнейшее развитие его подход получил в политэкономии А. Смита и Д. Рикардо.

Немецкий исследователь Г. Лейбниц, в отличие от всех своих современников, провёл параллели между разумом, высшим благом, под которым он понимал Бога, и ценностями. Ценности должны способствовать совершенствованию мира, конструировать Абсолют, понимание которого возможно только рационально посредством разума, стремящегося уподобиться разуму божественному и адекватно интерпретировать реальность. В целом, Г. Лейбницем закладывается понимание ценности как значимости, не оцененное по достоинству в Новое время и нашедшее полное выражение

⁴¹ Декарт, Р. Первоначала философии: Сочинения в 2 т. Т. 1 [Текст] / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – С. 297-422.

⁴² Гоббс, Т. Левиафан: Сочинения в 2 томах. Т. 2 [Текст] / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1991. – С. 5-285.

⁴³ Локк, Д. Опыт о человеческом разумении: Сочинения в 3-х т. Т. 1 [Текст] / Д. Локк. – М.: Мысль, 1985. – С. 78-582.

только в современной аксиологии⁴⁴. Антитезой этому подходу выступила теория Д. Юма о субъективном бытии ценностей, их существовании в сознании индивида в результате формирования сенсуального отношения к некому объекту, который не может иметь ценностного выражения, поэтому сами ценности наличествуют только в человеческом восприятии⁴⁵.

Многие вышеперечисленные идеи эпохи Возрождения в гносеологическом аспекте страдали крайним рационализмом и сциентизмом. Несостоятельность этих подходов была подмечена учёными Нового времени, одним из которых являлся И. Кант, введший в научный оборот понятие «ценность» в «Критике чистого разума». Исследователь различал мир ценностей и норм как «мир должного» (сфера свободы и нравственности) и мир вещей и бытия как «мир сущего» (сфера природного детерминизма)⁴⁶. Содержание ценностей определено целями, которым они служат, сами цели бывают объективными и субъективными, соответственно, существуют абсолютные и относительные ценности. Первые наличествуют в вещах, существующих самих по себе, т. н. «цель по себе». Такого рода идеалом является свобода – абсолютная и высшая ценность. Вторые возникают в человеческом сознании и называются «цель для нас». Таким образом, И. Кант полностью выводит ценность из природного мира и приписывает её миру антропологическому, ведь её основа детерминирована волевыми способностями человека, его моральным долгом. С ценностью тесно связано понятие культуры: высшей ценностью и высшей формой культуры И. Кант считает нравственное совершенствование человечества.

По нашему мнению, недостатком теории ценностей И. Канта выступало то, что он полностью отделял аксиологию от онтологии и гносеологии, тем самым поставив последующих философов перед необходимостью интеграции этих трёх сфер. Как справедливо отмечал Н.А. Бердяев, «Кант оставил познающего с самим собою, гениально формулировал его оторванность бытия,

⁴⁴ Лейбниц, Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией: Сочинения в 4 т. Т. 4 [Текст] / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1989. – С. 49-554.

⁴⁵ Юм, Д. Исследование о человеческом разумении [Текст] / Д. Юм. – М.: «Прогресс», 1995. – 229 с.

⁴⁶ Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. – Москва: Мысль, 1994. – 591 с.

от действительности, от реальности...»⁴⁷.

Немецкий философ Г.В.Ф. Гегель был склонен считать ценность синонимом потребности, выраженной, в свою очередь, стоимостью. Ценность не тождественна вещи, а представляет собой созданную человеческим сознанием абстракцию, наиболее типичным примером которой являются деньги. Г. Гегель окончательно отказывается от нравственно-эстетического понимания ценностей и сводит их к политэкономическому стоимостному измерению⁴⁸. В целом, немецкая классическая философия заложила основы для становления аксиологии как самостоятельной отрасли знаний.

Первым, кто наиболее глубоко начал разрабатывать вопросы аксиологии, стал немецкий философ, врач и естествоиспытатель Р.Г. Лотце. В трактате «Основания практической философии» он выделил в качестве ценностей благое, справедливое, прекрасное вместе с иными проявлениями бытия, улавливаемыми только нашими чувствами и выстраиваемые в иерархию⁴⁹. Тем не менее, ценности не субъективны, а интерсубъективны; ценности связаны с вещами, но не сводятся только к вещам; оценивающие суждения обусловлены объектами, которые подвергаются оценке. Должное (ценности) влияет на сущее, но не наоборот. В познании ценностей Р.Г. Лотце, как и многие последователи кантианства, отводил решающее место некому «чувству ценностей», поэтому в целом данную парадигму можно охарактеризовать как интуитивистскую.

Р.Г. Лотце не удалось выработать чёткий методологический подход к выделению ценностей и создать ясную аксиологическую систему, за что исследователь подвергся критике М. Хайдеггера. Последний, в свою очередь, связывал начало аксиологии с именем Ф. Ницше, с образом Заратустры, который идеал ставит выше бытия. Ницшеанство отвергает этический рационализм Сократа, его тезис об аморальном поведении человека как следствии незнания общественных норм. Так как неизвестно, что же такое добро и зло, прекрасное и нравственное, исходя из этого, бессмысленны любые рассуждения о морали и

⁴⁷ Бердяев, Н.А. Философия свободы [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2005. – С. 11.

⁴⁸ Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель / Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

⁴⁹ Каган, М.С. Философская теория ценности [Текст] / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – С. 13-14.

ценностях. Цель философа, по мнению Ф. Ницше, – обнаружить подлинные ценности и составить их систему. Этот своеобразный разлом между должным и сущим ознаменовал главную проблему аксиологии – поиск подлинной реальности и её связей с окружающим бытием⁵⁰. Ф. Ницше принципиально отказывается от понятия «бытие», противопоставляя ему «ценность»; окружающий мир должен быть «обесценен», чтобы человек мог заново самоактуализироваться, единственным основанием жизни является «воля к власти».

Сам М. Хайдеггер, несмотря на существенное влияние на него Ф. Ницше, настаивал на «деаксиологизации» бытия, выступая против модной в его время аксиологии. По его мнению, понятия «благо», «значимость», «основание» и «ценность» определяются друг через друга, таким образом, аксиология как отрасль философского знания основана на «логических кругах»⁵¹. Сам факт оценивания свидетельствует о разрыве между человеком и реальным бытием, материальная рациональная среда и гуманизм только маскируют внутреннюю пустоту человеческой жизни и потому необходимо стремиться к слиянию с ценностным, к преодолению самой возможности оценивания⁵². Иными словами, аксиология и онтология снова, как у древних греков, должны стать единым целым.

Представитель австрийской психологической школы Й. Крейбиг предложил создать в структуре философии особую отрасль – тимологию как учение о ценностях. Последние он понимал преимущественно в оценочном смысле (тимология – от греч. τιμη – цена)⁵³. Тем не менее, его подход не встретил поддержки и сегодня широко используется термин «аксиология», предложенный французским философом П. Лапи в 1902 г.

Как можно заметить, ценностная проблематика занимала всё большее внимание учёных, и в результате активного развития ценностной теории со второй половины XIX в. стали складываться основные аксиологические направления (парадигмы) в философии, к которым можно отнести:

⁵⁰ Ницше, Ф. Так говорил Заратустра: Сочинения в 2 т. Т. 2 [Текст] / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – С. 5-237.

⁵¹ Хайдеггер, М. Европейский нигилизм. Сборник «Время и бытие»: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Библихина [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 71-72.

⁵² Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Наука, 2006. – 466 с.

⁵³ Ильин, В.В. Аксиология [Текст] / В.В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С. 10.

натуралистический психологизм, аксиологический идеализм, аксиологический трансцендентализм, персоналистический онтологизм, экзистенциализм, ценностную теорию русской философии, постмодернизм, аксиологический агностицизм и социологизм. В дальнейшем они получили своё научное развитие. Рассмотрим их более подробно.

Натуралистический психологизм (аксиологический натурализм). Следует отметить, что натурализм – крупное течение в науке и искусстве, своими истоками уходящее в философию Аристотеля. Он делится на классический натурализм и неонатурализм. У истоков классического натурализма стоял Ф. Brentano, понимавший ценности как результат имманентных психологических процессов личности: в результате рефлексии над жизненным опытом возникают душевные переживания, на базе которых образуются ценностные суждения и отношения⁵⁴.

В последующем, последователи данного направления (У. Джеймс, Дж. Дьюи, М. Роквич и В. Франкл) определяли, что источником ценностей являются психологически интерпретированные потребности, а в качестве самих ценностей выступают эмпирические факты воспринимаемой реальности. У. Джеймс отрицает существование высшей ценностной реальности. Добро и зло, нравственность и аморализм, по его мнению, существуют только в конкретной ситуации в контексте личной пользы индивида. Так, свобода существует исключительно в субъективном смысле и означает индивидуальное благо для отдельно взятого человека. Многообразие ценностей соответствует многообразию потребностей индивида⁵⁵.

Дж. Дьюи отвергает абсолютные ценности: «ценности так же неустойчивы, как формы облаков». Задача исследователя – проанализировать порождающие их условия, интерпретируя нравы, обычаи и институты в функциональном аспекте, всё время имея в виду возможность радикального обновления, в зависимости от вновь возникающих жизненных требований⁵⁶. Для Дж. Дьюи этика неотделима от праксеологии, ценности идентичны благам и потребностям, ценность, социальная

⁵⁴ Brentano, Ф. Психология с эмпирической точки зрения: Избранные работы [Текст] / Ф. Brentano. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество. – С. 11-95.

⁵⁵ Джеймс, У. Воля к вере [Текст] / У. Джеймс / Пер. с англ. Сост. Л. В. Блинников, А. П. Поляков. – М.: Республика, 1997. – 431 с.

⁵⁶ Дьюи, Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека [Текст] / Д. Дьюи. – М.: Республика, 2003. – С. 328-329.

норма и норма права отождествляются, ценности имеют ситуативный и личностный характер. Существуют высшие (имманентные) и инструментальные (экономические) ценности, их наличие объясняется разделением общества на элиту и низший класс. Философ исключает возможность построения иерархии ценностей, очевидно предполагая: если из любой жизненной ситуации человек может извлечь благо, а благо и есть ценность, то иерархия ценностей невозможна. Ценность трактуется Дж. Дьюи как континуальный процесс совершенствования определённого объекта: «не усовершенствование как конечная цель, а вечно длящийся процесс совершенствования, созревания, обогащения как смысл существования»⁵⁷.

Этой же линии впоследствии будет придерживаться А. Маслоу, в концепции которого идеалы и потребности отождествляются, на основании чего выделяются следующие типы ценностей: витальные, интеракционистские, социализационные и смысложизненные⁵⁸. М. Рокич, выделял терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства) ценности. Первые обобщенно выражают важнейшие цели, идеалы и смыслы жизни людей (здоровье, любовь, власть и др.). Вторые отражают методы, при помощи которых индивиды достигают ценностей-целей: образование, материальное благополучие, интересная работа⁵⁹. В. Франкл выявил три группы ценностей: ценности творчества, ценности переживания и ценности отношения. Этим ценностям соответствуют три основных пути поиска человеком смысла жизни⁶⁰.

Представители классического натурализма внесли значительный вклад в понимание субъективной составляющей ценности, но нам представляется, что они игнорировали факт онтологического бытия ценностей, зачастую чрезмерно упрощая сложность проблемы ценностного наполнения действительности.

В современности натурализм приобретает новое звучание. В свете кризисных событий, охвативших большинство регионов мира, учёные, кроме нового обоснования существования человека в мире, пытаются выявить истоки его ошибок

⁵⁷ Там же, С. 113.

⁵⁸ Маслоу, А. Психология бытия [Текст] / А. Маслоу. – М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1997. – 304 с.

⁵⁹ Rokeach, M. The nature of human values [Text] / M. Rokeach. – NY: Free Press, 1973. – 438 s.

⁶⁰ Тетерин, В.Н. Ценности и смыслы Виктора Франкла [Текст] / В.Н. Тетерин // Вопросы философии. 2013. № 4. – С. 70-76; Франкл, В. Человек в поисках смысла [Текст] / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 345 с.

и вернуть к деятельности, основанной на здравом смысле. Именно с этих позиций представители неонатурализма осуществляют «ревизию» философских теорий. Используя данную методологию, неонатуралисты меняют угол зрения на ту или иную проблему, основываясь на положениях и выводах философов предшествующих веков. Большое влияние на них оказали воззрения Аристотеля, С. Брабантского, Ф. Аквинского, Д. Скотта, У. Оккама и т. д.

Об устойчивой тенденции к распространению «неонатуралистических догм» свидетельствуют труды французского философа Ж.-М. Шеффера. Рассматривая человека как единство биологического, социокультурного и ментального, он, тем не менее, настаивает на онтологическом приоритете биологического. Базовый принцип неонатурализма: жизнь как имманентная сущность зародилась задолго до возникновения человека, который лишь венчает процесс эволюции. Человек подчиняется биологическому детерминизму и вступает в ценностные отношения (ценности существуют только как отношения) ещё до своего физического рождения. Как существо с наиболее важным онтологическим измерением, он способен создать собственно человеческие ценности, однако это представляет собой только процесс интенсификации биологически обусловленных отношений значимости⁶¹. Таким образом, неонатуралистический подход, программно связывает изучение «физиологического» человека с задачами исследования общественного «организма». В целом, данная установка неонатурализма представляет значительный научный интерес и, по нашей оценке, может быть востребована не только в философии, но и в естественных науках.

Аксиологический трансцендентализм. В. Виндельбанд и Г. Риккерт, представители баденской школой неокантианства, создали учение о ценностях, получившее название аксиологический трансцендентализм. Ценность в трудах философов понимается как идеальное бытие, связанное с «чистым», трансцендентальным сознанием. Будучи идеальными предметами, ценности не зависят от человеческих потребностей и желаний, они существуют сами по

⁶¹ Шеффер, Ж.-М. Конец человеческой исключительности [Текст] / Ж.-М. Шеффер. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.

себе, в своей идеальной сфере.

В. Виндельбанд подходил к понимаю ценностей логически: они – необходимое условие правильного мышления и взаимопонимания между людьми. Высшими ценностями являются истина, святость, красота и благо. Но их невозможно обнаружить как материальный предмет, они отражаются только в сознании человека и выполняют сигнификативную функцию⁶².

Аналогичной позиции придерживался Г. Риккерт, разделявший ценности и бытие: «Лишь совокупность бытия и ценностей составляет вместе то, что заслуживает имени мира. Следует при этом отметить, что ценности, противопоставляемые нами действительному бытию, не являются сами частями этого последнего»⁶³. Несомненной заслугой Г. Риккерта выступает разграничение сущностных оснований понятий «благо», «ценность» и «оценка». Первое он понимал как материальную важность объектов, второе – как символическую, «значащую» важность объектов, а оценка – это акт действия, совершаемый на основе ценности, лежащей в сознании человека. Мир – это единство «трёх царств» – бытия (действительности), ценностей и смысла, – причём последнее царство появляется только при единстве первых двух. Г. Риккерт выделяет шесть областей ценностей: логические, действующие в науке, эстетические, воплощающиеся в искусстве, мистические, возникающие в языческих культурах, нравственные и социально-этические, личные и религиозные⁶⁴. По нашему мнению, недостаток философии Г. Риккерта, как и всего кантианского направления, состоит в разделении субъекта и объекта. Второй принципиально непознаваем для первого, поэтому Г. Риккерт и ищет «третье царство», способное объединить две области. Кроме того, не вполне проработан праксеологический аспект, т. е. каким образом ценности могут быть воплощены в реальной жизнедеятельности людей.

С неокантианством тесно связана феноменология Э. Гуссерля, утверждающая, что вместо непосредственных ценностей, предметов, целей и т.

⁶² Виндельбанд, В. Прелюдии [Текст] / В. Виндельбанд. – М.: Кучково поле, 2007. – 400 с.

⁶³ Риккерт, Г. О понятии философии [Текст] / Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 22.

⁶⁴ Риккерт, Г. О системе ценностей [Текст] / Г. Риккерт / Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 374-387.

д. мы воспринимаем только субъективно преломляемый опыт. Ценность как вещь-в-себе существует в особом идеальном мире, человек же способен воспринять поток переживаний, состоящий из эмоций, чувств, мышления, суждений и пр. Ценности должны быть трансцендированы сознанием и тогда приобретут смысл бытия, их источником выступает человеческое сознание, приписывающее определённые смыслы познаваемому объекту⁶⁵. Учение Э. Гуссерля оказало определяющее влияние на ценностную теорию М. Шелера, получившую название «персоналистического онтологизма».

Аксиологический трансцендентализм представляет собой одну из крупнейших парадигм в аксиологии, однако в силу выведения ценностей за грань материального мира он имеет идеализированный характер и, по нашему мнению, не вполне хорошо объясняет структуру аксиосферы общественного бытия.

Русская философия. Особый смысл изучение ценностей приобрело в русской философии. На наш взгляд, её отличительная черта состоит в отсутствии систематизированной теории ценностей, поскольку последние неотделимы от подлинного бытия, а оно существует только в Боге. Тем не менее, большинство концепций российских учёных аксиологичны и репрезентируют глубоко интериоризованные этические идеалы. Первыми философами, обратившими внимание на ценности, были славянофилы А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. Они жёстко критиковали западные рационализм и техницизм и требовали возвращения к идеалам православия и устройства на них социальной жизни русского общества. По их мнению, несовершенство русского общества – результат презрения к старым традициям и отходу от Бога⁶⁶. Напротив, западник Д.И. Писарев был склонен к нигилистическому рассмотрению ценностей, призывая к их утилитарной переоценке. По его мнению, религиозные идеалы не привели Россию к общественной гармонии, что вызывает необходимость

⁶⁵ Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука [Текст] / Э. Гуссерль. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с.

⁶⁶ Бердяев, Н.А. Алексей Степанович Хомяков [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 324 с.; Киреевский, И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии [Текст] / И.В. Киреевский / Б.Н. Тарасов. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе: Сборник статей. – М.: Кругъ, 2007. – С. 139-185.

выработки новых, практических ориентиров⁶⁷.

Преодоление некоторой односторонности подходов западников и славянофилов произошло у Ф.М. Достоевского. По его мнению, русский народ, как единственный народ-богоносец, должен выполнить миссионерскую функцию спасения мира путём передачи другим народам христианских идеалов. При этом высшей ценностью для Ф.М. Достоевского выступает идеал красоты: «без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете!»⁶⁸. Для того, чтобы спастись, человек должен стать сердечно мыслящим, полностью отречься от мирских соблазнов и построить «здание человеческого счастья»⁶⁹.

Особый взгляд на ценности отмечается у В.С. Соловьёва, который предлагал всю совокупность научных, философских и религиозных взглядов синтезировать в теософскую систему. Отдельные политические, социальные и т. д. учения представлялись ему недостоверными, ограниченно схватывающими реальность и при этом подающими своё учение в непреложной форме. Кризис современного мира состоит в подаче относительных ценностей как абсолютных. Предотвратить его возможно путём установления вселенской теократии под руководством папского престола и российского самодержавия⁷⁰.

Философ В.В. Розанов определял различие ценностей и бытия как источник несовершенного познания: «лишь там, где субъект и объект – одно, исчезает неправда»⁷¹. Ценности лежат в основе жизни человека и определяют интенциональность его сознания. Эталоном для В.В. Розанова выступили семья и Бог, задающие векторы должного развития человека. Отклонение от этих стандартов и, как следствие, искажение базовых ценностей, наблюдалось в современных ему Европе и России: «цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей, стержневых, "на роду написанных", из которых "всё

⁶⁷ Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 286 с.; Сухов, А.Д. Философский материализм Писарева [Текст] / А.Д. Сухов // Философия и общество. 2005. № 1. – С. 133-142.

⁶⁸ Достоевский, Ф.М. Бесы: Роман [Текст] / Ф.М. Достоевский. – СПб.: «Азбука-классика», 2009. – С. 469.

⁶⁹ Цит. по: Б.Н. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе: Сборник статей [Текст] / Б.Н. Тарасов. – М.: Кругъ, 2007. – С. 315.

⁷⁰ Соловьёв, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия [Текст] / В.С. Соловьёв. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 654 с.

⁷¹ Розанов, В.В. Уединённое: Сборник Апокалипсис нашего времени [Текст] / В.В. Розанов. – М.: Эксмо, 2008. – С. 35-131. – С. 187.

тесто взошло"»⁷². Социальные ценности должны интегрировать общество, всё, что противоречит данному принципу, – например, социализм, – В.В. Розанов считал ошибочным. Поэтому воплощением ценностного кризиса России он видел революцию 1917 г.

В основе философии Н.А. Бердяева лежат идеалы свободы, понимаемой в духе Платона и В.С. Соловьёва, а также творчества. По Н.А. Бердяеву, человек спасается через творчество, реализуя своё дарованное Богом право на изменение бытия⁷³. В целом, философ внёс значительный вклад в понимание ценностной составляющей отношений между обществом, государством и личностью.

В дальнейшем, важными вехами в аксиологии стали близкие по содержанию теории Б.П. Вышеславцева и П.А. Сорокина, особую важность в которых, в аспекте нашего анализа, представляет понятие антиценностей. Оба философа утверждали, что с развитием цивилизации все высшие ценности (святость, благородство, честность и др.) вытесняются антиценностями (невежество, низость, обман и т. д.). Высшее редуцируется к низшему, человек низводится до состояния животного, цинизм подменяет идеалы, социальные утопии – религию⁷⁴. При этом Б.П. Вышеславцев идёт дальше и утверждает, что материализм и предельная рационализация жизни – следствие перевёрнутой пирамиды ценностей. Её низшие уровни приобретают право на самостоятельное квазибытие, таким образом нарушается иерархия ценностей и разрывается целостность бытия. Абсолютизация относительного – первопричина жизненного зла. Напротив, когда иерархия соблюдается, то человеку раскрывается трансцендентное Абсолютное⁷⁵.

Выдающийся вклад в теорию ценностей внёс Н.О. Лосский. В работе «Ценности и бытие» он проводит знак тождества между бытием и ценностью: ценность – «это бытие в его значении для осуществления абсолютной полноты бытия или удаления от нее»⁷⁶. Источник этой нераздельности – Бог, абсолютная

⁷² Розанов, В.В. Опавшие листья. Короб первый: Сборник Апокалипсис нашего времени [Текст] / В.В. Розанов. – М.: Эксмо, 2008. – С. 131-297. – С. 248.

⁷³ Бердяев, Н.А. Смысл творчества [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 654 с.

⁷⁴ Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

⁷⁵ Вышеславцев, Б.П. Этика преображённого Эроса [Текст] / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994 г. – 368 с.

⁷⁶ Лосский, Н.О. Ценность и бытие [Текст] / Н.О. Лосский. – М.: Изд-во Книга по требованию, 2012. – С. 95.

полнота бытия, сама в себе имеющая смысл, вкладывающий в сознание человека определённый идеал его личности. Существуют ценности относительные – «те ценности, которые в каком-либо отношении суть добро, а в другом зло» – и абсолютные (или самоценности), которые также подразделяются на ряд категорий, в особенности, на актуально всеобъемлющие абсолютные самоценности (личность), и на потенциально всеобъемлющие абсолютные самоценности (действующий субъект). Философия Н.О. Лосского органично связывает онтологию, гносеологию и аксиологию, представляя, таким образом, уникальную концепцию. Нам представляется, что оно так и не было востребовано наукой в полной мере. Проблемы ценностей также поднимались у Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина, Е.Н. Трубецкого и С.Л. Франка⁷⁷, которые, в целом, следовали традиционной для русской философии линии отождествления ценностей с бытием, антиценностей – с небытием, и понимали Бога как источник высших идеалов.

Развитие русской религиозной философии было прервано установлением советского режима, в годы существования которого появилась советская философия, внёсшая свой вклад в ценностную проблематику. Особо следует выделить ценностные теории В.П. Тугаринова и О.Г. Дробницкого. Согласно В.П. Тугаринову, ценности порождаются практическим отношением человека к миру и в зависимости от социально-экономического способа производства природа ценностей может меняться. Высшей ценностью философ признаёт человека и жизнь живых существ в целом. В определении духовных ценностей В.П. Тугаринов полностью придерживается традиций русской философии, считая абсолютными идеалами Добро, Истину и Красоту⁷⁸.

В свою очередь, О.Г. Дробницкий проанализировал проблему связи ценности с реальностью: соотношение её материального, овеществлённого аспекта и идеальных свойств. Сущность идеальных свойств ценностей, по его мнению, заключается во вступлении их в социальные отношения: предмет «оживает»,

⁷⁷ Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 751 с.; Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни [Текст] / Е.Н. Трубецкой. – М.: АСТ, 2003. – 396 с.; Франк, С.Л. Смысл жизни [Текст] / С.Л. Франк. – М.: АСТ, 2004. – 157 с.; Шпет, Г.Г. Явление и смысл [Текст] / Г.Г. Шпет. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 325 с.

⁷⁸ Тугаринов, В.П. О ценностях жизни и культуры [Текст] / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1960. – 152 с.; Тугаринов, В.П. Теория ценности в марксизме [Текст] / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1968. – 124 с.

наполняясь социальным смыслом, играя определённую роль в жизни человека. При этом «предмет, являющийся порождением человека, не отличим от бытия самого человека. Это тоже самое бытие человека, хотя и выраженное вовне, во внешнем телу и сознанию человека предмете»⁷⁹. Выделим также работы В.А. Лефевра, предложившего концепцию четырёх формальных моделей генерации ценностей⁸⁰. Несомненно, что советская философия внесла значительный вклад в исследование проблемы ценностей, и он унаследован современной, постсоветской наукой.

В целом, русской философии не свойственна рефлексия над созданием целостной аксиологической системы, чаще всего ценности интересуют учёных преимущественно в аспекте иных проблем – онтологических, гносеологических, социальных и пр. Тем не менее, прослеживается глубокое понимание сущности ценностей в ряде учений, а также следует выделить преемственность идей между дореволюционной, советской и современной отечественной аксиологией.

Персоналистический онтологизм. М. Шелер придерживается кантианского противопоставления мира наличного бытия и мира ценностей, однако избирает иной путь постижения последнего: «путь к высшим ценностям... сложный культурно-исторический процесс становления, захватывающий эмоциональное и рациональное, духовное и телесное, индивидуальное и социальное»⁸¹. Ценности надиндивидуальны и существуют независимо от сознания человека, они задают нормы поведения и выступают как объект стремления людей. Ценности познаются в акте идеации – проведении различий между добром и злом, вне этого разделения ценностей не существует, ценность проявляется только в добрых поступках⁸². Философ делит ценности на эмпирические – материальные блага, которые могут быть причиной борьбы между индивидами, – и высшие, неделимые и принадлежащие всем, они выполняют функцию интеграции людей. Критериями ценностей выступают

⁷⁹ Дробницкий, О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия [Текст] / О.Г. Дробницкий. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – 321 с.

⁸⁰ Лефевр, В.А. Алгебра совести [Текст] / В.А. Лефевр. – М.: «Когито-Центр», 2003. – 426 с.; Лефевр, В.А. Высшие ценности и формальная теория выбора [Текст] / В.А. Лефевр // Вопросы философии. № 4. 2012. – С. 154-158.

⁸¹ Марков, Б. В. Ценности и бытие в философской антропологии Макса Шелера [Электронный ресурс] / Б.В. Марков. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/markov/values.html>;

⁸² Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей [Текст] / М. Шелер. – М.: Наука, 1999. – С. 62.

долговечность, неделимость, обоснованность, глубина удовлетворения, относительность ступеней ценностей. Аксиосфера предстаёт как восхождение по «лестнице»: на низших ступенях находятся гедонистические и витальные ценности, относящихся к телесной жизни человека, в середине – духовные культурные ценности, на вершине – религиозные идеалы. Также М. Шелер сформулировал своеобразный аксиологический закон: одна и та же ценность не может быть и позитивной, и негативной.

Ученик М. Шелера, Н. Гартман также выделяет ценности в особое царство, при этом бытие человека подчинено, хотя и не полностью, ценностной детерминации⁸³. Также Н. Гартман составил классификацию ценностей, схожую с шелеровской: ценности блага, ценности удовольствия, ценности жизни, нравственные ценности, эстетические ценности, познавательные ценности (истина). Отличие от типологии М. Шелера состоит в том, что Н. Гартман отрицает превосходство одной из духовных ценностей над любой другой.

Следует отметить, что персоналистический онтологизм стал, вероятно, крупнейшей концепцией ценностей в истории философии, при этом, по нашей оценке, его гносеологический потенциал не был в полной мере воспринят последующей наукой.

Экзистенциализм. Представители данного направления смещали акцент анализа в плоскость отчуждения индивида от идеального бытия. Французский философ Ж.-П. Сартр разделяет тезис М. Хайдеггера о том, что сама способность человека оценивать – это проявление несвободы. Ценности нельзя понимать как факты реального мира, поскольку они лишаются субъективной значимости и становятся формальными социологическими фактами, но также они не являются идеальными конструктами, поскольку такой ракурс рассмотрения отчуждает их от бытия. Философ заключает, что ценность расположена вне бытия, но тесно с ним связана, следует за ним и посредством человеческого сознания воплощается в реальности. Высшим идеалом Ж.-П. Сартр считал свободу как преодоление

⁸³ Гартман, Н. Этика = Ethik [Текст] / Н. Гартман. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 707 с.

детерминизма бытия⁸⁴. На наш взгляд, доводя данную точку зрения до логического завершения, можно сказать, что общественная деятельность без раскрытия внутренних качеств человека – это скорее проявление несвободы, отчуждённости личности от самой себя. Поэтому экзистенциализм настаивает на преобразении как общества, так и человека.

Дальнейшее развитие аксиология экзистенциализма получила в творчестве Э. Левинаса и, в особенности, Д. фон Гильдебранда. Последний в «Этике» утверждает несводимость ценностей к каким-либо иным понятиям, кроме собственного денотата. Ценности бывают, во-первых, онтологическими, тождественными самому бытию (жизнь человека) и несущими отпечаток божественного замысла, и, во-вторых, квалитативными, нравственными, независимыми от объекта, благими в платоновском смысле слова⁸⁵. Философия Д. фон Гильдебранда с одной стороны, глубоко аксиологична, с другой, – религиозна и персоналистична; уделяет существенное внимание человеческой воле и долженствованию как важнейшим составляющим процесса познания и практического воплощения ценностей.

По нашей оценке, экзистенциальный подход к ценностям неоднозначен. С одной стороны, он характеризуется усилением субъективной составляющей и акцентом на индивидуальных переживаниях, что является, тем не менее, общим методологическим свойством экзистенциализма как философского течения. С другой стороны, экзистенциализм открывает широкие перспективы, например, интерпретации ценностей в аспекте общественного долженствования и в этом плане он должен быть осмыслен современной наукой.

Аксиологический идеализм. Представлен философией неотомизма Ж. Маритена, утверждавшего факт неразрывности онтологии, гносеологии и аксиологии, «погружённости» бытия человека в ценности. Отличие идеализма от древнегреческой философии состоит в необходимости «увидеть» истинные

⁸⁴ Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии [Текст] / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.

⁸⁵ Гильдебранд, Д. фон. Этика [Текст] / Д. фон Гильдебранд. – М.: Алетейя, 2001. – 570 с.; Левинас, Э. Гуманизм другого человека: Избранное: Трудная свобода [Текст] / Э. Левинас. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 752 с.

ценностей сквозь социально-политические напластования вроде либерализма, социализма и других идеологий, искажающих подлинное бытие. Ж. Маритен разработал учение об «интегральном гуманизме», смысл которого состоит в необходимости реализации ценностей человеческой жизни и коллективного сосуществования в обществе⁸⁶. Аксиологический идеализм представляет собой шаг вперёд в изучении ценностей, поскольку подчёркивает важную роль ценностей в жизнедеятельности человеческого сообщества.

Аксиологический агностицизм (критическая аксиология).

Принципиальное отрицание ценностей как онтологических феноменов свойственно логикам и эмотивистам (Ч. Стивенсон, Б. Рассел, А.Д. Айер). Для них ценности представляют собой либо результат логических суждений, либо основанное на опыте выражение субъективных оценок неких событий. Эмотивизм постулирует необозначаемость ценностных суждений, т. е. отсутствие в материальном мире их эмпирических носителей, поэтому аксиология должна быть упразднена как наука о несуществующем. К критической аксиологии также примыкает метаэтика (Дж. Мур). В ней ценности рассматриваются в аспекте их влияния на знание (существует ли ценностно нейтральное знание) и когнитивного статуса ценностных (моральных) суждений. В итоге, метаэтика приходит к заключению, что ценностные суждения не способны описывать никаких логически верифицируемых фактов, поэтому их существование в логике имеет прескрептивный аспект, т. е. аспект долженствования. Ценности существуют потому, что необходимы для организации человеческой жизнедеятельности.

На наш взгляд, логика как отрасль знания, «очищенная» от иррационализма и потому удалённая от реальной жизни, вряд ли способна раскрыть сущность ценностей, объективно данных в общественном бытии; так же и эмотивизм в силу внутренней противоречивости существует сегодня только как историческое направление.

Постмодернизм. Если все вышеописанные учения опирались на

⁸⁶ Маритен, Ж. Человек и государство [Текст] / Ж. Маритен. – М: Идея-Пресс, 2000. – 196 с.

определённые философские традиции понимания ценностей, то постмодернизм предложил кардинально иной подход. Согласно ему, термин «ценность» – анахронизм, не применимый в современном философском анализе. Бытие подменяется иллюзиями, представляет собой срежессированный спектакль, и невозможно найти различия между подлинным и фальшивым⁸⁷. Так, французский философ Ж. Бодрийяр выделил четыре стадии существования ценностей: ценность как природное явление, ценность как средство рыночного обмена, ценность как символ, ценность как фрактал. На последней стадии «ценность распространяется во всех направлениях без какой-либо логики», что стирает сам смысл понятия⁸⁸. По мнению постмодернистов, говорить об аксиологических основаниях бытия не имеет смысла и человек обречён искать иные смысловые опоры в современном мире. Таким образом, постмодернизм весьма критичен в отношении ценностей, хотя безусловным достоинством данного направления следует считать недвусмысленную постановку факта кризиса аксиосферы современного общества.

Социологизм. Самостоятельное и плодотворное развитие аксиология получила в социологии. В ней понятие ценности использовалось неоднократно зарубежными и отечественными исследователями: М. Вебером, Э. Дюркгеймом, структурными функционалистами, Р. Инглхартom, В.А. Ядовым и др. В силу разнообразия методологий, в социологии имеется большое количество подходов, поэтому остановимся на наиболее важных работах.

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер, не используя собственно термин «ценность», анализирует ценностную мотивацию социальных действий и описывает масштабные изменения в обществе – смену облика капитализма и создание классов⁸⁹. Ценность – это интеллектуальный, «логический» конструкт мышления индивида. Отличие ценности от нормы состоит, во-первых, в культурном, а не социальном характере первой, во-вторых, в добровольности принятия её индивидом, тогда как норма носит жёстко принудительный характер.

⁸⁷ Дебор, Г. Общество спектакля [Текст] / Г. Дебор. – М.: Изд-во Опустошитель, 2011. – 178 с.

⁸⁸ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – С. 10-12.

⁸⁹ Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма: Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44-271.

М. Вебер разделял ценности научные (истину) и практические (партийные), подчёркивая неприемлемость их смешения в научном познании, ведущем к подмене теоретических аргументов политической пропагандой⁹⁰.

Э. Дюркгейм высказывает мысль о фактах реального, материального мира (реальные суждения) и суждениях, в которых выражаются оценки этих фактов (ценностные суждения). В отличие от М. Вебера, он рассматривает ценности не как факт сознания индивида, а как элемент особой реальности общества, созданной общественной элитой: ценность или суждение о ней надиндивидуально, человек вынужден приспособляться к имеющейся в обществе аксиологической системе, что освобождает последнюю от «субъективных и изменчивых оценок». Ценности не трансцендентальны, они посюсторонни и даны нам в виде конкретных вещей (государственная символика)⁹¹. Ценности, в сущности, лежат в основе социальной солидарности, её механистического или органического типа, что детерминирует весь комплекс общественных отношений конкретного социума. Тезис Э. Дюркгейма о выполнении каждым социальным институтом ценностной функции был положен в основу структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона в их теории о фидуциарной системе общества.

Следует отметить, Т. Парсонс изучает ценности, прежде всего, в аспекте социального действия «актор – среда», что детерминирует их рассмотрение в поведенческом аспекте. Он понимает ценности как ценностные образы, «как главный связующий элемент социальной и культурной систем»⁹², кроме этого он разводит по сущностному содержанию понятия «ценность» и «норма». Различие состоит, во-первых, в источнике происхождения: нормы социальные, а ценности культурны; во-вторых, в функциональном значении: ценности интегрируют социальные структуры и индивидов, легитимизируют и поддерживают социальный порядок, а норма выполняет роль регуляции поведения человека в общественных отношениях и процессах. Ценности, поскольку относятся к культурной подсистеме

⁹⁰ Вебер, М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке: Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 546-601.

⁹¹ Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные суждения» [Текст] / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. 1991. № 2. – С. 106-114.

⁹² Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения [Текст] / Т. Парсонс // THESIS. 1993. вып. 2. – С. 111.

общества, выполняют также функцию воспроизводства социального стандарта действия. Воспроизводство осуществляется посредством генерализации ценностей в социальных институтах семьи, образования, религии и т. д.⁹³

Р. Мертон полностью придерживается позиции Т. Парсонса о доминирующей роли ценностей в аспекте интеграции общества, он ярко выражает эту мысль фразой: «До тех пор, пока не сложился запас ценностей, разделяемых взаимодействующими индивидами, существуют только социальные отношения, если можно так назвать беспорядочные взаимодействия людей, – но не общество»⁹⁴. При этом ценности для Р. Мертона выступают в аспекте рассогласования должного, в соответствии с социальными предписаниями, и аномичного поведения. Таким образом, культура предписывает людям цели, намерения и интересы, которые складываются в определённую иерархию ценностей, задают мотивации на деятельность по достижению этих целей и через систему норм регулируют данный процесс. В случае невозможности достижения цели нормативным путём, человек может избрать одну из аномических форм поведения⁹⁵, которые, по его мнению, разрушают социальный консенсус вплоть до полной дестабилизации общества.

Социологическая практика изучения ценностей нашла отражение в культурно-антропологических концепциях Ф. Боаса, Б. Малиновского, А.Р. Рэдклиффа-Брауна, К. Клакхона и Ф. Стродтбек⁹⁶. Исторически эта парадигма берёт начало в философии В. Дильтея. Для культурно-антропологического направления ценности – это чувство значимого, которое воспитывается культурой. Многообразие культур соответствует многообразию систем ценностей, а ценности распространяются как обычные культурные объекты. Мы можем заключить, что в данных теориях ценности примитивизируются и лишаются онтологической глубины.

⁹³ Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

⁹⁴ Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. Мертон. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 256.

⁹⁵ Там же. С. 272.

⁹⁶ Емельяненко, Т. В. Методы межкультурных исследований ценностей [Текст] / Т. В. Емельяненко // Социология: 4М. 1997. № 9. – С. 35; Inkeles, A. National character: a psycho-social perspective [Text] / A. Inkeles. – Transaction Publishers, 1997. – P. 27-28.

Г. Олпорт, Р. Инглхарт и В.А. Ядов, проводя эмпирические исследования ценностей, способствовали созданию особой отрасли знания – аксиометрии. Г. Олпорт отразил результаты своих исследований в работе «Изучение ценностей», которая эмпирически подтвердила типологию немецкого психолога Э. Шпрангера. В типологии Э. Шпрангера существует шесть главных ценностей, которым соответствуют шесть культурно-психологических типов человека: теоретический, экономический, эстетический, социальный, властный и религиозный. В конкретной личности они могут быть представлены все или частично, но одна будет всегда доминировать.

После Второй мировой войны произошёл переход от материалистических к постматериалистическим ценностям. Р. Инглхарт назвал этот процесс «тихой революцией». В результате экономического роста в странах Запада на задний план отошли идеалы экономической и физиологической безопасности и стали доминировать самовыражение и качество жизни. Следствием данного процесса является трансформация общественных институтов, которая, как пишет Р. Инглхарт, «характеризуется упадком иерархических институтов и жёстких социальных норм и расширением сферы индивидуального выбора и массового участия»⁹⁷.

Важное значение в понимании роли ценностей в аспекте регуляции социального поведения личности сыграло исследование В.А. Ядова. На основе результатов была сформулирована диспозиционная концепция личности, включающая четыре уровня: элементарные фиксированные установки, система социальных установок, ценностные ориентации и общая направленность интересов личности. Ценностные ориентации «позволяют уловить наиболее общие социальные детерминанты мотивации поведения, истоки которой следует искать в социально-экономической природе общества, его морали, идеологии, культуре, в особенностях классового и социально-группового сознания той среды, в которой формировалась социальная индивидуальность и где протекает повседневная жизнедеятельность человека»⁹⁸.

⁹⁷ Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Текст] / Р. Инглхарт // Политические исследования. 1997. № 4. – С. 9.

⁹⁸ Ядов, В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности [Текст] / В.А. Ядов,

В целом, интерпретация ценностей в социологии разнообразна, однако имеет общим основанием отрицание «инобытия» ценностей, их существования в трансцендентном мире.

Также можно выделить известных философов, не примыкавших ни к одному из вышеперечисленных течений. Г. Зиммель понимал под ценностями природные феномены, приобретающие культурное измерение и оказывающие влияние на человеческую жизнь⁹⁹; для Л. Витгенштейна, как и для М. Хайдеггера, свойственно стремление к деаксиологизации бытия, при этом австрийский философ отводит ценностям место за гранью известного мира: «если есть ценность, имеющая ценность, то она должна лежать вне всего происходящего»¹⁰⁰. Э. Трёлч уделяет внимание ценности как выражению субъективных стремлений личности, исходящих из жизни как целостного процесса¹⁰¹. Х.Р. Нибур рассматривает ценности только как функцию отношений субъектов между собой, тем самым несколько ограничивая глубину понятия «ценность»¹⁰². Р. Арон разделил мир ценностей и мир прогресса, ценности, по его мнению существуют в экономике, политике и культуре¹⁰³. Можно отметить также представителей Франкфуртской школы – Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромма. Они анализировали современное общество с позиций дегуманизации личности и её отчуждения от подлинного бытия. Их работы внесли значительный вклад в понимание ценностей как социально-политических феноменов.

В современной аксиологии наблюдается своего рода «методологический хаос», отказ от классических парадигм, а также склонность к междисциплинарным и межпарадигмальным исследованиям. Например, Г.М. Вернон изучал ценности в аспекте символического интеракционизма¹⁰⁴, а

В.С. Магун, П.В. Борзикова // Под. ред. В. А. Ядова. – Л.: Наука, 1979. – С. 16.

⁹⁹ Зиммель, Г. Созерцание жизни: Избранное, Т. 2 [Текст] / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – С. 76.

¹⁰⁰ Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн. – М.: Наука, 1958. – С. 84-85.

¹⁰¹ Трёлч, Э. Историзм и его проблемы [Текст] / Э. Трёлч. – М. Юрист, 1994. – 720 с.

¹⁰² Нибур, Х.Р. Средоточие ценности [Текст] / Х.Р. Нибур // Культурология XX век: антология: аксиология, или философское исследование природы ценностей. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 144 с.

¹⁰³ Арон, Р. Избранное: Введение в философию истории [Текст] / Р. Арон. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 215-526.

¹⁰⁴ Vernon, G.M. Values, value definitions and symbolic interaction [Text] / G.M. Vernon // Value Theory in philosophy and Social science. – Gordon and Breach. 1973. – S. 54-67.

Р. Хартманн разработал эмпирически подкреплённую концепцию ценностей¹⁰⁵. Представляется интересным вывод Р. Фрондизи о сложноструктурированной иерархии ценностей, невозможности построения строго линейной, ранжированной системы, что вступает в противоречие с положениями классической аксиологии¹⁰⁶. К. Байер выделяет в мире ценностей «ценностное достоинство» и «ценностное осуждение», первое – это способность живых существ присваивать блага, второе – способность личности к волевому достижению результата¹⁰⁷.

Для современного неогегельянца В. Хёсле ценности имеют intersубъективный характер, что позволяет снять проблему непознаваемого мира ценностей, характерную для аксиологического трансцендентализма. В основе intersубъективности находится синтетическое априорное знание, оказывающее влияние на этику («моральный реализм»)¹⁰⁸.

Следует также упомянуть изучение ценностей в философии науки. Согласно Т. Куну, ценности влияют на научный анализ, добавляя в него определённый субъективный компонент, и эта ситуация неустранима (отчасти это отразилось в принципе «несоизмеримости парадигм»)¹⁰⁹. И. Лакатос подверг критике «иррационализм» Т. Куна и П. Фейерабенда, настаивая на необходимости существования в науке исключительно рационально обоснованных научных ценностей¹¹⁰. Современный британский философ Л. Лаудан признаёт исторически различные по своей сущности ценности как факторы, влияющие на объективный процесс научного познания, при этом настаивает на необходимости их критической оценки, т. к. ценности науки по своей сущности рациональны¹¹¹.

¹⁰⁵ Hartman, R.S. Formal Axiology and the measurement of values [Text] / R.S. Hartman // Value Theory in philosophy and Social science. – Gordon and Breach. 1973. – S. 104-119.

¹⁰⁶ Frondizi, R. What is Value? An Introduction to axiology [Text] / R. Frondizi. – La Saille, Illinois, Open Court Pub Co. 1971. – 179 s.

¹⁰⁷ Baier, K. Concept of Value [Text] / K. Baier // Value Theory in philosophy and Social science. – Gordon and Breach. 1973. – S. 78-91.

¹⁰⁸ Hösle, V. Hegels System. Der Idealismus der Subjektivität und das Problem der Intersubjektivität [Text] / V. Hösle. – Meiner, F, 2014. – 709 s.

¹⁰⁹ Кун, Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории: Современная философия науки: Хрестоматия [Текст] / Т. Кун. – М., 1994. – С. 37-51.

¹¹⁰ Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ: Избранные произведения по философии и методологии науки [Текст] / И. Лакатос. – М.: Академический проект, 2008. – С. 281-475.

¹¹¹ Лаудан, Л. Главы из книги «Наука и ценности»: Современная философия науки [Текст] / Л. Лаудан. – М.:

Анализ основных философских теорий ценностей показал, что наукой так и не выработан единый, непротиворечивый взгляд на природу ценностей. Общее методологическое состояние в аксиологии можно охарактеризовать как хаотичное.

В дальнейшем при изучении социально-политических ценностей мы будем придерживаться подхода Д. фон Гильдебранда, который можно назвать «оптимистичным (конструктивным) экзистенциализмом». На его основе в следующем параграфе мы покажем качественный характер социально-политических ценностей, определим их отличие от объективного и субъективного блага, обозначим материальных носителей данных ценностей и их несводимость к иным видам ценностей, а также роль социально-политических ценностей в жизни общества.

1.2 Социальное и политическое в аксиологической конструкции социума

Цель нашего исследования обуславливает необходимость всестороннего рассмотрения сущностных оснований социально-политической сферы общества, которая обладает собственным уникальным бытием, формируется в зависимости от традиций, культуры, социальных структур, среды обитания человека, и одновременно выступает в качестве порождающего сознания, трудноопределимого истока культурно-исторической динамики. В исторических реконструкциях внутренний мир человека сплавливает социальные групповые и исторические общности, служит продуцирующим основанием и препятствием для воссоздания «коллективной ментальности». Исходя из этого, мы провели исследование социально-политических ценностей в контексте общественных отношений.

Анализ литературы показывает, что довольно часто понятие «социально-политическое» употребляется для описания феноменов объективной реальности¹¹². В качестве базовой установки в исследованиях выдвигается тезис о несовпадении взглядов, позиций власти и различных групп общества на перспективы общественного развития и формирование новых ценностей. Так, в России неоднозначно воспринимаются такие ценности, как свобода, рынок, демократия, конкуренция, стабильность на уровне элитного и массового сознания, что свидетельствует о том, что сегодня нет единства в восприятии формирующихся ценностей большинством членов общества. Это порождает раскол российского общества по базовым ценностям, который уже длительное время не позволяет обеспечить стабильность политической системы и общества»¹¹³.

Всё вышесказанное побуждает отдельных учёных в своих исследованиях говорить о необходимости выработки неких универсальных социально-политических ценностей, удовлетворяющих большинство членов общества, способствующих стабильности его социального и политического развития¹¹⁴. Следует отметить, что несмотря на широкую распространённость, понятие «социально-политическое» не концептуализировано и недостаточно отрефлектировано в научном плане. Зачастую оно используется в качестве синкретической «склейки» социального и политического. Безусловно, более глубокому пониманию категории «социально-политическое» будет способствовать анализ двух понятий – «социальное» и «политическое».

На наш взгляд, «социальное» можно интерпретировать как особую сферу

¹¹² Башкунов, А.А. Социально-политическая безопасность регионов как фактор национальной безопасности современной России [Текст] / А.А. Башкунов: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Орел, 2009. – 193 с.; Бойков, В.Э. Социально-политические факторы развития российского общества [Текст] / В.Э. Бойков // Социологические исследования. 1995. № 11. – С. 43-52; Илле, А.М. Социально-политические ценности консерватизма в России [Текст] / А.М. Илле: диссертация канд. полит. наук: (23.00.02). – СПб, 2003. – 165 с.; Лапкин, В.В., Клямкин, И.М. Социально-политическая риторика в постсоветском обществе [Текст] / В.В. Лапкин, И.М. Клямкин // Политические исследования. 1995. № 4. – С. 98-122; Левашов, В.К. Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии [Текст] / В.К. Левашов. – М.: Науч. мир, 2010. – 372 с.; Немировский, В.Г., Гладченко, А.А. Социально-политические ориентации сибирской молодежи [Текст] / В.Г. Немировский, А.А. Гладченко // Социологические исследования. 1996. № 9. – С. 95-100.

¹¹³ Чудинова, И.М. Социально-политические ценности современного российского общества: проблемы их обновления и усвоения [Текст] / И.М. Чудинова // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 5. – С. 3.

¹¹⁴ Например: Илле, А.М. Социально-политические ценности консерватизма в России [Текст] / А.М. Илле: диссертация канд. полит. наук: (23.00.02). – СПб, 2003. – 165 с.; Бойков, В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации [Текст] / В.Э. Бойков // Социологические исследования. 2010. № 6. – С. 27-35.

интеракционной жизнедеятельности людей, сформированную спецификой отношений индивидов в ходе их бытового взаимодействия, производства материальных и культурных благ, удовлетворения экзистенциальных потребностей, а также продуцированием и трансляцией общегрупповых норм, традиций, моделей поведения и ценностей. Отсюда следует, что особая роль в бытии «социального» принадлежит духовным факторам. Они имманентны любой социальной общности, неотчуждаемы от неё, выполняют важнейшую функцию интеграции индивидов в группы и выработки смысловых ориентиров для их жизнедеятельности. Общности обладают групповым самосознанием, стремятся к развитию своего языка, сохранению своей аксиологической системы, в целом, к гармонизации своей жизнедеятельности, выступая, таким образом, важным фактором производства социального.

Под «производством социального» мы подразумеваем готовность индивидов к безвозмездному сотрудничеству, взаимопомощи, кооперации и поддержанию межличностных взаимосвязей, целью такого рода деятельности является удовлетворение биологических, психологических и иных потребностей индивидов. Социальные отношения, в идеале, должны представлять собой «чистое» доверие, стремление индивидов к взаимоуважению и поддержке.

Таким образом, «социальное» выражает интересы социальных общностей, которые должны быть реализованы, что обуславливает необходимость поиска путей их воплощения. Однако общности не представляют собой общества как целого и должны быть объединены в единое образование неким более высоким по статусу феноменом. Функцию интеграции разнородных групп в целое обеспечивает политическая сфера, а основным институтом политической системы является государство, охватывающее все сферы общества и выполняющее присущие ему функции.

Анализируя понятие «политическое», необходимо подчеркнуть, что оно представляет собой надсоциальное, сверхсоциальное образование. Она способствует агрегации и артикуляции разнообразных интересов различных социальных групп, вырабатывает общественный консенсус, а также

легитимирует своё господство при помощи нормативных процедур. «Политическое» в развитом обществе должно гармонизировать «социальное», выступать его качественным дополнением и усовершенствованием.

Выработка и реализация общественных интересов и целей развития осуществляется в деятельности политических акторов (социальные общности и отдельные индивиды, партии и общественные движения, элиты и группы давления и т. д.). Целью любой политической деятельности является борьба за власть, а сама власть, в свою очередь, может служить удовлетворению частных потребностей. Обладание властью позволяет не вполне считаться с интересами рядовых граждан, поэтому нередко «политическое» рассматривают как нечто, доминирующее над «социальным».

Сторонниками подобной точки зрения были, например, Т. Гоббс, Г. Гегель и К. Шмитт. Английский философ видел в политике средство достижения общественного согласия, а в государстве – фундаментальный институт его поддержания. В свою очередь, Г. Гегель идеализирует государство, даже гражданское общество считая одним из его элементов: «Государство должно в своем устройстве проникать все отношения... Ибо государственный строй не есть нечто созданное: он представляет собой работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе. Поэтому государственное устройство никогда не создается отдельными субъектами»¹¹⁵.

К. Шмитт и вовсе вводит конфликтный элемент в понимание «политического»: «специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага»¹¹⁶. В этом и состоит, по К. Шмитту, сущность политической экзистенции. Подобные интерпретации «политического» означают, что не всегда можно говорить о гармонии между «политическим» и «социальным», зачастую первое начинает доминировать над вторым и тогда возможно столкновение двух начал. В таком случае политическая сфера начинает артикулировать потребности и интересы

¹¹⁵ Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – С. 314.

¹¹⁶ Шмитт, К. Понятие политического [Текст] / К. Шмитт // Вопросы социологии. 1992. № 1. – С. 37-67.

привилегированных групп, отчуждая от управления социальные общности.

На наш взгляд, доминирование социального (социальных идеалов, потребностей, интересов) над политическим является признаком государственного краха и революционных настроений, когда отдельные социальные общности пытаются захватить политическую власть и реализовать свои интересы в ущерб интересам остальных групп. Обратная ситуация преобладания политического над социальным означает гипертрофию государственного, этатизм. Наша точка зрения может показаться идеалистической, однако мы полагаем, что такого рода дисбаланс является следствием рассогласования между «социальным» и «политическим».

Мы считаем, что «политическое» и «социальное» находятся в постоянной взаимосвязи, взаимопроникновении и взаимопреобразовании, при этом одна сфера не может быть редуцирована к другой. «Социально-политическое» обладает свойствами, не сводимыми к элементам по отдельности, важнейшим из которых является взаимосвязь одной сферы от другой. В целом, «социально-политическое» образуется совокупностью взаимосвязей, возникающих между социальными общностями по поводу обладания, удержания и использования политической власти. «Социально-политическое» – это интегратив функциональных связей всех сфер общества, образующий качественно-определённую подсистему, которая обеспечивает сохранение качественного состояния социума, гарантирует стабильность и устойчивость его существования в том случае, когда достигнут консенсус между интересами граждан и интересами политической элиты.

Таким образом, социально-политическая сфера может быть рассмотрена как особая область общественных отношений, имеющая аксиологическое наполнение. Прежде, чем изучить сущностные особенности ценностей, представляющих данную сферу, необходимо дать общее толкование ценностям, которого мы будем придерживаться далее. В качестве методологической базы выберем концепцию ценностей немецкого экзистенциалиста Д. фон Гильдебранда. Итак, изложим наш взгляд на природу ценностей и их место в жизни человека.

Мы согласны с утверждением В. Хёсле о том, что ценности имеют intersubъективный характер, который выражается в определённых отношениях действующих субъектов. Эти отношения характеризуются как ценные сами по себе, если способствуют возрастанию разнообразия социальных форм и связей и развитию человеческой личности. При этом общественные ценности имеют надличностный характер и освобождают человека от сосредоточенности на индивидуальных переживаниях. Intersubъективность ценностей порождает и актуализирует смыслы в процессе любой деятельности, тем самым исключая этически не окрашенное бытие. В этом плане мы согласны с методологической установкой экзистенциализма Д. фон Гильдебранда об отсутствии ценностно нейтрального бытия¹¹⁷. Каждый объект окружающего мира имеет объективную или intersubъективную значимость, т. е. обладает ценностным свойством.

Это ценностное свойство конкретизируется тогда, когда реализуется объект, имеющий ценностную сущность. Как отмечает Д. фон Гильдебранд: «Если ценность с необходимостью основана на сущности какого-то акта, то она реализуется, как только реально осуществляется этот акт»¹¹⁸. Воплощение определённой установки или идеи в практической деятельности людей – это и есть акт. На наш взгляд, отсюда вытекает факт практического характера ценностей: они не только умозрительны и созерцательно постигаемы (хотя это не исключено), но и имеют эмпирическое выражение в жизнедеятельности человека. Примерами могут служить консолидация населения страны и рост патриотизма в результате военной агрессии противника, или воплощение принципов конституционализма в ходе политических процессов. Таким образом, ценности имеют объективный характер и составляют сущность смыслового существования объекта.

Д. фон Гильдебранд констатирует: «Ценности несомненно принадлежат объекту и независимы от наших желаний»¹¹⁹. Следует учитывать, что если мы

¹¹⁷ Гильдебранд, Д. фон. Этика [Текст] / Д. фон Гильдебранд. – М.: Алетейя, 2001. – С. 90-91.

¹¹⁸ Там же, С. 110.

¹¹⁹ Там же, С. 111.

говорим о ценностях высшего порядка, – а именно им посвящена «Этика», – то даже в случае, когда они составляют совокупность человеческих устремлений, как патриотизм, они подчиняют индивидуальную волю общественному настроению, императивно задавая «стандарт правильности». Иными словами, они формируют основы нравственного поведения, отказ от которых повлечёт общественное порицание. В целом, Д. фон Гильдебранд понимает ценности как благое само по себе явление, априорно достойное реализации и практического воплощения. С данной установкой мы можем согласиться.

Ценности как особого рода сущности отличаются друг от друга своими онтологическими основаниями и образуют отдельные классы. Одной из самых распространённых типологий является определение ценностей по критерию той сферы жизнедеятельности общества, в которой они сформированы, чьи смыслы они выражают. Здесь можно выделить ценности социальные, политические, экономические, культурные и религиозные, которые, в свою очередь, могут включать более мелкое ранжирование, например, социальные ценности включают семейные, трудовые, правовые и т. д. ценности.

Охарактеризовать все виды ценностей, безусловно, нельзя, поэтому постараемся отграничить интересующие нас социальные и политические ценности от экономических, религиозных, нравственных и культурных. Экономическую ценность можно трактовать как значение конкретных материальных благ для удовлетворения потребностей человека. Ценность – это коррелят потребности и количества благ. Таким образом, ценность всегда связана с определённым дефицитом благ¹²⁰. Как пишет О. Бём-Бавёрк, «ценность вещи измеряется величиной предельной пользы этой вещи»¹²¹. Под культурной ценностью можно понимать «определённую объективную объектность, которая, находясь в обладании частного лица, группы лиц или государства, представляется универсальной ценностью»¹²². Таким образом, культурные

¹²⁰ Менгер, К. Избранные работы [Текст] / К. Менгер. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 125-128.

¹²¹ Цит. по: Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы [Текст] / Н.И. Бухарин. – М.: «Орбита», 1988. Репринтное воспроизведение изд. 1925 г. – С. 76.

¹²² Шестаков, В.А. Формирование понятия «культурные ценности» // *Studia culturae*. Вып. 11: Опыты

объекты становятся ценностями, если имеют общезначимый исторический смысл, служат источниками формирования и укрепления общественной идентичности и поддержания традиций.

Если выделить важнейшую функцию религии – ценностное осмысление сущего, связывание воедино природного и антропогенного, онтологического и гносеологического, конкретного и абстрактного, бытийственного и небытийственного и т. д., – то отсюда можно заключить, что религиозные ценности выполняют роль интеграции всего человечества в единых ценностно-смысловых координатах пространства общественной жизнедеятельности. Однако параллельно они порождают конфликт с идеалами иных религий и мирскими ценностями. Нравственные ценности отличаются от религиозных своим универсализмом, примиряющим людей вне зависимости от их конфессиональной принадлежности: «Нравственность – это превращение условий общего блага людей в субъективное чувство обязанности, чувство, напоминающее по своей форме инстинкт»¹²³.

Мы можем задаться вопросом, что способствует распространению ценностей. Согласно теории аномии Р. Мертона, благоприятные условия для этого создаёт стабильность общества: при ней распространяется конформный тип поведения. Как писал сам учёный, «именно вследствие всеобщей ориентации поведения на основные культурные ценности мы можем говорить о массе людей как об обществе»¹²⁴. Конформность наиболее часто встречается в стабильных обществах, напротив, когда общество дезинтегрировано, наблюдаются значительные различия в ценностных ориентациях социальных групп. Эти различия детерминированы спецификой производства ценностей в отдельных социальных группах. Изучим этот вопрос подробнее.

Образование социальных ценностей проходит в форме сложного процесса, называемого Т. Парсонсом ценностной генерализацией – «механизмами формирования общих нормативных стандартов путём включения разнообразных

интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна. – СПб., 2008. – С. 90.

¹²³ Цит. по: Каган, М.С. Философская теория ценности [Текст] / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – С. 110-111.

¹²⁴ Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. Мертон // Социологические исследования. №3. 1992. – С. 104.

новых единиц и гарантии их поддержки и легитимности»¹²⁵. Аксиологические стандарты должны приобретать более высокий уровень влияния в современных индустриальных и постиндустриальных обществах, состоящих из множества групп интересов, ассоциаций и социальных полей. Следовательно, аксиологическое многообразие социума прямо коррелирует с его институциональной развитостью, а ценностная устойчивость является прямым продолжением структурно-функциональной стабильности общества.

Тесную связь между институтами и ценностями можно выразить понятием «ценностного консенсуса», означающего институционализацию ценностных стандартов, его оформление в конкретных социальных практиках и организациях. Консенсус может иметь большую или меньшую степень: в обществах аномических он находится на нулевом значении или близком к нулевому, тогда как в стабильных системах он чётко выражается в межгрупповых отношениях. Консенсус поддерживается через политическую деятельность, т. е. принуждает к выработке общих политических ценностей.

Следует заметить, что в политической науке общепринятой трактовки «политической ценности» не существует, хотя термин достаточно широко употребляется. На наш взгляд, при его определении следует исходить из следующего вопроса: почему некие предметы, явления и отношения приобретают политическое значение и почему оно изменяется в процессе политической деятельности? Ответ следует искать в феномене социальной дифференциации общества и наличии социальных групп с различными политическими предпочтениями. Последние концентрированно выражают потребности, нормы и интересы отдельных общностей, детерминируя их политическую позицию. Согласно В.Д. Виноградову, политические ценности – это идеи политических потребностей, выражающие отношение индивидов, социальных групп, классов, общества между собой¹²⁶. Под политическими

¹²⁵ Цит. по: Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – С. 115.

¹²⁶ Виноградов, В. Д. Политические ценности в жизнедеятельности людей [Текст] / В. Д. Виноградов // Тугариновские чтения. Материалы научной сессии. Серия «Мыслители», выпуск 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 14.

потребностями, исходя из определения Г.Г. Дилигенского¹²⁷, можно понимать нужду в политической власти, репрезентирующей и защищающей интересы определённых общественных групп; политические потребности находятся в основе влияния власти на массовое сознание и поведение. Так как предпочтения всегда формируются в связи с событиями внешней среды, политические ценности выступают объективированием идей определенных социальных и политических явлений.

Трансформация политических ситуаций влечёт изменчивость ценностного сознания, актуализацию и распространение, или устаревание и исчезновение определённых идеалов. Как показывает историческая практика, отдельные политические события могут вызывать неоднократную реанимацию идей из прошлого¹²⁸. Наиболее сложной проблемой является согласование ценностей различных социальных групп, гармонизация отношений между ними для избегания ценностной фрагментации и дезинтеграции общества, т. к. последняя фактически означает крах политической системы. Чтобы определить, какие факторы могут привести к негативным последствиям, рассмотрим специфику формирования политических ценностей и их место в сознании индивида.

Политические ценности образуются в процессе политической социализации под влиянием ряда агентов – членов семьи, школы, СМИ, армии и т. д. Политические ценности определяют идеально-типические конструкции, на их основе осуществляются целеполагание и оценивание, формируются устойчивые идентификации с определёнными группами, но главной функцией политических ценностей выступает регуляция отношений между социальными группами, нациями и государствами. Выражением этой функции служат политические программы, концепции, идеологии. Как отмечает М.С. Каган, «политические ценности сверхличностны, поскольку соответствующие оценки выносятся индивидом не от собственного имени, а от имени той общности, к

¹²⁷ Дилигенский, Г.Г. Социально-политическая психология: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений [Текст] / Г.Г. Дилигенский // Ин-т «Открытое общество». – М.: Наука, 1994. – С. 66.

¹²⁸ Виноградов, В. Д. Политические ценности в жизнедеятельности людей [Текст] / В. Д. Виноградов // Тугариновские чтения. Материалы научной сессии. Серия «Мыслители», выпуск 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 13.

которой он принадлежит и представителем которой себя считает...»¹²⁹. По нашему мнению, политические ценности обладают также свойством воздействия на общности, принуждения их к выполнению воли политической элиты.

В этом аспекте кроется один из важных факторов, обеспечивающих стабильность, либо, напротив, нестабильность общества. При функционировании таких институтов, как СМИ, образование, парламентаризм и т. д., ценности элиты проецируются на социум. При этом элита, группы давления, бюрократия, отдельные субъекты, используя властные ресурсы, способны принимать выгодные только для себя решения и таким образом вносить дисбаланс во взаимоотношения власти и общества. Эти ситуации разрушают социально-политический консенсус, под которым в данной работе понимается согласие членов общества между собой по базовым идеалам социальной и политической сфер, отсутствие расколов и практика мирного разрешения конфликтов.

Общественные отношения сложноструктурированы и зачастую связаны со «смещением» различных сфер: политики, права, экономики, культуры и т. д. Соответственно, формируются ценности, выступающие конститuentами сложных, гетерогенных отношений. Например, можно выделить ценности политико-правовые, социально-экономические, социокультурные, и конечно, социально-политические¹³⁰, которые, в аспекте нашего научного изыскания, требуют особого подхода в рассмотрении и концептуализации.

Выше мы уже изложили свой взгляд, во-первых, на природу ценностей, во-вторых, на понимание природы социальной и политической сфер общества. На этой основе определим социально-политическую ценность как особый идеальный феномен, репрезентирующий социальные и политические потребности, интересы и идеи индивидов, и ориентирующий на достижение общественного консенсуса путём гармонизации интенций отдельных личностей, социальных общностей и политических групп. Эти ценности ценности вбирают в себя свойства социальных и политических ценностей по отдельности.

¹²⁹ Каган, М.С. Философская теория ценности [Текст] / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – С. 100-101.

¹³⁰ Бойков, В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации [Текст] / В.Э. Бойков // Социологические исследования. 2010. № 6. – С. 27-35.

Примерами такого рода ценностей являются «патриотизм», «государство», «Родина», «свобода», «гражданское общество», «гражданственность», «права человека», «законность» и др. В контексте нашего анализа также важно отметить социальную справедливость как ценность, приводящую в исполнение распределительно-регулирующие функции в обществе¹³¹.

Эти ценности создают своего рода каркас аксиологической конструкции социума, выступают «солнечным сплетением» функциональных связей общества. Социально-политические ценности – это ценности «большого» общества (в терминологии А.С. Ахиезера), они способствуют воспроизводству макросоциальных отношений, преодолению локализма и культивированию ответственности перед страной. В этом аспекте социально-политические ценности представляют собой компромисс между традиционными и либеральными ценностями. Из традиционности как ценностного комплекса они берут принципы общественной стабильности, интеграции, патриотизма, государственности; либерализм даёт понимание гражданственности, важности общественной активности, культурного развития, законности, социальной ответственности, общественного развития и т. д. Таким образом, социально-политические ценности примиряют конфликт традиционности и модернизации, служат поиску, по А.С. Ахиезеру, «срединной культуры» и интеграции разнонаправленных общественных сил в единой деятельности.

Анализируя сущностные черты социально-политических ценностей, мы вновь обращаемся к экзистенциальной концепции Д. фон Гильдебранда. В работе «Этика» он различает ценности онтологические и качественные: «Фактически мы должны различать онтологические ценности (такие, как ценность живого существа, человека, ангела) и более качественные типы ценностей, образующие отдельные семейства ценностей»¹³². Качественные ценности также именуются нравственными, однако было бы ошибкой сводить их только к понятиям

¹³¹ Аргунова, В. Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ [Текст] / В.Н. Аргунова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. – С. 70.

¹³² Гильдебранд, Д. фон. Этика [Текст] / Д. фон Гильдебранд. – М.: Алетейя, 2001. – С. 166.

«честность», «вежливость», «скромность». На деле философ выделяет ярко выраженный характер влияния такого типа ценностей на нравственность.

В соответствии с данным разделением социально-политические ценности можно отнести к классу квалитативных. Безусловно, их нельзя назвать онтологическими, т. к. они не явлены как внешняя черта живых существ (в понимании Д. фон Гильдебранда сюда относятся, например, люди и ангелы) и существуют intersubъективно. Социально-политические ценности характеризуются всеми сущностными отличиями квалитативных ценностей, на чём мы остановимся ниже. При этом важно отметить, что нравственный компонент социально-политических ценностей (гражданственность, патриотизм, законность и т. д.) недостаточно глубоко исследован в социально-философской науке, поэтому данная мысль Д. фон Гильдебранда представляет наибольший интерес. Подробнее данный аспект будет нами раскрыт в параграфе 1.3.

Решающее различие между двумя видами ценностей Д. фон Гильдебранд формулирует следующим образом: «Онтологическая ценность имманентна объекту, нравственная же ценность трансцендентна объекту, являющемуся её носителем»¹³³. Таким образом, трансцендентный характер квалитативных ценностей заставляет обратиться к понятию объективного блага.

Анализируя сущностную взаимосвязь между понятиями «ценность», «объективное благо» и «субъективное благо», отметим, что Д. фон Гильдебранд для их разграничения использует понятие «значимость»: «Внутреннюю значимость акта великодушного прощения мы обозначаем как "ценность" в противоположность значимости всех тех благ, которые вызывают наш интерес лишь потому, что приятны для нас или приносят нам удовлетворение»¹³⁴. То есть объект, не зависящий от познающего субъекта, будет обладать ценностью сам по себе; в случае же субъективной значимости конкретный поведенческий акт приобретает значимость только в сознании познающего субъекта, вне его оставаясь аксиологически индифферентным. Более того, ценное само по себе

¹³³ Там же, С. 175-176.

¹³⁴ Там же, С. 45.

событие обязано вызывать радость и уважение, поэтому ценность является определяющим фактором, а реакция человека – определяемым.

При этом, по мнению немецкого учёного, очень важно учитывать то, что в силу индивидуальных пристрастий к удовольствиям субъективные значимости могут приобретать больший вес, чем объективные. Поскольку Д. фон Гильдебранд измеряет ценности исключительно в позитивной плоскости, он отказывает субъективному удовольствию в праве именоваться ценностью. На наш взгляд, здесь есть определённая методологическая тонкость. Учёный оперирует понятиями Добра и Зла как имеющими сакральный смысл: Зло – это отход от Добра, ценностная (или нравственная) противоположность – это следствие отхода от божественных заповедей. В целом, мы не отрицаем возможной истинности данной позиции, однако в нашем исследовании излагается научная точка зрения на природу ценностей, поэтому мы не можем принять отдельные положения Д. фон Гильдебранда. В этой связи мы считаем правомерным «скорректировать» рассуждения немецкого философа для обоснования собственных взглядов.

Мы предполагаем, что субъективные значимости приобретают квазиценностный характер в случае своего широкого распространения в обществе (сам Д. фон Гильдебранд обосновывал, как будет подробнее раскрыто далее, качественную «инаковость» антитез позитивных ценностей). Они основаны на том, что для получения субъективных удовольствий люди способны «тратить» объективно существующие ценности: дружбу, верность, общественное доверие и т. д. Под удовольствиями следует понимать не просто физическое наслаждение, но и стремление к персональным выгодам, индивидуализированной пользе. Например, стремление к возрастанию личной власти – одна из субъективных значимостей.

Вышеупомянутое слово «тратить» используется в том смысле, что в коллективной человеческой деятельности не отражены сущностные черты качественных ценностей, т. е. индивиды теряют (либо же оказываются лишены в результате процессов дегуманизации личности, кризиса

рациональности или символически-смыслового отчуждения) и представление о добродетели как основе нравственности, и волевые усилия по практическому воплощению квалитативных ценностей. Также возможно столкновение ценностей различных культур: в силу неизбежности смысловых различий между социокультурными системами заимствование отдельных ценностей может приобретать негативный характер. На этой базе строятся социально-политические квазиценности, отличающиеся акцентуацией на субъективном благе. Таким образом, в основе таких общественных феноменов, как коррупция, правовой нигилизм, абсентеизм и т. д. находятся индивидуальные устремления к личному эгоистическому благу.

Если мы говорим о социально-политических ценностях, то должны иметь ввиду взаимодополняемость таких образцов, как гражданственность и государственность, правовое и социальное государство. Ценность гражданственности «не схватывает» в полной мере объективное благо государственного порядка и, напротив, государственность несколько удалена от гражданских прав и свобод. Однако государство немислимо без активности граждан, а граждане становятся собой только в государстве, поэтому две этих ценности полярны, но не антагонистичны. При этом немецкий философ отмечает: «Чем выше ранг объекта, тем больше его способность воплощать в себе разные, противоположные ценности»¹³⁵. Государство видится нам ценностью с наиболее высоким рангом, поскольку воплощает в себе многие общественные начала и интегрирует и направляет социальные взаимодействия.

Особое внимание Д. фон Гильдебранда направлено на то, что он называет «ценностным ответом», т. е. реакцию человека на определённую ценность, благодаря которой данная ценность приобретает практическое воплощение: «Любой ценности необходимо дать соответствующий ей ответ: т. е., когда даётся должный ответ, реализуется определённая и конечная метафизическая ценность. Безразличие по отношению к ценности, неадекватный, а тем более противоположный ответ создают объективную дисгармонию, воплощающую в

¹³⁵ Там же, С. 182.

себе недостойное особого рода»¹³⁶. При этом ценностный ответ даётся ради объекта – носителя ценности, обладающего благом самим по себе; однако и сам ответ также приобретает характер ценности. Как мы можем увидеть, здесь заложено различие между ценностями-целями (благо само по себе) и ценностями-средствами (ценностный ответ).

Характер ответа соответствует статусу ценности, т. е. чем выше ценность, тем более обстоятельного ответа она требует. Когда такого рода соответствие не наблюдается, возникает дисгармония. Неадекватный ответ влечёт за собой кризис долженствования, связанный с разрушением основ нравственности в обществе. Но также он оказывает отрицательный эффект и на, например, рациональность, переориентируя целеполагание и целедостижение на менее значимые предметы, дискредитируя научное познание и общественно полезную деятельность, вызывая рост массового равнодушия и недоверия, скудность эмоционально-волевой сферы жизнедеятельности людей, социальный пессимизм. Такого рода ситуация наблюдается, например, в современной России (кризис патриотизма, правовой нигилизм, атомизация социума и пр.).

Напротив, готовность дать ценностный ответ свидетельствует о распространении социальной ответственности и солидарности, готовности к кооперации и взаимопомощи, поддержании «здоровых» общественных отношений, развитом индивидуальном самосознании. Ценностный ответ также представляет собой механизм ценностной генерализации: отвечая на некую ценность, человек или группа, во-первых, конституируют её как социально значимый объект и подтверждают её как объективное благо; во-вторых, формируют критерии нравственности в социуме; в-третьих, сами создают инструментальную ценность самим фактом ценностного ответа. Таким образом, ценностное долженствование представляет собой важнейший фактор формирования, сохранения и трансляции социокультурных традиций, смыслов и образцов.

Также возникает вопрос о критериальных основаниях выделения социально-политических ценностей внутри класса качественных ценностей.

¹³⁶ Там же, С. 304.

Во-первых, отметим факт тесной взаимосвязи социально-политических ценностей и власти как сущностной характеристики общественных отношений. Поскольку стремление к власти выступает неотъемлемой чертой общественной жизни, должны быть некие аксиологические регуляторы распределения властных функций во избежание конфликтов и диспропорций. Безусловно, государство как главный общественный институт регламентирует данный процесс, но и оно нуждается в определённых смысловых легитимациях своей политики. Таким образом, социально-политические ценности подразумевают властное измерение.

Во-вторых, этот вид ценностей нацелен на выстраивание общественного консенсуса, согласование интересов социальных групп. Отсутствие аксиологических оснований жизнедеятельности приведёт к фрагментации и расколу общества. Если согласие по какой-либо причине недостижимо, в качестве средства его достижения могут сформироваться социально-политические квазиценности (псевдоценности), маскирующие реальное состояние дел. Итак, социально-политические ценности несут в себе интегративный потенциал.

В-третьих, социально-политические ценности выражают мировоззрение индивидов, их взгляды на устройство общественной среды, способствуют целеполаганию и рационализации социальной деятельности людей. Таким образом, данный вид ценностей оказывает важное влияние на общественную жизнь.

Подводя промежуточные итоги, мы можем отметить, что социально-политические ценности выступают сферой соприкосновения объективного и субъективного бытия, внутреннего и внешнего, единичного и всеобщего, и в этом заключено их субстанциальное значение. Также они характеризуются ярко выраженными духовно-нравственными основаниями, определению которых посвящён следующий параграф.

1.3. Социально-политические ценности в духовных трансформациях мирового сообщества

Современность характеризуется интенсивными духовными трансформациями, затрагивающими жизнь людей во всём мире и изменяющими их мировоззрение. Изменения характеризуются высокой динамичностью и интенсивностью, что во многом связано с доминирующими трендами: растущей информатизацией и технизацией общества, преобразованием форм труда и занятости, усилением разрыва между богатыми и бедными странами, учащением международных политических конфликтов и ускорением темпов научного прогресса, прогрессирующим религиозным кризисом в странах Запада параллельно с усиленным распространением ислама по всей планете за счет возрастания миграционных потоков мусульман. Трансформации духовной природы имеют объективный характер в том плане, что довлеют над отдельным человеком, подчиняя его сознание своей логике развития и требуя принятия соответствующей системы ценностей, которую можно принимать или отвергать, ориентируясь на смысловое содержание ценностных образцов иных аксиосфер, при этом остаётся несомненным факт коренного, фундаментального характера преобразований.

Анализ научной литературы показывает, что не всегда духовные трансформации имеют положительный характер, что особенно справедливо по отношению к сегодняшнему дню: многие из них разворачиваются по кризисному сценарию, который постулируется уже достаточно давно, с первой половины XX в. Так, немецкий экзистенциалист К. Ясперс в своей работе «Духовная ситуация времени» указывает на всеобъемлющий характер кризисных явлений: «Все охвачено кризисом, необозримым и непостижимым в своих причинах, кризисом, который нельзя устранить, а можно только принять как судьбу, терпеть и преодолевать»¹³⁷.

¹³⁷ Ясперс, К. Духовная ситуация времени: Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – С. 335.

По мнению учёного, сущность духовных трансформаций заключается в том, что мышление людей становится глобальным, технические и экономические проблемы приобретают планетарный характер, происходит нивелирование интеллекта людей и омассовление общества, утрата гуманности и рост цинизма, при этом люди пытаются приспособиться к этим условиям путём реформ и усиления контроля за общественными процессами, однако их усилия только знаменуют адаптацию к веку техники и толп.

Схожие оценки высказал немецкий философ А. Швейцер, усматривая в феноменах научно-технического прогресса, атомизации труда, интеллектуальной «серости», росте праздности и антигуманности в целом превалирование материальной компоненты культуры над духовной. В XX в., согласно исследователю, материальная сфера культуры стала обгонять по темпам развития духовную, что, с одной стороны, стимулировало общий прогресс, с другой, «убивало» нравственность как ключевую составляющую культурной жизни общества¹³⁸. Таким образом, духовные ценности уступают место сиюминутным удовольствиям и практической выгоде.

Французский экзистенциалист Г. Марсель считал, что в результате отхода от религиозных норм как основных конститuentов нравственности, происходят потеря цели и смысла человеческой жизни, подлинных ценностей и общий кризис бытия. Для обретения «подлинности» бытия человек должен самотрансцендироваться к божественной реальности, найти абсолютные и непреложные ценности, впоследствии – конституировать их через процессы intersubъективных взаимодействий, основанных на понимании общего смысла бытия. Общество французский экзистенциалист называет квазисубъектом, самим по себе не способным обеспечить всеобщее счастье, поэтому решающее место в духовных трансформациях он отводит человеческой личности¹³⁹.

Наличие общемирового духовного кризиса и необходимость изменений признаёт и французский философ-традиционалист Р. Генон. Он, также как и

¹³⁸ Швейцер, А. Культура и этика [Текст] / А. Швейцер. – М: Прогресс, 1973. – 342 с.

¹³⁹ Марсель, Г. К трагической мудрости и за ее пределы [Текст] / Г. Марсель // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М., 1991. – С. 352-366.

Г. Марсель, обосновывает упадок современной европейской цивилизации отходом от религиозной традиции как источника незыблемых ценностей. Запад впал в морализм, под которым Р. Генон понимает переоценку важности в жизни общества нравственности как духовной сферы. Этика оказывается детерминирована конкретно-историческими социокультурными условиями и потому не несёт в себе подлинных ценностей. Нравственное и интеллектуальное возрождение философ связывал с возвратом к религиозным истокам жизни¹⁴⁰.

Философ-неомарксист Г. Маркузе увидел в современном либеральном обществе неототалитарное господство культа потребления, навязывающего свои ценности «одномерному человеку». Выход состоит в достижении гармонии с природой, обретении высокой духовности¹⁴¹.

В целом, признание масштабности духовных трансформаций в мировом масштабе, происходящих с середины XX в., признаётся практически всеми философами. Ближе к XXI в. центр тяжести исследований смещается в сферу социальной философии и этики, среди современных мыслителей разворачиваются дискуссии на тему содержания кризиса и возможностей выхода из него.

Например, весьма яркое понимание духовных трансформаций в постмодернизме дал Ж. Бодрийяр. В работе «Прозрачность зла» он фиксирует факт стирания подлинного смысла всех объектов и явлений окружающего мира, равно как и человеческой жизни. Ценности распространяются «во все стороны» без какого-то либо смысла, общество потеряло представление о месте ценностей в конститутивности общественной жизни, что приводит к стиранию самого смысла понятия «ценность». Таким образом, сущность духовных трансформаций состоит в распространении массового нигилизма, пассивности и вещизма, которые механически воспроизводят сложившуюся систему вещей. Также западному миру угрожает ислам как система, сохраняющая действенные ценности, способные преобразовать мир¹⁴².

Для другого французского постмодерниста Ж.-Ф. Лиотара, духовные

¹⁴⁰ Генон, Р. Кризис современного мира [Текст] / Р. Генон. – М.: Эксмо, 2008. – 784 с.

¹⁴¹ Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества [Текст] / Г. Маркузе. – М., 1994. – 368 с.

¹⁴² Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.

трансформации связаны, в первую очередь, с крахом метанарраций и «Смертью Автора». Это означает возвращение к самоценности индивидуальности, автономии морали, и отказ от тотальности всеобщего¹⁴³.

В понимании сущности духовных трансформаций можно найти подходы, характеризующиеся весьма крайними взглядами. Например, американский философ Ф. Фукуяма провозгласил наступление «эры либеральной демократии» и «конца истории» после распада блока стран социалистического содружества и «ликвидации» коммунизма как социального проекта. В идейном отношении события 1980-1990-х гг. оказали легитимизирующее влияние на распространение западного ценностного набора в глобальном масштабе, западного образа жизни, однако, как показал дальнейший ход истории, выводы американского учёного оказались преждевременными¹⁴⁴.

Одним из идейных оппонентов Ф. Фукуямы выступил немецкий политический философ-консерватор Г. Рормозер, усматривающий залог общественной стабильности и нормальной социальности в христианстве и сохранении национально-исторического сознания. Именно христианская религия, по его мнению, закладывает основы нравственности и именно она в сочетании с классическим либерализмом и неоконсерватизмом должна стать этическим императивом выживания всего человечества, постепенно осознающего гибельность одностороннего следования социальным утопиям¹⁴⁵.

Последовательная оценка духовных трансформаций современности также встречается у отечественного философа А.С. Панарина. В глобализации он увидел процесс распространения культа денег, вещизма и власти над людьми, искажающий подлинные ценности и нивелирующий культурное разнообразие в мире в целом¹⁴⁶. Особо подчеркнём, что как и другие критики современных западных либералов, А.С. Панарин отказывался от признания победы капиталистического уклада над иными формами общественного устройства.

Следует также выделить позицию крупного отечественного философа-

¹⁴³ Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

¹⁴⁴ Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.

¹⁴⁵ Рормозер, Г. Кризис либерализма [Текст] / Г. Рормозер. – М.: ИФ РАН, 1996. – 191 с.

¹⁴⁶ Панарин, А.С. Искушение глобализмом [Текст] / А.С. Панарин. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с.

этика А.А. Гусейнова. В качестве важной составляющей духовных трансформаций современности он выделил эмансипацию этических норм поведения от религиозно-мировоззренческих и политико-идеологических систем, что открывает возможности для культурного диалога¹⁴⁷. При этом все сферы деятельности (наука, политика, экономика и пр.) функционируют как социальные системы со своим жёстким этическим кодексом, не зависящим от национальных аксиосфер. Таким образом, согласно учёному, ценностные комплексы становятся всё более гетерогенными и конфликтными. Динамизм конфликту придаёт факт того, что «нарастающая и успешная трансформация человечества в единое целое в финансово-экономическом и технологическом отношении сопровождается углублением и расширением его разделения в отношении духовном и культурном»¹⁴⁸. В целом, А.А. Гусейнов допускает возможность создания глобального этоса, органично сочетающего все разнонаправленные течения, однако ставит условием необходимость духовного переворота, сопоставимого с возникновением мировых религий.

На этой основе мы можем дать общее определение духовных трансформаций. Под ними будем понимать изменение форм морального сознания и доминирующей системы ценностей в определённом сообществе, в результате воздействия объективных факторов социокультурного, политического, экономического и технического характера.

Поскольку мы можем говорить о мировом сообществе как целостном образовании, то можем полагать о существовании определённой культуре и ценностях мирового сообщества. При этом аксиосферу его нельзя охарактеризовать как стабильную, выражаясь языком Т. Куна, современный период развития глобальной аксиосферы можно определить как «экстраординарный», то есть находящийся в состоянии перестройки, парадигмальной смены. Социально-политические противоречия привели к тому, что у «каждого субъекта возникла потребность противопоставить свои ценности ценностям других... эта потребность

¹⁴⁷ Гусейнов, А.А. Возможно ли глобальное общество без глобального этоса? Сборник «Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью» [Текст] / А.А. Гусейнов. – СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 640-641.

¹⁴⁸ Гусейнов, А.А. Как возможна глобальная общность людей? Сборник «Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью» [Текст] / А.А. Гусейнов. – СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 798.

и реализовывались в двунаправленности ценностного сознания каждой части человечества – на духовную консолидацию своей группы и на критику ценностей других групп»¹⁴⁹. Наиболее комфортным и удобным способом реакции на кризис является возвращение национальных аксиосфер к традиционным ценностям как носителям синкретичного знания о мире. На практике данный процесс обретает форму архаизации, атрибутивными признаками которой выступают ситуативная этика, ценностная аномия, разрушение ценностного мира личности, потеря идентичностей и рост национализма, «религиозный ренессанс» и общее падение культурно-интеллектуального уровня. Подробнее сущность архаизации и её влияние на общество будет раскрыто во второй главе, пока же мы сосредоточимся на понимании сущности мирового социокультурного кризиса с точки зрения предмета нашего диссертационного исследования.

Мировой социокультурный кризис в значительной мере связан с упадком духовно-нравственной составляющей общественной жизни мирового сообщества, точнее, с отсутствием ценностей-референтов этических норм общественного согласия. Этика априорно связана с пониманием природы человека, с одной стороны, и общества, с другой, поэтому, рассуждая об этических ценностях, объективно необходимо связать два полярных (на первый взгляд) набора понятий – «человек», «человечность», «индивидуальность» и «общность», «коллективность», «солидарность». В их сущности можно рассмотреть разделение на либерально-индивидуалистическое и социалистическо-коллективистское направления в общественной мысли, однако нас интересует поиск плоскости их соприкосновения. Для этого обратимся к этической концепции И. Канта, выступающей ключевой вехой в понимании сущности как морали, так ценностей. Содержательным выражением этики И. Канта является категорический императив, закладывающий понимание нравственной сущности ценностей.

Согласно немецкому философу, человек является высшей ценностью, однако поступки отдельного человека могут по-разному отражаться на жизни других людей. Следовательно, встаёт вопрос о выделении "образца",

¹⁴⁹ Каган, М.С. Философская теория ценности [Текст] / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – С. 197.

позволяющего разграничить Добро и Зло. Человек, в силу несовершенства своей природы, таким образом не является, поэтому знание о высших ценностях даётся от Бога, который и задаёт критерий нравственности. И. Кант сформулировал его в виде категорического императива, имеющего две формулировки: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства»¹⁵⁰, а также «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹⁵¹.

Императив объективно-действителен, то есть обязателен к исполнению. При этом человек должен быть нравственным ради самой нравственности, исполнять долг ради самого чувства долга, более того, настоящая нравственность базируется на чувстве долга, обязанности человека следовать общественно одобряемым нормам даже вопреки собственным мотивам и склонностям. Закон нравственности априорен, не зависит от опыта и постигается практическим разумом из самого себя, что доказывает факт свободы человека и автономности его воли.

В таком сжатом виде можно выразить сущность этической концепции И. Канта. Несмотря на её фундаментальность для этики в частности и философии в целом, можно обнаружить ряд определённых моментов, нуждающихся в более глубоком исследовании и дополнении.

Как справедливо замечает отечественный философ Г.Н. Гумницкий, своей мыслью о законодательстве единичной воли И. Кант подразумевает общественную природу этой воли, при этом каждый человек должен соотносываться с интересами общества: «категорический императив фактически подразумевает необходимость поступать в соответствии с общим благом, что в основе этической теории Канта лежит проблема соотношения личного и общего блага... и что в категорическом императиве получает определенное выражение нравственное решение этой проблемы,

¹⁵⁰ Кант, И. Критика практического разума: сочинения в шести томах, том 4, часть 1 [Текст] / И. Кант. – М.: «Мысль», 1965. – С. 347.

¹⁵¹ Кант, И. Основы метафизики нравственности: сочинения в шести томах, том 4, часть 1 [Текст] / И. Кант. – М.: «Мысль», 1965. – С. 270.

зафиксированное в форме всеобщего закона»¹⁵².

Таким образом, вопрос соотношения личного блага и общественного блага выступает ключевым противоречием в этической философии И. Канта. Придание приоритета личному благу приводит к утверждению антисоциальности как нормы, тогда как обратная ситуация – приоритет общего над личным – нарушает исходную посылку о человеке как высшей ценности. Так как само по себе общее благо не является целью моральных отношений немецкий философ исключил понятие общего блага из своей системы. Тем не менее, И. Кант не дал чёткого ответа на данный вопрос, поэтому мы можем заключить, что только во взаимосвязи между личным и общим благом возможно найти разрешение данного противоречия.

Г.Н. Гумницкий находит следующее решение: «Если мы рассмотрим вопрос о единстве личных и общественных интересов на самом абстрактном уровне, то сможем выявить его общие свойства. В рамках этого "единства" общественные интересы выступают как высшие (высшая цель), что вытекает из необходимости сохранения системы «личность – общество», личные же – в качестве конечной цели, ибо эта система – не самоцель, а средство, форма существования индивидов. Иначе говоря, единство в данном случае есть взаимосвязь, отношение личных и общественных интересов как конечной и высшей целей»¹⁵³. В более краткой формулировке, основной моральный закон Г.Н. Гумницкого можно выразить следующим образом: «всегда относись к благу общества как к первичной цели, к благу личности – как конечной цели, а к их единству – как к высшей цели»¹⁵⁴.

Данное определение снимает противоречие, заложенное в работах И. Канта и обладает определённым научным достоинством, однако можно обратить внимание на ряд аспектов, затрудняющих применение данного

¹⁵² Гумницкий, Г.Н. Этика Канта в свете специфики моральной формы сознания [Текст] / Г.Н. Гумницкий // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 1. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1975. – С. 132.

¹⁵³ Гумницкий, Г.Н. Теория морали И. Канта и некоторые проблемы марксистской этики [Текст] / Г.Н. Гумницкий // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 1977. Вып. 2. – С. 58.

¹⁵⁴ Гумницкий, Г.Н. Основы этики. Учебное пособие [Текст] / Г.Н. Гумницкий. – Иваново: Изд-во ИИСИ, 1992. – 62 с.

определения на практике.

Во-первых, это наличие критерия гармонии между общим благом и личным благом и его объективная измеримость. Не представляет сомнения факт влияния конкретно-исторических общественных условий на признание приоритетности ценности человека или общества и возможности их трансформации и изменчивости, однако вопрос гармонии между личным и общим остаётся весьма дискуссионным. Также представляется, что сама по себе гармония должна выражаться посредством наличия или отсутствия какого-либо феномена (минимум, одного) социальных взаимодействий, то есть иметь intersubъективное выражение. Таким феноменами могут быть солидарность, справедливость, гражданственность и т. д. Поэтому мы должны допустить возможность включения ещё одной логической сущности в категориальный ряд «общее благо» – «личное благо» – «единство общего и личного», но и при этом остаётся открытым вопрос измерения данного единства.

Во-вторых, всегда ли можно говорить об объективной возможности единства личного и общего блага? Социальный опыт показывает, что далеко не всегда: конфликты, кризисы и трансформации, периодически происходящие в каждом обществе, разрушают общественный консенсус и ставят под сомнение действенность и вообще применимость морального закона, который превращается в идеализированный принцип. Пример современной Украины более чем ярко показывает, что основное моральное правило не играет почти никакой роли в жизни общества.

В-третьих, существует категориальная неопределённость понятий «первичная цель», «высшая цель», «конечная цель», т. к. не вполне ясны их методологическая полезность и соотносимость друг с другом. Было бы интересно изучить реализацию данного закона в реальной ситуации, которая, по очевидности, и может выступить верификатором полезности данной формулировки основного морального закона. Также заметим, что данные понятия характеризуются значительной степенью общности, которая, как известно из логики, «размывает» конкретное содержание.

Тем не менее, значительным достоинством научных разработок Г.Н. Гумницкого выступает обоснование необходимости, во-первых, согласования общего и личного блага, во-вторых, ответа на вопрос о долженствовании в структуре морального сознания. Используя достоинства данного подхода, раскроем сущностные особенности социально-политических ценностей как объекта нашего исследования.

Подчеркнём, что воззрения людей на какие-либо аспекты общественного устройства всегда коллективны, поскольку коллективна сама природа такого рода взглядов и позиций. Каждый человек является членом социальных групп и потому испытывает групповые потребности, совпадающие с его личными интересами. Представления об общих ценностях формируются в процессах совместной жизнедеятельности людей и социальных общностей, следовательно, практическое воплощение данных ценностей будет выступать как личной, так и групповой целью. Интерсубъективность как форма существования ценностей поддерживается вступлением людей в общественные контакты и взаимосвязи. Таким образом, социально-политические ценности имманентно содержат в себе согласование между личным и общим благом.

Установление того факта, что социально-политические ценности объединяют общее и личное благо, представляется нам недостаточным для характеристики их этического значения. По нашему мнению, социально-политические ценности – это ценности-референты, манифестирующие духовно-нравственные основания жизнедеятельности социальных общностей. Раскрытие всей этической глубины сущностных качеств ценностей вряд ли возможно без обращения к смысложизненным аспектам человеческой жизнедеятельности. Поэтому, для более глубокого понимания сущности данного вида ценностей, обратимся к экзистенциальной концепции Д. фон Гильдебранда, в которой, как уже упоминалось выше, различаются ценности онтологические и качественные, при этом социально-политические ценности относятся ко второму классу. Им присущи определённые сущностные черты, в которых эксплицируется духовно-нравственный характер данного вида ценностей.

Первая сущностная черта состоит в том, что качественные ценности имеют качественную противоположность: справедливость – несправедливость, солидарность – разобщённость и пр. Онтологические ценности антитезы не имеют, в целом, философ подразумевает под ними религиозные сущности, поэтому мы можем назвать эти ценности сакральными. Для нас принципиально важно выделить один методологический момент: какую роль играет и в какой форме выражается антитеза качественных ценностей? Это необходимо для того, чтобы определить качественную противоположность социально-политических ценностей как особого вида качественных ценностей.

Д. фон Гильдебранд уделяет вопросу качественной антитетичности особое внимание. Он отмечает, что сущность качественной противоположности противоречием в строгом смысле слова не является, речь идёт о противопоставлении разных сущностей: «Недостойное имеет слишком ярко выраженный качественный характер, чтобы его можно было считать простым противоречивым отрицанием»¹⁵⁵. Философ приходит к выводу, хотя, как нам представляется, не формулирует его прямым образом, что «недостойное» имеет собственное качественное измерение, т. е. качественно обусловленное бытие. Именно из этого факта мы можем вывести ещё одну сущностную характеристику социально-политических ценностей.

Вторая сущностная черта состоит в том, что антитезисом для социально-политической ценности может быть только другая социально-политическая ценность, но отличная по своей сущности. При этом антитетическая противоположность не всегда имеет эксплицированный характер, как, например, дихотомия законность – правовой нигилизм. Нередко качественная противоположность может приобретать свойство альтернативной ценности (квазиценности, псевдоценности). Безусловно, мы отдаём себе отчёт в недостаточной теоретико-концептуальной проработанности данных понятий, однако видим в «конструктивном экзистенциализме» Д. фон Гильдебранда базу для их концептуализации. Данный вопрос выходит за рамки нашего диссертационного

¹⁵⁵ Гильдебранд, Д. фон. Этика [Текст] / Д. фон Гильдебранд. – М.: Алетейя, 2001. – С. 177.

исследования, поэтому только обозначим, что квазиценности и «недостойное» (в терминологии немецкого философа), мы будем отождествлять.

Различие между качественными дихотомиями, рассматриваемых нами ценностей, по нашему мнению, состоит в неконструктивности «недостойных» социально-политических ценностей, а именно в том, что они репрезентируют частные интересы, как правило, привластных кругов. При этом данные неконструктивные ценности навязываются как «правильные», как способные интегрировать общество и образовать совокупную общественную волю. Качественно «недостойные» ценности могут функционировать и как маскировка социокультурного раскола общества, что особенно актуально для России, и как способ решения «частных» общественных проблем (мультикультурализм). Но и в том, и в другом случае цель данных ценностей – добиться ценностного консенсуса. Опасность неконструктивных социально-политических ценностей состоит в искажении ценностно-смысловой сферы, а также директивной односторонности их интерпретации и смысловом отчуждении масс от социокультурных процессов.

Третья сущностная черта качественных ценностей и их отличительная особенность от онтологических состоит в факте самостоятельности: «Нравственные ценности оказываются более самостоятельными, более независимыми от своего носителя и от установки, в которой они реализуются, чем, например, драгоценность человеческой личности по отношению к человеческому бытию»¹⁵⁶. Таким образом, ценности гражданственности, государственности, социальной справедливости имеют собственное надындивидуальное бытие, создают что-то вроде «аксиологической надстройки» общества. Иными словами, социально-политические ценности существуют как объективно данные в бытии.

Четвёртой сущностной особенностью качественных ценностей выступает их волюнтаристский характер: «Нравственные ценности могут воплощаться, а могут и не воплощаться в личности или в волевом акте. Их существование не

¹⁵⁶ Там же, С. 167-168.

гарантировано уже самим существованием человека, а зависит от особой установки или специфической ориентации его воли»¹⁵⁷. Реализация принципов социального и правового государства или патриотизма неизбежно подразумевает актуализацию человеческих сил в определённой конструктивной форме. Отсутствие целенаправленной деятельности по генерации позитивных качественных ценностей равнозначно их замене на их качественную противоположность, т. е. на негативные. Например, это возникновение правового неравенства или социальная незащищённость определённых категорий граждан. Поскольку общественная ситуация – это совокупность индивидуальных волевых устремлений, необходимо учитывать, что социальная эксклюзия масс ведёт к концентрации власти в руках элит, что негативно влияет на общественный консенсус и способствует образованию социально-политических квазиценностей, выражающих интересы только узкого круга лиц.

Пятая специфическая черта качественных ценностей состоит в способе их реализации. Онтологические ценности реализуются в человеческом существовании. Качественные ценности представляют собой результат практической деятельности: «Нравственные ценности становятся реальными благодаря свободной установке личности, например, когда она обладает какой-нибудь добродетелью. Нравственная ценность перестает быть реальной, если личность теряет эту добродетель. Такая потеря является нравственным злом»¹⁵⁸. По нашей оценке то же самое справедливо по отношению к социальным группам – субъектам общественного бытия. В обществе социально-политические ценности реализуются посредством институционализации групповой деятельности.

Следует особо обозначить связь ценностей с добродетельностью как условием их формирования. Иначе говоря, качественные ценности строятся на возрастании общественного доверия, накоплении социального капитала и укреплении социальных взаимосвязей, в целом, возрастании этически детерминированного поведения. Поэтому социально-политические ценности –

¹⁵⁷ Там же, С. 172.

¹⁵⁸ Там же, С. 174-175.

это нравственные ценности, воспитывающие уважение к истории своей страны, закону, государству, гражданам и т. д. Этический компонент не всегда эксплицирован, зачастую скрываясь за чисто политическими или социальными понятиями, тем не менее, его учёт имеет большое значение.

Д. фон Гильдебранд выделяет ещё одну специфическую черту качественных ценностей, называемую им «полярностью»: «Однако в сфере ценностей существует еще один, совершенно иной тип противоположности, который мы назовём "полярностью"... Это не враждебная антитеза, а, напротив, дополняющая – иногда даже дружественная – полярность, если речь идет о качественных ценностях. Такое взаимоисключение является следствием не антитетического характера их качеств, а неспособности одного и того же объекта одновременно обладать этими разными ценностями»¹⁵⁹.

По нашей оценке, социально-политические ценности среди всех видов ценностей отличаются особенно ярко выраженным свойством долженствования. В целом, долженствование можно определить как «деятельнообразующую систему со своей сложной структурой, сущностной характеристикой которой являются целеполагание и объективация»¹⁶⁰. При помощи долженствования человек фиксирует своё отношение к разнообразным социальным явлениям, интерпретирует различные факты объективного бытия, осуществляет целеполагание своей деятельности и определяет сферу своей ответственности. Долженствование порождает связь ответственности и необходимости, их совместное оформление в объективных общественных отношениях, существуют институты, поддерживающие долженствование в «живом» виде (например, армия). По кантианской и гегельянской традиции долженствование рассматривается отдельно от ценностей, но нам представляется, что противопоставление долга и оценки, деонтологии и аксиологии не оправдано.

В этической концепции И. Канта долженствование отделено от морали и ценностей, долг основан как бы на самом себе, что, несомненно, выступает

¹⁵⁹ Там же. – С. 178.

¹⁶⁰ Нагапетян, Е.Н. Социально- философская концепция долженствования в эстетической деятельности [Текст] / Е.Н. Нагапетян: автореф. дисс ... кандидата философских наук 09.00.11; [Место защиты: Омский государственный аграрный университет]. – Омск, 2006. – С. 7.

определённой логической «вольностью». Человек должен быть моральным и правильным потому, что так диктует априорная необходимость категорического императива. Отечественный философ О.Г. Дробницкий, выражая мысль И. Канта, считает, что долженствование преобладает над ценностными формами представления¹⁶¹. Однако, как справедливо отмечает Г.Н. Гумницкий, «само должное в моральном сознании определяется представлением о ценности»¹⁶². На этой основе мы можем сделать вывод, что ценности первичны по отношению к долженствованию, они представляют собой явления, характеризующиеся определённым отношением к функционированию должного в системе общественного бытия.

На наш взгляд, рационально предположить наличие у ценностей свойства долженствования, выраженного с определённой силой. Иначе говоря, деонтологизм ценности выступает её атрибутивным качеством, своего рода структурным компонентом. Наиболее деонтологизированными представляются ценности политические в силу претензии государства на представительство интересов общества как целого, определённой принудительности политической системы по отношению как к социуму в целом, так и отдельной личности. Социальные ценности также имеют аспект долженствования, выражающийся, например, в неизбежности социализации индивида как члена социума.

По нашей оценке, в социально-политической ценности долженствование состоит в совпадении сфер ответственности двух субъектов общественных отношений: с одной стороны, государство ответственно за проводимую политику и нарушения, возникающие в ходе данного процесса; с другой стороны, члены социума несут ответственность за деятельность созданного государства. Таким образом, социально-политическая ценность должна имманентно согласовать долженствование и ответственность основных общественных субъектов с целью выработать согласие между обоими сферами

¹⁶¹ Дробницкий, О.Г. Теоретические основы этики Канта [Текст] / О.Г. Дробницкий // Философия Канта и современность: под общ. ред. Т. И. Ойзермана. – М., «Мысль», 1974. – С. 145-146.

¹⁶² Гумницкий, Г.Н. Этика Канта в свете специфики моральной формы сознания [Текст] / Г.Н. Гумницкий // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 1. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1975. – С. 137.

общества для избегания структурных противоречий между элементами общественной системы.

Деонтологизм таких ценностей как «патриотизм», «гражданственность» и «свобода» состоит в совпадении праксиологического и аксиологического аспектов человеческой деятельности – индивид выстраивает образец своего поведения в соответствии с эталонными социальными представлениями. Само соответствие идеалу выступает целью действий, детерминированных социально-политическими ценностями. Индивидуальная система ценностей оказывается подчиненной общественной, что подразумевает принятие человеком доминирующих в социуме смыслов¹⁶³. Следует иметь в виду, что в структуре социального долженствования, как отмечает отечественный философ Р.Ф. Ильясов, следует выделить императивный, нормативный и оценочный компоненты¹⁶⁴, при этом отсутствие одного из них будет свидетельствовать о деонтологическом кризисе.

Так, отсутствие оценочного компонента говорит о формировании тоталитарной аксиологии, подобной той, что встречается у Т. Гоббса, отождествлявшего ценность с социальной силой (богатством, властью и т. д.) индивида и подчинявшего личность государству¹⁶⁵, норма и императив в таком случае отождествляются. Исчезновение нормативного параметра долженствования конституирует своего рода социальный автоматизм, готовность иррационального повиновения предписанным нормам и, как следствие, потерю рационально-легальных регуляторов социального поведения. Наконец, отказ от моральных императивов приводит к широкому распространению цинизма, индивидуализации и атомизации общества.

Таким образом, по нашему мнению, в современном глобальном сообществе оказались подорваны основы, с одной стороны, долженствования

¹⁶³ Палей, Е.В. Деонтологизация образования и система ценностей современного университета [Текст] / Е.В. Палей // Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества: Тр. Междунар. науч.-теор. конф. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. – С. 107-109.

¹⁶⁴ Ильясов, Р.Ф. Динамика ценностей долженствования современной молодежи [Текст] / Р.Ф. Ильясов: автореф. дисс ... кандидата философских наук 09.00.11. [Место защиты: Удмуртский государственный университет]. – Ижевск, 2011. – С. 10.

¹⁶⁵ Гоббс, Т. Левиафан: Сочинения в 2 томах. Т. 2 [Текст] / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1991. – С. 5-285.

как структурного элемента ценностей, с другой, этического влияния ценностей на жизнь общества. Социально-политические ценности «заменялись» на свои контрадикторные противоположности, не несущие созвучного для каждого конкретного сообщества социокультурного смысла. Общее благо как ценностный ориентир развития заменено на «псевдообщее» благо, под которым можно понимать частные интересы социальных групп или отдельных индивидов. Следует более подробно проанализировать аксиосферы западного и восточного обществ как обобщённых цивилизационных типов, чтобы выявить наличествующие противоречия их взаимодействия.

Выводы по первой главе.

1. Аксиология претерпела длительный период эволюции. В философии Древнего мира ценности не отделялись от бытия, онтология и аксиология представляли собой единое учение. Гипостазирование религиозных идеалов в Средневековье привело к рационалистическому переосмыслению проблемы ценностей в эпоху Нового времени, так, Р. Декарт инструментализировал ценности как гносеологический метод. Важной вехой в аксиологии выступило учение И. Канта, поставившее в центр конкретной культуры определённую систему ценностей. Впоследствии в аксиологии сформировался целый ряд парадигм: натуралистический психологизм, аксиологический идеализм, аксиологический трансцендентализм, персоналистический онтологизм, экзистенциализм, ценностная теории русской философии, постмодернизм, аксиологический агностицизм и социологизм. В современной аксиологии наблюдается определённый «методологический хаос» и отсутствие доминирования какой-либо парадигмы.

2. Постулируется необходимость изучения социального и политического в едином интегративном континууме. Социальное основано на доверии индивидов друг к другу и представляет собой сферу интеракционной жизнедеятельности людей. Политическое, напротив, формируется преимущественно членами политической элиты. Синтез двух начал –

социального и политического – образует социально-политическую сферу, которая выступает как интегратив функциональных связей всех сфер общества, образующий качественно-определённую подсистему, своего рода цель всех интеракций и корреляций индивидов и общностей. Эта подсистема обеспечивает сохранение качественного состояния социума, гарантирует стабильность и устойчивость его существования.

3. «Сердцем» социально-политической сферы общества выступают социально-политические ценности, под которыми понимается особый идеальный феномен, эксплицирующий социальные и политические потребности, интересы и идеи индивидов, и ориентирующий на достижение общественного консенсуса путём гармонизации интенций отдельных личностей, социальных общностей и политических групп. Главная функция таких ценностей – организация социума как целого, интеграция индивидов посредством выработки общих смыслов. Эти ценности относятся к классу качественных и имеют ряд специфических атрибутов: наличие качественной противоположности, которой выступает иная социально-политическая ценность; самостоятельность бытия, несводимость к иным видам ценностей; волюнтаристский характер; воплощение только в практической деятельности; ярко выраженные нравственный и деонтологический аспекты. Таким образом, социально-политические ценности оказывают большое влияние на общественную жизнь и моральное сознание человека.

Глава 2. Аксиосфера современной цивилизации в контексте проблем и перспектив социально-политического развития

2.1. Социокультурные ценности в условиях глобализации и локализации

Многообразие социокультурных отношений в современном мире является отражением аксиологической специфики отдельных культур и обществ. Вступая в контакты друг с другом, обмениваясь материальными и духовными ценностями, культурные системы генерируют взаимодействия более высокого уровня, например, региональные, выражающие ценности народов, объединённых общей исторической судьбой. Самым высоким уровнем социокультурных отношений, в основе которого, безусловно, лежат определённые ценности, выступает мировое сообщество, именуемое отдельными исследователями как «глобальное пространство» или «глобальный мир»¹⁶⁶.

В контексте нашего исследования представляет интерес изучение вопроса о роли и месте социально-политических ценностей в аксиологических системах различных культур. Поскольку разнообразие социокультурных отношений весьма велико, то нам следует сосредоточиться: во-первых, на цивилизационных характеристиках социально-политических ценностей, во-вторых, на трансформации данных ценностей в условиях глобального пространства.

В аспекте рассмотрения цивилизационных характеристик считаем необходимым выявить сущностные черты социально-политических ценностей в Европе, США и странах Востока (Китай, Япония, Индия), поскольку именно данные страны и регионы считаются ценностными референтами и носителями образцовых культурных практик.

Восточное мировоззрение, формировавшееся на протяжении почти трёх тысяч лет, построено на следующих ценностях: теоцентризм и подчинённость человека божественному началу; неразрывность связи человека и природы и

¹⁶⁶ Гончаров, П.А. Глобальное культурное пространство: дисс. на соискание учёной степени канд. филос. н. по спец. 09.00.13 [Текст] / П.А. Гончаров. – Ставрополь, 2009. – 160 с.; Панарин, А.С. Искушение глобализмом [Текст] / А.С. Панарин. – Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с.

достижение гармонии между ними; недоверие к научно-техническому прогрессу; приоритет духовного созерцания над социальной активностью, жёсткое закрепление социального положения человека, неприятие инноваций и прочее¹⁶⁷. Миросозерцание Востока ярко выражается в древнекитайском принципе «у-вэй», который провозглашал идеал минимального действия, основанного на чувстве резонанса ритмов мира¹⁶⁸. В целом, система ценностей восточных цивилизаций сложилась на основе религиозно-философских учений конфуцианцев, даосов и буддистов, которые сходятся на мысли о том, что всё сущее объединено в едином мире и человек должен придерживаться его законам, естественному ходу вещей.

Институт родовых объединений играет ключевую роль в трансляции социокультурных ценностей, тем самым выступая важным элементом общественных отношений. Естественной формой цивилизационного бытия обществ восточного типа выступают кланы, которые играют очень важную роль в жизни социума. В Индии, Китае, Корее и Японии клановые организации по своей сути консервативны, относительно жёстко структурированы и авторитарны. Как отмечает отечественный философ А.Е. Лукьянов, «в условиях биосоциального тождества природы и рода самосознание древних индийцев и китайцев конструируется по типу родовых субстанционально-генетических связей и замыкается под образами предков на тело природы и рода и их естественные циклы. Вследствие этого субъектно-объектные отношения в сознании не дифференцируются: род объективирует свое сознание в природе, но себя из нее не выделяет...»¹⁶⁹.

Государство как социально-политическая ценность на Востоке существует, однако имеет иное содержание, чем на Западе. Если в Европе и Северной Америке государство строилось «снизу» как форма упорядочивания и регулирования общественных отношений, то в Азии государство воплощало

¹⁶⁷ Галаганова, С.Г. Запад и Восток. Традиции и современность: учебное пособие для студентов негуманитарных специальностей [Текст] / С. Г. Галаганова. – М: Знание. – 1993. – 340 с.; Gilgen A., Cho J. Questionnaire to measure Eastern and Western thought // Psychol. Reports. 1979. V. 44. – P. 835-841.

¹⁶⁸ Стёпин, В.С. Глобализация, динамика культур и поиск новых ценностей [Электронный ресурс] / В.С. Стёпин. – «Философия и синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/globalizaciya-dinamika-kultur-i-poisk-novykh-cennostej/>

¹⁶⁹ Лукьянов, А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия) [Текст] / А.Е. Лукьянов. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: ИНСАН, РМФК, 1992. – С. 78.

авторитарное начало, приватизировало функцию дистрибуции материальных благ и зачастую практически сливалось с религиозными институтами.

В целом, отсюда следует, что такие социально-политические ценности как гражданственность, законность, патриотизм, государственность как ценности в традиционном западном понимании отсутствуют. Они «растворены» в духовно-религиозных воззрениях и имеют вторичное значение, поведение представителей восточного цивилизационного типа в большей мере детерминировано духовно-религиозными ценностями, нежели социально-политическими.

Для западного цивилизационного типа, при всей социокультурной дифференциации обществ, объединяемых под понятием «Запад», характерны определённые общие ценности: антропоцентризм, вера в человека как носителя уникальных качеств и его выделенность из природной среды; стремление к контролю над миром и его преобразованию в интересах человека; рационализм; высокий приоритет науки как источника знаний об устройстве объективного мира и двигателя технического прогресса; вера в трансцендентное начало; большая значимость общественной деятельности¹⁷⁰. Ключевое значение имеет суверенная личность, свободная индивидуальность, самостоятельно выбирающая поле для своей социальной деятельности, поэтому ценность индивидуальных прав человека – краеугольный камень западной цивилизации¹⁷¹.

Отечественные философы В.В. Ильин и А.С. Ахиезер предлагают различать Запад и Восток по 23 парным реципрокным признакам: либеральность – властность, индивидуальность – коллективность, дифференцированность – синкретичность, партикулярность – абсолютичность, правособразность – волюнтарность, самоорганизованность – директивность и т. д.¹⁷² Совокупно данные признаки образуют ценностные комплексы, находящиеся в основе цивилизационной идентичности представителей Запада и Востока. Различия

¹⁷⁰ Галаганова, С.Г. Запад и Восток. Традиции и современность: учебное пособие для студентов негуманитарных специальностей [Текст] / С. Г. Галаганова. – М: Знание. – 1993. – 340 с.; Gilgen A., Cho J. Questionnaire to measure Eastern and Western thought // Psychol. Reports. 1979. V. 44. – P. 835-841.

¹⁷¹ Стёпин, В.С. Глобализация, динамика культур и поиск новых ценностей [Электронный ресурс] / В.С. Стёпин. – «Философия и синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/globalizaciya-dinamika-kultur-i-poisk-novykh-cennostej/>

¹⁷² Ильин, В.В., Ахиезер, А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности [Текст] / В.В. Ильин, А.С. Ахиезер. – М.: Издательство МГУ, 2000. – С. 28.

затрагивают воспроизводство жизни, общественные устои, историческую память и ожидания на будущее. А.С. Ахиезер использует понятие «суперцивилизация», основанное на разделении двух способов воспроизводства: статичном, нацеленном на собственное воспроизводство на основе абсолютно неизменного идеала сохранения исторически сложившейся эффективности («традиционная суперцивилизация») и либеральном, ориентированном на развитие и повышение социальной эффективности деятельности («либеральная суперцивилизация»)¹⁷³.

На наш взгляд, в современном мире доминирует западный аксиологический код, вытесняющий локальные культуры Востока. Западные ценности, в связи с господством западных социально-политических институтов, становятся образцовыми для стран «второго» и «третьего мира», поскольку примиряют проблему соотношения социальной деятельности и идею духовного спасения (или снимают эту проблему в принципе). Эта проблема решается в рамках общественной культуры. Высокий уровень и качество жизни, политическая устойчивость, социально-экономическое влияние, технико-технологический прогресс западных стран – решающие аргументы в восприятии западных ценностей. Однако данный процесс не столь однозначен и прямолинеен, так как в культурах западных стран начинают формироваться и определённые противоречивые моменты. Для понимания их сущностных черт нам следует более глубоко проанализировать ценностную специфику западных культур.

В контексте нашего исследования особое значение приобретает ценностная система Соединённых Штатов Америки как одной из передовых стран мира. В её основе, согласно Р.К. Мертону, лежат ценности материального богатства, социального престижа, карьерного успеха и доступа к власти (силе), однако неравенство общественных статусов детерминирует острую гонку за данные ценности и способствует росту девиаций¹⁷⁴. Т. Парсонс увидел приоритет над всеми другими ценностями «американской рабочей этики», т. е. интенсивного

¹⁷³ Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) [Текст] / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 2. Теория и методология. Словарь. – С. 492.

¹⁷⁴ Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 288-320.

труда в полном соответствии с принципами протестантизма¹⁷⁵. В ядро американской аксиологической структуры также входят вера в науку и технологический прогресс, свобода, равенство, социальная справедливость, индивидуализм, либеральная демократия, патриотизм, рационализм и практичность, предприимчивость и конкурентность.

Едва ли не базовой ценностью американцев принято считать индивидуализм как закрепление права личности на свободу деятельности. Индивидуализм играет настолько важную роль в американской аксиологической системе, что даже закреплён в Декларации независимости и Конституции США (преамбула). При этом в США существует и развитая коммунальная традиция, играющая роль противовеса индивидуалистическому началу и уходящая корнями в религиозно-общинные формы общественного бытия американцев. Можно согласиться с французским философом А. де Токвилем, выделившим два фактора, ограничивающих индивидуалистическое начало: либеральные политические институты, интегрирующие граждан в процесс совместной деятельности, и принцип «правильно понимаемого эгоизма» – расчёт выгоды сотрудничества с другими людьми¹⁷⁶. Его мысль развил Ф. Фукуяма, утверждающий, что «успех американской демократии и американской экономики объясняется не одним индивидуализмом и не одним коммунитаризмом, а взаимодействием этих двух противонаправленных тенденций»¹⁷⁷.

Особое место занимает ценность «американской мечты», утверждающей свободу деятельности каждого человека, опору на собственные силы для достижения общественного успеха. С ней тесно связана другая ценность. В работах американских учёных У. Джеймса, Л.Ф. Уорда и Д. Дьюи¹⁷⁸ утверждается важное значение ценности мелиоризма как идеи о вмешательстве человека в естественный ход вещей с целью достижения лучшего результата.

¹⁷⁵ Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 200-251.

¹⁷⁶ Tocqueville, de A. Democracy in America [Text] / A. de Tocqueville. – London: David Campbell Publishers, 2000. – 941 p.

¹⁷⁷ Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 441-443.

¹⁷⁸ Джеймс, У. Воля к вере [Текст] / У. Джеймс. – М.: Республика, 1997. – 431 с.; Дьюи, Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека [Текст] / Д. Дьюи. – М.: Республика, 2003. – 494 с.; Уорд, Л.Ф. Психические факторы цивилизации [Текст] / Л.Ф. Уорд. – СПб: «Питер», 2002. – 352 с.

Мелиоризм выступает конституентом либеральной демократии американского образца и стимулятором международной активности США и отражён в Декларации независимости и Конституции США. Данная ценность санкционирует вмешательство американских политиков в любые внешнеполитические отношения и наделяет своего рода монополией на истину. Социально-политическая сущность ценности мелиоризма состоит в интеграции индивидуальных усилий американцев и организации коллективной деятельности, направленной на совершенствование общественного строя.

Отметим, что до середины XX в. американское общество воспринималось как крайне конформистское и коллективистское, но массовые социальные движения 1960-х гг. привели к росту индивидуализма¹⁷⁹. Имманентная противоречивость – это отражение принципа единства и борьбы противоположностей. Таким образом, обеспечивается жизнеспособность, потенциальная изменчивость и устойчивость американских ценностей, их универсальность и способность быть интериоризованными представителями практически каждой культуры.

Загадка удивительной универсальности американских ценностей, способности к диффузии в аксиологическую систему многих культур обычно объясняется приоритетным местом США в международной политике. На наш взгляд, данная позиция характеризуется сильным упрощением. Политическая деятельность сама по себе детерминирована аксиологическими факторами и причины мощного геополитического положения США заключаются в том числе в ценностной системе американского социума. Так, в Стратегиях национальной безопасности США 2002 г. и 2006 г. лучшим способом обеспечения безопасности государства называется распространение своей системы ценностей в мире (разделы II и VII). Декларация Независимости, Билль о правах и ключевой документ – Конституция США – фиксируют либерально-демократические ценности в качестве фундаментальных оснований

¹⁷⁹ Riesman, D. *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character* [Text] / D. Riesman, D. Reuel, N. Glazer. – New Haven: Yale University Press, 1950. – 315 p.; Whyte, W.H. *The Organization of Man* [Text] / W.H. Whyte. – NY: Simon & Schuster, 1956. – 448 p.

внутренней и внешней политики¹⁸⁰.

Давая качественную оценку сущности американской системы ценностей, следует отметить, что она имеет гуманистический характер. Так, отечественный философ А.В. Соловьёв усматривает неогуманистические ценности как ключевые для американского гражданского общества. Неогуманистические ценности делятся на три типа: неэкономические ценности (творчество, повышение образовательного уровня, активная общественная деятельность и пр.), постматериальные ценности (свобода, самовыражение, качество жизни и др.), ценности культурных созидателей (священность природы, самоактуализация, самовыражение и т. д.)¹⁸¹. Из всего спектра неогуманистических ценностей для американского гражданского общества конститутивное значение имеют следующие: коммунитарный индивидуализм, интегрирующий частные усилия в процесс коллективного целедостижения; толерантность, признание чужой точки зрения как равноправной; демократия общего участия; мультикультурализм; социальная взаимозависимость; биоцентризм и экосообразность¹⁸².

Мы можем утверждать, что американская этика, в своей сущности, не ставит проблему душевного спасения ценой отказа от материальных благ или не принуждает к стяжанию богатств ценой духовного забвения. Она примиряет эти позиции и тем самым способна стать более привлекательной для представителей иных культур. Во многом благодаря этому американские ценности лежат в основе глобализационного процесса. Разумеется, в своём практическом воплощении данные поведенческие образцы могут существенно искажаться.

Важное место в системе ценностей западного цивилизационного типа занимают также ценности европейские, которые играют роль интеграторов культурного пространства Европы. Формирование общеевропейской системы ценностей имеет длительную историю. От античности Европа унаследовала

¹⁸⁰ Цыбулька, А.М. Системно-ценностный подход в формировании стратегий национальной безопасности США и России [Текст] / А.М. Цыбулька // «Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы». – 2013. – № 4. – С. 152-155.

¹⁸¹ Соловьёв, А.В. Неогуманистические ценности как феномен современного гражданского общества США [Текст] / А.В. Соловьёв: дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Москва, 2002. – С. 56-69.

¹⁸² Там же. – С. 69-102.

рационализм как гносеологическую ценность, идеал демократии в сфере политического устройства и публичное право как метод регулирования общественных отношений. Христианство оказало определяющее влияние на мировоззрение европейцев в аспекте морали и повлияло на формирование ценностей веротерпимости, трудолюбия и уважения к социальным меньшинствам. Либеральный индивидуализм, подразумевающий ответственность за свою жизнь, самостоятельность и стремление к личной свободе сформировался в эпоху Возрождения с её абсолютизацией творческого начала. События второй половины XVIII в. – начала XIX в. способствовали утверждению ценностей толерантности, светской культуры, научно-технического прогресса и верховенства закона. Вторая половина XX в. была ознаменована становлением ценностей социальной солидарности и мультикультурализма как фундаментальных для европейского сообщества¹⁸³.

Перечисленные ценности играют ключевую роль в существовании единого европейского пространства, т. к. выступают равнодействующей между центробежными и центростремительными силами на континенте. С одной стороны, национальные культуры, составляющие европейское пространство, различны по своей сущности, что проявляется как дезинтегрирующее, центробежное явление. С другой стороны, теснота социально-экономических, политических, культурных и других связей, а главное – общность исторического прошлого, детерминирует потребность в выработке принципов совместной жизнедеятельности. Европейские ценности – связующее звено всего европейского социокультурного пространства, столкнувшегося с необходимостью сохранить духовную идентичность в глобальном мире. Безусловно, среди европейских ценностей присутствуют социально-политические ценности – социальная солидарность, мультикультурализм, законность, гражданское общество и т. д. Однако возникает вопрос, насколько данные ценности воплощены в реальной жизни европейского сообщества.

¹⁸³ Рубинский, Ю.И. Европейские ценности [Электронный ресурс] / Ю.И. Рубинский // «Вестник Европы». – 2009. – № 26-27. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2009/26/ru3.html>

В ряде работ отстаивается мысль, что европейские ценности реализованы в деятельности Европейского Союза (ЕС)¹⁸⁴. Согласно данной точке зрения, главными европейскими ценностями современности выступают:

1) Демократия и права человека; 2) Общая юридическая основа для четырех свобод: единый экономический рынок, пространство для свободного передвижения, обитания и занятости граждан Европейского Союза; 3) Социальное государство; 4) Многонациональный характер общества, мультикультурализм; 5) Светское общество; 6) Антитоталитаризм и антимилиитаризм во внешней и внутренней политике, но без пацифизма; 7) Многосторонний подход в международной и внутриевропейской политике; 8) Многоярусное управление, федерализм; 9) Открытость для всех европейских демократий; 10) Постепенно меняющиеся, эволюционирующие границы ЕС¹⁸⁵.

Отличие европейской аксиологической системы от американской состоит, главным образом, в том, что ценности единой Европы представляют собой сумму длительного и конфликтного исторического процесса, включавшего в себя мировые и религиозные войны, революции и тоталитарный террор и другие явления, приучившие культурно разнородных европейцев к выработке общественного консенсуса, тогда как американские ценности образовались как мечта о совершенном будущем, достигнутом в результате интенсивного совместного труда граждан одного общества. Иначе говоря, европейские ценности – конгломерат норм бесконфликтной жизнедеятельности, американские ценности – прагматически ориентированный комплекс принципов достижения максимальной эффективности общественной деятельности.

Европейская система ценностей – это динамичная структура. Её содержание оказывается фундировано конкретно-историческими условиями жизни континента,

¹⁸⁴ Эмерсон, М. Экзистенциальная дилемма Европы [Электронный ресурс] / М. Эмерсон // «Вестник Европы». – 2005. – № 15. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/eme6.html>; Caporaso, J. Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change [Text] // Caporaso J., Cowles M.G., Risse T. – «Ithaca» NY: Cornell University Press, 2001. – 336 p.; Hill, C. «European Foreign Policy: Power Bloc, Civilian Model – or Flop?» // Rummel, R. (ed.) «The Evolution of an International Actor. Western Europe's New Assertiveness». – Boulder, CO: Westview Press. – 1990. – P. 31-55; Whitman, R. From civilian power to superpower? [Text] / R. Whitman. – Basingstoke: Macmillan, 1998. – 251 p.

¹⁸⁵ Эмерсон, М. Экзистенциальная дилемма Европы [Электронный ресурс] / М. Эмерсон // «Вестник Европы». – 2005. – № 15. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/eme6.html>

например, кардинальной ревизии европейские ценности были подвергнуты в период 1920-1940-х гг. Фашизм и нацизм символизировали крах европейской модели общественного развития и измену фундаментальным ценностям цивилизации, когда принципы справедливости и равенства были отвергнуты в пользу «однобоких» ценностей национализма, империализма, исторического реваншизма и т. д. В 1920-1930-е гг. политическое безусловно доминировало над социальным, что было ярко отражено немецким философом К. Шмиттом. В послевоенный период аксиологическая система подверглась перестройке, на первое место вышли ценности общественного консенсуса, экономического развития, социально ориентированной науки, экологической безопасности и т. д.

В современный период европейские ценности снова оказываются в состоянии трансформации. Экономические проблемы, массовая эмиграция, этнический сепаратизм, кризис модели социального государства, ослабление Европы как субъекта мировой политики и другие факторы детерминируют переоценку ценностей. Кризис европейских ценностей также в определённой мере связан с падением роли Европы как международного политического субъекта. Как отмечает итальянский историк Ф. Кардини, Европа «по-прежнему остается значительной финансовой и экономической силой, но не обладает подлинно общеевропейскими институтами и неспособна проводить самостоятельный политический курс, не согласуя его со своим американским союзником. По отношению к правительствам и народам дар ал-ислама она занимает неуверенную и двусмысленную позицию, а тесные связи с Соединенными Штатами ограничивают независимость её действий и оценок, когда речь идет о таких странах, как Иран, Ирак или Ливия»¹⁸⁶. Таким образом, европейские ценности оказываются под ударом традиционно ориентированных ценностей арабско-африканского мира, с одной стороны, и американской социально-политической системы, с другой.

Нам представляется, что в Европе будет усиливаться противоречие между ценностями «большого общества» (Европейского Союза) и локальными

¹⁸⁶ Кардини, Ф. Европа и ислам. История непонимания [Текст] / Ф. Кардини. – СПб: ALEXANDRIA, 2007. – С. 285.

(национальными). Будет возрастать влияние национальных ценностных систем на общественные отношения, что может привести к полной дезинтеграции европейского пространства. Так, всё меньшее число коренных французов или немцев согласны видеть в своей стране представителей иных национальностей, что усиливает опасность национализма. Модель социального государства терпит крах в условиях неумеренного роста потребления экономически отстающих стран (Португалия, Греция). Ценность светского общества отвергается эмигрантами из мусульманских регионов. Наконец, практика финансирования материальных нужд стран-членов ЕС не только антидемократична в смысле усиления экономического и политического влияния кредитора, но и вызывает рост финансовых рисков.

В итоге, в будущем в европейской системе ценностей могут усилиться элементы, когда-то присущие классическому национальному государству и которые сегодня отстаивает Россия в рамках диалога об общих ценностях с Европейским Союзом. В результате государства – члены Евросоюза готовы отдать приоритет не коллективным мерам преодоления тех новых угроз, с которыми они столкнулись, уважению прав и свобод всех категорий граждан, включая мигрантов, что было бы в духе постнациональной системы ценностей и постнационального пространства, а ценностям защиты национального суверенитета¹⁸⁷. В определенной мере государства-члены Евросоюза начинают проявлять протекционизм и рост государственного контроля над определенными сферами жизни общества с целью обеспечения большей безопасности, ведь ответственность за конкретную социально-экономическую и политическую ситуацию в стране возлагается не на общеевропейское, а на национальное правительство. Таким образом, по нашей оценке, Европа стоит на пороге архаизационной инверсии, которая заключается в усилении влияния национальных государств, отказе от ценностей Европейского Союза в их нынешнем виде, усиленном поиске национальной идентичности, возвращения к традиционным общественным отношениям. Социально-политические ценности

¹⁸⁷ Ярошенко, Л.А. «Разрыв ценностей» в политическом диалоге Россия – Европейский союз (1994 – 2010)» [Текст] / Л.А. Ярошенко: автореферат ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Москва, 2011. – С. 25.

государственности, патриотизма, законности, гражданственности и т. д. приобретают всё более национальную окраску.

Россия как страна, тесно вовлечённая в европейские социокультурные отношения, представляет собой специфический ценностный тип. На наш взгляд, весьма яркое описание особенностей отечественной системы ценностей дал философ А.С. Ахиезер в своей концепции социокультурного раскола, которая связывает общественные трансформации с аксиологическим бытием. Ключевая характеристика российского общества – его расколотость. По оценке учёного, «раскол есть особое состояние социальной системы, для которого характерен стойкий длительный разрыв коммуникаций между слоями общества, жизненно важными для целого, их стойкое отчуждение друг от друга, невозможность взаимопроникновения смыслами и, следовательно, их социального взаимопроникновения»¹⁸⁸. Причинами раскола выступают слабость медиационных сил при растущей сложности общественных проблем, реакционность культуры, её «запаздывание» и практически полное отсутствие духовного переосмысления накопленного опыта.

А.С. Ахиезер выделяет в несистематизированном виде несколько видов социально-политических расколов. Анализируя их, мы утверждаем, что социальные и политические размежевания имеют аксиологическую природу и, в первую очередь, связаны с утратой доверия как общества к власти, так и граждан друг к другу. На основе изучения современного российского общества можно выделить следующие виды расколов:

1) Отчуждение между властью и обществом. Её следствиями выступают: рост авторитаризма и неприятие демократических ценностей, централизация властно-распределительных функций, отчуждение населения от принятия властных решений, общее недоверие к науке и учёным как социальной страте, рост коррупции и пр.

2) Раскол между традиционализмом и либерализмом в современной

¹⁸⁸ Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) [Текст] / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 1. От прошлого к будущему. – С. 173.

России становится одним из самых заметных. Наметилось инверсивное движение в сторону традиционализма и трагический отказ от либеральных достижений под предлогом борьбы с иностранным влиянием и недопущением деструктивных социальных отношений.

3) Российскую экономику настиг и раскол в хозяйственных отношениях. В предельно общем виде сегодня он проявляется в противостоянии между идеями модернизации хозяйства по западному типу и совершенствовании форм хозяйства за счёт изменения трудовой культуры населения.

4) Негативным явлением выступают территориальные расколы и обособление субъектов страны друг от друга. Во многом это связано с предыдущим расколом, поскольку неравенство регионов строится на специфике их материально-производственных сил. Как отмечает политолог А.В. Кынёв, «в разных частях страны существуют не просто разные уклады и условия жизни населения, сформировались и продолжают формироваться разные типы гражданского общества и политических режимов»¹⁸⁹. Соглашаясь с выводами учёного, на наш взгляд необходимо также отметить факт того, что в разных регионах страны не только конституируются специфические для отдельного региона модели господства и подчинения или хозяйственной деятельности, но и формируются характерные черты человеческих личностей, наборы ценностей.

Философ Н.И. Лапин подтверждает факт региональной спецификации ценностей: «процессы ценностной интеграции и дифференциации более чем на две трети соответствуют общероссийской структуре базовых ценностей и почти на треть определяются специфической иерархией ценностей населения каждого региона»¹⁹⁰. В России имеется также глобальный разрыв между «внутренним Западом» и «внутренним Востоком». Как пишет В.Г. Федотова, «в ней был свой внутренний Запад в виде прозападных элит, оторвавшихся от народа, живущих и мыслящих как на Западе. Эта ситуация, говоря словами Хантингтона, делала

¹⁸⁹ Кынёв, А.В. Выборы и состояние гражданского общества в регионах России [Электронный ресурс] / А.В. Кынёв. – Режим доступа: <http://www.democracy.ru/article.php?id=983>

¹⁹⁰ Лапин, Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов [Текст] / Н.И. Лапин // Социологические исследования. 2010. № 1. – С. 31-32.

Россию (так же, как Турцию и Мексику) разорванной страной»¹⁹¹.

5) Раскол между интеллектуалами, властью и массами достиг, вероятно, своего максимального значения. Общество, ценностной базой которого становится утилитаризм, не нуждается в рефлексии по поводу методов достижения цели. Напротив, понимание своего долга перед социальной группой вызывает дискомфорт и препятствует осознанию собственной эксклюзивности, а всё, что противоречит локальным представлениям, в том числе знания о «большом обществе», массовым сознанием изгоняется.

6) Раскол между инверсионно-колебательным и прогрессивно-поступательным типами социальных изменений представляет собой извечное социокультурное противоречие российской цивилизации. Если в обществе возникают силы,двигающие его по пути интенсификации научно-технического прогресса, внедрения инноваций, роста многообразия общественных отношений и дифференциации социальных групп, то, по правилу дуальной оппозиции, активизируется противоположная сила инверсионного развития. Это – раскол двух менталитетов, двух принципов интеграции, двух культур.

7) Раскол между потребительскими и трудовыми ценностями. Акцент явно смещён в сторону первых, это – следствие преобладающего в информационном пространстве современной России утилитарного нравственного идеала. По нашей оценке, Россия оказалась в ситуации, которую можно условно назвать «ловушкой эксклюзивности», сущность которой состоит в том, что значительные массы населения привыкают к высоким стандартам жизнедеятельности и усиливают своё потребление за счёт обычных финансовых вложений или возможности извлечения ренты. Ресурсы общества и собственные доходы кажутся им бесконечными, что вполне вписывается в психологию «одномерного человека». Это увеличивает нагрузку на ресурсы и грозит их истощением или межгрупповыми конфликтами.

Раскол на уровне всего общества поддержан определёнными ценностными факторами. Прежде всего, следует выделить локализм как доминирующую

¹⁹¹ Федотова, В.Г. Хорошее общество [Текст] / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 155.

интенцию российских общественных групп. Он проявляется, прежде всего, в озабоченности собственным благополучием и борьбой за право владеть монополией на дефицит, несформированностью группового сознания (т. к. конкретная группа не осознаёт себя как самостоятельный общественный субъект), отказе от ответственности за воспроизводство общественных отношений. Наибольшая проблема состоит в том, что сами государственные силы склоняются к локализму, что, в целом, ставит под сомнение устойчивость общественного развития. Кроме того, необходимо отметить институциональные дефициты: система конструктивных общественных институтов находится в полуразрушенном состоянии, таким образом, сегодня в России нет институтов, которые могли бы поддерживать генерацию социально-политических ценностей, что усиливает дезориентацию и дезинтеграцию масс.

Опираясь на эмпирические данные Института философии РАН, известный социолог В.Г. Немировский при помощи факторного моделирования выделил три ценностных архетипа, лежащие в основе как аксиологического сознания граждан, так и социально-сословной структуры общества: «первый выражает социально-гедонистические ориентации, второй – социально-альтруистические ориентации и стремление к поддержанию существующего порядка, третий описывает садомазохистские ориентации»¹⁹². Таким образом, мы можем говорить об объективно наличествующих аксиологических размежеваниях, а также фундировании ими социальных отношений, поэтому действия одной группы рождают противодействие других, и конфликт интересов перерастает в конфликт ценностей.

По нашему мнению, современная Россия нуждается в укреплении рационально-критического отношения к власти, формировании гражданственности и культуры политического участия, уверенности в справедливости и резистентности социетального устройства, наращивании социального капитала, приоритете прав личности, социальной интеграции и

¹⁹² Немировский, В.Г. Ценностные и социально-сословные препятствия на пути социокультурной модернизации России и её регионов [Текст] / В.Г. Немировский // Мониторинг общественного мнения, 2013, № 4. – С. 68.

сплочённости. Эти социально-политические ценности будут отвечать за общественный консенсус в социуме.

Мировой кризис ценностей во многом связан со спецификой современного массового общества. По оценке крупного отечественного философа В.Г. Федотовой, основная черта индивидуализированного массового общества – это индивидуализация без производства индивидуальности, личности. Новый индивид становится источником фрагментации общества и воспринимает даже события своей жизни как совокупность несвязанных между собой эпизодов¹⁹³. Таким образом, частное вытесняет публичное и социальное, детерминируя развал социально-политических отношений и девальвацию социально-политических ценностей. Нельзя не согласиться с В.Г. Федотовой, утверждающей, что «главный враг демократии, раковая опухоль западных обществ – либертаризм, требование неограниченной свободы, которое разрушает общественную солидарность и нормы»¹⁹⁴.

В соответствии с парадигмой Ф. Фукуямы мы можем выдвинуть тезис о новом ценностном слове западной цивилизации. Первый слом ознаменовался переходом от аграрного общества к индустриальному, второй – от индустриального к постиндустриальному¹⁹⁵. Сегодня происходит третий слом, который движет западный мир в направлении новой конфигурации социально-политических отношений и ценностей.

Как утверждает известный отечественный философ Н.С. Кирабаев, фрагментация культуры в эпоху современности тесно связана с основной характеристикой постмодерна – пространством. В эпоху модерна существовало централизованное время, объединявшее в единое целое почти все локальные культуры. «Конец истории» Ф. Фукуямы – это показатель завершения модерна не в смысле его концептуальной реализованности, а в смысле прекращения структуризации социокультурного пространства на основе временного фактора. Постмодерн – это господство децентрализованного пространства, плюрализма

¹⁹³ Федотова, В.Г. Хорошее общество [Текст] / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 19, 34.

¹⁹⁴ Там же. – С. 52.

¹⁹⁵ Фукуяма, Ф. Великий разрыв [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, АСТ-Москва, 2008. – 480 с.

культур и систем ценностей. Пространство организовано по гетерархическому принципу, т. е. через координацию, а не субординацию. Каждая локальная культура имеет право претендовать на роль центра в глобальном пространстве, не подчиняющегося более односторонне заданным формам, законам и правилам¹⁹⁶. В этом аспекте считаем целесообразным рассмотреть социально-политические ценности как элемент глобального мирового сообщества.

Оно сформировано в результате процесса глобализации, под которым крупный отечественный философ В.М. Межуев понимает усиливающуюся взаимозависимость национальных государств и регионов, образующих мировое сообщество, их постепенную интеграцию в единую систему с общими для всех правилами и нормами экономического, политического и культурного поведения¹⁹⁷. Если мировое сообщество действительно существует, то его существование должно быть основано на определённой аксиологической базе – общечеловеческих ценностях как совокупности многообразных социокультурных форм бытия, содержащих социальные, политические, экономические духовные и другие связи.

Ряд философов, например, Э. Агацци, Ю. Хабермас, М. Кастельс и другие видит в качестве ключевых ценностей современности доступ к информации и информационное общество, умение с ней работать и обмениваться без каких-либо границ¹⁹⁸. Мы полагаем, что данные ценности могут быть рассмотрены как общечеловеческие. Таким образом поддерживается функционирование глобальных информационных сетей, содействующие объединению знаний и ценностей в общую культуру: общество осуществляет «радикальную переоценку ценностей на основе философского скептицизма, релятивизма, плюрализма в их новом постсовременном понимании»¹⁹⁹. Одни из самых важных общечеловеческих ценностей – права человека, свобода и правовое

¹⁹⁶ Кирабаев, Н.С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе [Электронный ресурс] / Н.С. Кирабаев. – Режим доступа: <http://sociognosis.narod.ru/myweb8/docs/Kirabaev.htm>

¹⁹⁷ Межуев, В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации [Текст] / В.М. Межуев // Политика. – 2000. – № 3. – С. 102.

¹⁹⁸ Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях [Текст] / Э. Агацци // Вопросы философии. 2012. № 10. – С. 3-20; Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: ГУ – ВШЭ. – М., 2000. – 606 с.; Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.

¹⁹⁹ Цит. по: Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык [Текст] / И.С. Скоропанова. – СПб.: Невский простор, 2001. – С. 12.

равенство. Они имеют универсальный и внесоциальный характер, т. к. выражают родовую сущность человека.

К числу иных общечеловеческих ценностей возможно отнести, например, закрепление плюрализма форм собственности, народовластия и разделения властей, которые также получили всемирное признание. В целом, следует отметить, что только взаимосвязь конкретно-исторических форм коллективной жизнедеятельности людей может стать предпосылкой для формирования общечеловеческих ценностей.

Сегодня ценности западной цивилизации играют роль псевдообщечеловеческих ценностей, т. к. директивно навязываются в качестве образцовых. Это приводит к унификации человеческих отношений под видом усиления интеграции, а также геополитической экспансии западных стран, увеличению влияния транснациональных корпораций, международному разделению труда и образованию неравенства в масштабах всей планеты. Как отмечает крупный отечественный философ А.С. Панарин, западные ценности, подаваемые как референтные, зачастую основаны на экономической экспансии Запада, не принимающей самобытности иных культур: «Международная же экономическая власть, сегодня выступающая как власть доллара, с болезненной ревностью относится к этим непродаваемым и неотчуждаемым ценностям... Завершение модерна мыслится как завершение процесса превращения былых ценностей в прозаический товар, имеющий своего продавца и своего покупателя»²⁰⁰. Поэтому западные ценности вряд ли могут быть рассмотрены как предметная основа для интеграции человечества.

Настоящие общечеловеческие ценности должны, как уже говорилось, выражать сущностные признаки человеческого рода и базироваться на гуманистической основе, не имея классовых, конфессиональных или идеологических признаков. В этом плане они – продукт рационального осмысления мира, возникают как ценностное отношение к объектам реального мира и имеют объективные основания. Таким образом, общечеловеческие

²⁰⁰ Панарин, А.С. Искушение глобализмом [Текст] / А.С. Панарин. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с. – С. 130.

ценности должны быть схожими с национальными ценностями в плане наличия общего содержания, общих смыслов. Отсутствие данной связи будет означать исключение носителей национальных ценностей из глобальных процессов (эксклюзию) и усиление архаизационной инверсии.

Если существование общечеловеческих ценностей не подлежит сомнению, то вопрос о том, существуют ли общемировые социально-политические ценности представляется весьма неоднозначным. Дело в том, что общемировое политическое пространство не сформировано и глобальные управленческие структуры (правительство, парламент, суд и т. д.) отсутствуют. Агенты глобализма вроде Организации Объединённых Наций, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации, транснациональных корпораций и т. д. в своей деятельности репрезентируют корпоративные ценности, т. е. транслируют тот же локализм, который дезинтегрирует европейское социокультурное пространство. В свою очередь, глобальная социальная сфера также не существует в целостном виде, поскольку отсутствуют институты воспроизводства общественных отношений планетарного масштаба – семья, образование, церковь и т. д. Таким образом, наличие социально-политической сферы мирового уровня подлежит сомнению, скорее, существует относительно небольшой участок глобализированного мирового пространства, выступающий как ценностный референт для остальных, регионализированных и фрагментированных областей земного шара.

Поэтому можно согласиться с сербским философом З. Видоевичем, который отмечает, что «поскольку глобализация несет с собой подчинение большинства меньшинству, она ведет к неизбежным конфликтам – локальным, региональным, даже планетарным... Новый мировой порядок становится порядком хаотизации мира, глобализацией страха и насилия и несёт ещё большую опасность, чем прежний "биполярный" порядок, поскольку не поддается контролю»²⁰¹.

В полном соответствии с принципом единства и борьбы

²⁰¹ Видоевич, З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире [Текст] / З. Видоевич // «Социологические исследования». – 2005. – № 4. – С. 25-26.

противоположностей, процессы глобализации и регионализации происходят параллельно. Глобализация создаёт синтез в научной и технико-технологической сферах общественного бытия, тогда как в социальной, политической, экономической и культурно-исторической сферах она содействует росту конфликтов и всеобщей дезинтеграции. Глобальное сообщество, в самом общем виде, имеет двухярусную структуру: транснациональный уровень и региональный уровень. Первый уровень, в интересующем нас аксиологическом аспекте, связан с ценностями достижения, успеха, материального благосостояния, конкуренции, научно-технического прогресса и т. д. Эти ценности директивны и имманентно несут в себе противоречие с принципами локальных культур.

Особенности регионального уровня состоят в следующем. Во-первых, отдельные области конкретных стран (Китай, Мексика или Россия) могут быть сильнее включены в глобальное пространство, чем иные, отстающие в своём развитии, т. е. в стране будет наблюдаться фундаментальный раскол между глобальными (западными) и традиционными ценностями, между обеспеченным центром и бедными областями, между ориентацией на инновации и ориентацией на архаику. Во-вторых, региональный уровень характеризуется специфическими системами ценностей этноконфессиональных групп. Они обладают ярко выраженной традиционной окраской и сопротивляются аксиологической унификации глобализма. Таким образом, отстающие страны оказываются обречены на исключение из общемировых процессов и всё большее замыкание в своём мире. Следовательно, глобализация парадоксальным образом способствует росту дезинтеграции мирового социокультурного пространства и повышению влияния национальных ценностных систем.

Отсюда следует ключевой для нашего исследования вывод: если движущими силами глобализации являются научно-технический прогресс, информационный капитализм, распространение информационных сетей и господство либеральных ценностей, то сопротивление глобализации будет выступать как архаизационная инверсия, отторжение инноваций и возвращение к традиционным ценностям и

отношениям. Было бы ошибочным считать, что такого рода тенденции – удел неглобализированных регионов. Напротив, как в технологически отсталых странах имеется круг агентов глобализма, так и в странах «золотого миллиарда» растёт неприятие сложившегося порядка в силу целого комплекса имманентных факторов. Так, американский учёный Р. Робертсон предлагает говорить о радикальном исламе как о новом флагмане глобализации, противопоставляющем себя не только глобальному миру как отражению западной модели мироустройства, но и культурно плюралистической среде²⁰². Таким образом, архаизационная инверсия оказывается реальной перспективой человеческой цивилизации.

Отечественный философ А.С. Панарин отмечает, что важным инструментом экспансии Запада выступает чувственность, освобождённая от контроля разума и морали. Её высвобождение, во-первых, вписывается в эмансипаторский проект западного модерна, подменяя реальные социальные и политические права (и борьбу за них) индустрией наслаждения. Во-вторых, это устранение привычных аксиологических иерархий, связанных со служением высшим целям. Если чувственное заменяет духовные ценности, то оно может быть уподоблено древним языческим культам. Деструкция ценностных иерархий ставит под сомнение перспективы построения прочной социально-политической системы, развитого экономического хозяйства или высоконравственной культуры²⁰³. Культ чувственного подрывает деонтологические основания общественного сознания. В целом, чувственность – это субъективная значимость в терминологии Д. фон Гильдебранда, т. е. мы вновь сталкиваемся с приоритетом частного над общим.

Таким образом, в современном мире происходит рост напряжённости между глобальными ценностями, в числе которых доминируют американские и европейские принципы, и локальными, ориентированными на сохранение традиционных отношений. Влияние национальных аксиологических систем будет усиливаться, что приведёт к всё большей регионализации мирового пространства и прекращению глобализации в том виде, в каком она нам известна.

²⁰² Цит. по: Видоевич, З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире [Текст] / З. Видоевич // «Социологические исследования». – 2005. – № 4. – С. 26-27.

²⁰³ Панарин, А. С. Искусшение глобализмом [Текст] / А.С. Панарин. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – С. 241.

2.2. Аксиологические детерминанты формирования современных общественных отношений

В предыдущем параграфе нами было обосновано, что в современном мире действуют две разнонаправленные тенденции: глобализация, приводящая к образованию гетерархического ценностного набора, и локализация, характеризующаяся стремлением к признанию традиционных систем ценностей в качестве базовых и противостоящих современным принципам. Эти две тенденции накладываются друг на друга, поэтому как локальные системы ценностей оказываются подвержены воздействию глобальных процессов, так и глобализированная аксиологическая структура существует в условиях конфронтации с локальными ценностными представлениями. Такая ситуация не способствует выработке конструктивного социально-политического взаимодействия, поэтому в данном параграфе нами будут выделены и аргументированы основные тенденции, содействующие разрушению социально-политического консенсуса.

Опираясь на известный тезис К. Маркса «общественное бытие определяет сознание»²⁰⁴, можно говорить о корреляции между социально-политическими трансформациями общества и динамикой аксиологических представлений. Эти два взаимодетерминирующих явления довольно подробно изучены в трудах многих зарубежных и отечественных учёных²⁰⁵. Опираясь на них, мы можем подробнее проанализировать сущность общественных трансформаций в современном мире с целью проследить, на какой ценностной базе формируется и поддерживается функционирование социально-политической сферы.

²⁰⁴ Маркс, К., Энгельс, Ф. К критике политической экономии. Предисловие: Источник: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 13. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – С. 7.

²⁰⁵ Например: Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма: Избранные произведения [Текст] / М. Вебер / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44-271; Каган, М.С. Философская теория ценности [Текст] / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.; Розов, Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии [Текст] / Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. – 1998. – 292 с.; Стёпин, В.С. Устойчивое развитие и проблема ценностей [Текст] / В.С. Стёпин // Техника, общество и окружающая среда: материалы междунар. науч. конф. (18-19 июня 1998). – М., 1998; Хайдеггер, М. Европейский нигилизм. Сборник «Время и бытие»: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Библихина [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 63-176; Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

В современном западном обществе происходят глубокие социальные сдвиги, так как оно перестаёт быть обществом труда по своей сущности и всё больше трансформируется в общество потребления, что приводит к структурированию социальных отношений на базе уровня и качества потребления. Западные исследователи С. Лэш и У. Бек показывают, что в современности «власть и неравенство менее действуют через эксплуатацию, чем через исключение... эксплуатация имела место, используя регулятивные правила, в то время как исключения имеют место через конститутивные правила»²⁰⁶. Конститутивность означает, что диалектика свободы и социальной ответственности личности не касается малоимущих слоёв населения, маргиналов и значительной части молодёжи. Они выступают как пассивные реципиенты элитарных стилей и образов жизни, тем самым, исключаясь из общественной жизни.

Эксплуатация замещается социальной эксклюзией, определяемой учёным П. Абрахамсоном как «процесс маргинализации, связанной с ограниченным доступом к социальным институтам интеграции»²⁰⁷. По нашей оценке, отчуждение людей от политики, активной экономической жизни, общественного признания и друг от друга способствует формированию обособленных условий жизни, в первую очередь, аксиологических типов. Ценностные различия становятся всё более значимыми. Как пишет сербский философ З. Видоевич, «это один из самых важных показателей социальной структуры закрытого типа, в которой классы, слои и их элементы, политические и прочие элиты в большей или меньшей мере самовоспроизводятся – потомки, главным образом, остаются в социальном положении своих родителей... В дальнейшем это значит, что репродукция политической и культурной элит происходит не на основании способностей, а на основании социального происхождения, в котором материальный уровень и политическая власть имеют наиболее важное значение»²⁰⁸.

Наиболее глубокую разработку теория социальной эксклюзии получила в

²⁰⁶ Федотова, В.Г. Хорошее общество [Текст] / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 21-22.

²⁰⁷ Абрахамсон, П. Социальная эксклюзия и бедность [Текст] / П. Абрахамсон // Общественные науки и современность. 2001. № 2. – С. 159.

²⁰⁸ Видоевич, З. Социальное неравенство, демократия и развитие [Текст] / З. Видоевич // «Социологические исследования». – 2010. – № 2. – С. 14.

работах американского социолога Мануэля Кастельса. По его оценкам, современное глобальное пространство пронизано Сетью – потоками информации, капиталов, ресурсов и т. д. Сеть имеет собственную логику развития, собственные цели и методы их достижения, её нельзя контролировать полностью и возможно лишь включаться в её деятельность. Те же индивиды, группы, страны или даже регионы, которых потоки обошли, обречены на эксклюзивное положение. «Глобальные сети инструментального обмена селективно подключают или отключают индивидов, группы, районы, даже целые страны согласно их значимости для выполнения целей, обрабатываемых в сети, в непрерывном потоке стратегических решений. Отсюда следует фундаментальный раскол между абстрактным, универсальным инструментализмом и исторически укоренёнными партикуляристскими идентичностями... В этом процессе, по мере того как идентичности становятся всё более специфическими и их всё труднее разделять, растёт социальная фрагментация»²⁰⁹.

Отсюда следует вывод, что Сеть функционирует в полном соответствии с принципом постмодернизма – гетерархической организацией пространства и полицентризмом ценностей. Принимаются все ценности, разделяющие логику функционирования Сети, и, напротив, исключаются все локальные аксиологические системы, имеющие моноцентрическую конфигурацию. Таким образом, социально-политические ценности как ценности высокого уровня, как иерархизирующий элемент, оказываются не нужными для деятельности Сети.

Узлы Сети концентрируют и направляют потоки власти, капиталов, инноваций и информации, тем самым стирая значимость национальных границ, однако реальные общественные практики и формы человеческого сознания сохраняют важность пространства мест. Немногие социальные субъекты принимают систему глобальных ценностей Сети и предпочитают придерживаться ценностей локальных культур. Происходит своего рода «разрыв» сознания: политическое и экономическое измеряются глобально, а социокультурное –

²⁰⁹ Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: Изд-во ГУ – ВШЭ, 2000. – С. 15.

локально, соответственно нарастает противоречие между локальными и глобальными ценностями в сознании людей²¹⁰. По этой причине формируется псевдосинкретичное (т. к. искусственно соединяются заведомо противоположные феномены) ценностное сознание, не способное к признанию ценностей «высокого уровня» – религиозных, духовных, социально-политических и пр.

Таким образом, мир оказывается под угрозой тотальной дезинтеграции в случае усиления противоречий между Сетью и локальными пространствами. Дезинтеграция детерминирована не выраженностью конструктивных общечеловеческих ценностей, утратой социального консенсуса, моральной деградацией, частичной элиминацией норм поведения. П.А. Сорокин высказал схожую точку, утверждая, что в основе общественных отношений лежат разделяемые их участниками идеалы: «движущей силой социального единства людей и социальных конфликтов являются факторы духовной жизни общества – моральное единство людей или разложение общей системы ценностей»²¹¹.

В современном глобальном мире происходит институционализация неравенства: для верхнего полюса пирамиды (глобальных элитарных групп) она означает накапливание жизненных шансов в форме материальных и нематериальных капиталов, для нижнего (локальных социальных групп) – углубление депривации и эксклюзии. Высшие слои способны аккумулировать социальные ресурсы, отчуждая от них низшие. В терминологии польского обществоведа П. Штомпки, возникает прочная иерархия привилегий и лишений в отношении доступа к желаемым благам и ценностям²¹². В таких условиях эксклюзированные группы вынуждены ориентироваться на выживание и снижать культурные потребности. В этом случае ценности высокого ранга, вроде социально-политических, не будут познаны и не смогут получить ценностный ответ, т. е. генерализация данных ценностей в жизнедеятельности людей будет подменяться формированием псевдоценностей.

²¹⁰ Castells, M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture Volume I, 2nd Edition with a New Preface [Text] / M. Castells. – Wiley-Blackwell, 2009. – 656 p.

²¹¹ Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – С. 188-189.

²¹² Цит. по: Балабанов, А.С., Балабанова, Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации [Текст] / А.С. Балабанов, Е.С. Балабанова // Социологические исследования. 2003. № 7. – С. 38.

Вопреки провозглашённым ценностям инноваций и технологического прогресса, глобальное сообщество модернизируется только в техническом отношении, но не в аспекте возрастания многообразия форм коллективного бытия и умножения духовных ценностей. Скорее, инновации способствуют отрыву глобализированных (элитарных) групп от ориентирующихся на локально-традиционные формы жизнедеятельности. Это особенно чётко видно на примере власти. Сегодня социум возвращается к примитивным чертам, когда политические отношения вытесняют социальные в силу неспособности общественных субъектов функционировать независимо от государства. Достижения научно-технического прогресса (в первую очередь, информационные технологии) берутся на вооружение правительствами с целью сохранения своей монополии на власть (паноптикон М. Фуко²¹³).

На наш взгляд, широкое распространение информационных технологий (например, интернетизация жизни современного человека) – это метод насаждения необразованности и узкого социального опыта. Круг коммуникаций оказывается замкнут на равных по статусу индивидах. Качественное образование становится монополией элиты и образованность избранных легитимизируется необразованностью рядовых граждан. Распространение в обществе обскурантизма означает его регресс, возвращение к примитивным социальным практикам. В социальной философии этот феномен получил название архаизации. Она проявляется как результат столкновения модернизационных процессов, например, технико-технологического прогресса и дифференциации социальной структуры, с исторически сложившимися пластами общественного сознания и традиционными практиками.

Согласно отечественному философу А.С. Ахиезеру, «архаизация выступает как форма регресса, в которой программы деятельности носят специфический для догосударственного общества характер, связанный с доосевой культурой, с господством чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей кругозор ограничивался лично знакомыми

²¹³ Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М.: Ad Marginem. 1999. – С. 292.

членами локального сообщества, не знавшими развития как культурной ценности»²¹⁴. Подобными локальными сообществами сегодня могут выступать целые страны, придерживающиеся традиционных социокультурных отношений.

Однако было бы ошибкой чётко делить страны на глобализированные и традиционные. Даже представители обществ «первого мира» не всегда «успевают» за прогрессом, не принимают некоторые его ценности и модели поведения, что вызывает инверсию сознания к традиционным ценностям как к привычному набору идентификаторов и смыслов. Как уже говорилось, ценности глобального мира, сливаясь с традиционными, генерируют псевдосинкретичное сознание. Оно на базе архетипов конструирует комфортный мир, в котором нет экзистенциальных проблем и преобладает мифологическое мировоззрение, обеспечивающее подлинное бытие²¹⁵. Современный российский философ В.Н. Финогентов отмечает, что если в первобытном обществе мировоззрение группы и индивида находились в полном тождестве, то сегодня у человека может иметься личностное мировоззрение, конфликтующее с общественным и вызывающее определённый «зазор»²¹⁶. «Я-бытие» вступает в диссонанс с «Мы-бытием». По нашей оценке, в условиях расколотого общества «зазор» образуется в результате, во-первых, именно процесса архаизации индустриализированного социума, во-вторых, фрагментарности мировоззрения и соответствующего мировоззренческого детерминизма²¹⁷.

Широкое распространение мифологизма в сочетании с традиционализмом и модернизмом вызывает архаизацию общества в когнитивном отношении. Формируется, выражаясь языком Н.А. Бердяева, «диктатура мирозерцания»²¹⁸, детерминирующая падение общего

²¹⁴ Ахиезер, А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема [Текст] / А.С. Ахиезер // Общественные науки и современность. 2001. №2. – С. 89.

²¹⁵ Финогентов, В.Н. О свободе совести и о мировоззренческом детерминизме [Текст] // В.Н. Финогентов. Трагический гуманизм: очерки онтологические, антропологические и аксиологические. – Орёл: ООО ПФ «Картуш», 2012. – С. 214.

²¹⁶ Там же. С. 220.

²¹⁷ Финогентов, В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры [Текст] // В.Н. Финогентов. – М.: Либроком, 2009. – 304 с.

²¹⁸ Цит. по: Финогентов, В.Н. О свободе совести и о мировоззренческом детерминизме [Текст] // В.Н. Финогентов. Трагический гуманизм: очерки онтологические, антропологические и аксиологические. – Орёл: ООО ПФ «Картуш», 2012. – С. 222.

культурного уровня общества и деструкцию ценностей «высокого уровня».

Архаическое сознание вводит в ядро аксиологической структуры ценности семьи, безопасности, выживания и т. д., однако сами по себе данные ценности не имеют, во-первых, развитой институциональной поддержки, во-вторых, однозначной интерпретации, что порождает субъективизм их толкований. В целом, архаизация отражает основные цели жизнедеятельности эксклюзивированных слоёв: социальная активность замещается ритуализмом, политическое участие ограничивается абсентеизмом, эскапизм приходит на смену общественной интеграции, социальный опыт ограничивается полем взаимодействий внутри своей группы. Социально-политические ценности в архаическом сознании сформироваться не могут, т. к. отсутствует праксеологическое понимание полезности общественных действий, социальные и политические институты, в сущности, дисфункциональны.

Архаизация происходит как ответ на радикальное реформирование общества. Порядок институционализации архаики подробно описывает российский философ Ч.К. Ламажаа: «Структура архаизации общества включает в себя три основных этапа:

1) распространение в обществе кризисного социального самочувствия, которое выражается в ощущениях потери, растерянности, неуверенности;

2) оценка обеспеченности людьми своих базовых потребностей (физиологических, экзистенциальных) и ориентация на их скорейшее удовлетворение в наиболее простых формах, что связано с актуализацией архаических культурных смыслов и архаической субъективной организации социального окружения по зонам «свой – чужой – чуждый»;

3) влияние этих архаических культурных смыслов и субъективной организации окружения на социальные связи, социальные отношения, на функционирование социальных институтов в обществе»²¹⁹.

В современной философии актуализируется концепция «Нового

²¹⁹ Ламажаа, Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) [Текст] / Ч.К. Ламажаа: автореферат. . . д. филос. наук: 09.00.11. – М.: ННОУ ВПО МГУ. – С. 9-10.

Средневековья», к которой всё чаще прибегают для анализа процессов, протекающих в глобализирующемся мире²²⁰. Сегодня происходит переход мирового сообщества в эпоху «Нового Средневековья» (Н.А. Бердяев²²¹) как результат архаизационной инверсии локальных сообществ. Однако ещё до Н.А. Бердяева важные идеи высказал отечественный мыслитель К.Н. Леонтьев. Наступление социализма он понимал как создание нового феодализма – феодализма общин «в смысле глубокой неравноправности классов и групп, в смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил... в смысле нового закрепощения лиц другими лицами и учреждениями, подчинение одних общин другим общинам, несравненно сильнейшим...»²²².

Н.А. Бердяев в качестве атрибутов Средневековья выделил универсализм цивилизации и сближение Запада и Востока, упадок рационального и доминирование иррационального, феодализацию Европы, появление технологического варварства («дикость среди машин») и тотальный кризис духовности²²³. По нашему мнению, не трудно заметить за этим глобализацию и «столкновение цивилизаций», упадок науки, распространение новых религиозных движений и оккультных сект, рост влияния транснациональных корпораций и нравственно-физиологическую деградацию человека обострение конфликта между реальным и виртуальным мирами в современности.

Ещё более пессимистичные картины описывал П.А. Сорокин: «когда все ценности атомизируются, исчезнет авторитетное "общественное мнение" и "мировое сознание"... Договоры и соглашения утратят остатки своей обязывающей власти. Построенный западным человеком за предыдущие столетия величественный договорный социокультурный дом рухнет...». С Новым Средневековьем учёный связывал распад семьи, кризис отношений между родителями и детьми, истощение культурного творчества, падение

²²⁰ Например: Блехер, Л.И., Любарский, Г.Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья [Текст] / Л.И. Блехер, Г.Ю. Любарский. – М.: Академический Проект; Институт Фонда «Общественное мнение». 2003. – 608 с.

²²¹ Бердяев, Н.А. Новое средневековье [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 160 с.

²²² Леонтьев, К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения [Текст] / К.Н. Леонтьев. – Москва: Книга по Требованию, 2011. – 52 с.

²²³ Бердяев, Н.А. Новое средневековье [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 160 с.

уровня жизни населения и неуверенность в будущем²²⁴.

Немецкий философ А. Швейцер связывает наступление Средневековья с отказом индивидов от свободы мышления и добровольным подчинением влиятельным корпорациям. Выход из данной эпохи будет связан с обретением духовной свободы и изменением отношения к интеллектуально господствующим организациям²²⁵.

Одним из факторов наступления Средневековья, по нашему мнению, выступает, несмотря на свою современность и инновационность, мировая экономика. Повсеместно распространяются брендовые продукты, владение которыми отображает статус индивидов, престиж профессии, социальные привилегии и уровень оплаты труда детерминируются организационно-корпоративной принадлежностью, отсюда возникает принадлежность к определённой цеху, как в Средние века.

Аналогичные представления о тенденциях трансформации мирового сообщества мы находим у отечественного философа Д.В. Иванова, который уподобляет средневековую систему, когда цена вещи зависит от «происхождения» предложения, сложившейся сегодня практике электронных карт, репрезентирующих социальное положение индивида²²⁶. Итальянский философ У. Эко обнаруживает взаимосвязь начала Нового Средневековья, кризиса глобальной мировой империи – США, – и наступлением «варваров» – азиатских, арабских и латиноамериканских государств²²⁷. Англо-саксонский мировой порядок рушится, но буржуа-капиталист этого пока ещё не осознаёт и продолжает благоденствовать на продуктах распада.

Следует отметить, что совершенно иной взгляд на развитие западного общества имеют Дж. Нейсбитт и П. Эбурдин, которые отмечают его гуманизацию,

²²⁴ Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согамонов. – М.: Политиздат, 1992. – С. 808-809.

²²⁵ Швейцер, А. Культура и этика [Текст] / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1973. – С. 47.

²²⁶ Цит. по: Блехер, Л.И., Любарский, Г.Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья [Текст] / Л.И. Блехер, Г.Ю. Любарский. – М.: Академический Проект; Институт Фонда «Общественное мнение». 2003. – С. 501-502.

²²⁷ Эко, У. Средние века уже начались [Текст] / У. Эко // «Иностранная литература». 1994. № 4. – С. 258-267.

высокий уровень жизни и защиту прав человека²²⁸. В этом они видят широкие возможности для граждан заниматься общественной, политической и культурной деятельностью, поддерживать доверительные отношения друг к другу.

Проведенный нами анализ научной литературы убеждает: эпохи «средневековья» представляют собой периоды устойчивого развития с фиксированными параметрами общественной системы, эти эпохи сменяются «возрождениями» – мощными культурными революциями, приводящими к перестройке всего общества, в частности, к смене аксиологических систем. В периоды ренессанса совершается бифуркационный скачок, но чрезмерное внедрение инноваций грозит социуму дестабилизацией и распадом, в это время он представляет собой неустойчивую диссипативную структуру. Стремясь вернуть системное равновесие и упорядочить энергетическую энтропию, общество начинает постепенно отвергать инновации, переходя в период резистентного развития. Сегодня мир находится в своеобразном «технологическом средневековье», и в силу глобализации весь земной шар оказывается вовлечённым в эту логику эволюции.

В параграфе 2.1 было отмечено, что современный человек становится источником фрагментации общества, а частное вытесняет публичное и социальное, детерминируя развал социально-политических отношений и девальвацию социально-политических ценностей. Во многом это происходит за счёт доминирования в аксиологической системе современного глобального пространства ценности эксклюзивности. Мы назовём её тем самым «качественно недостойным», о котором говорил Д. фон Гильдебранд, псевдоценностью, альтернативной социально-политическим образцам социальной ответственности, солидарности и т. д. Признавая глобализационный характер эксклюзивности, существование её как органического элемента современной западной культуры, философ Ю.А. Мелков, утверждает, что эксклюзивность, а не качество, становится трендом современности. Проявлением постматериалистической

²²⁸ Нэсбитт, Дж., Эбурдин, П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000 [Текст] // Дж. Нэсбитт, П. Эбурдин. – М.: Республика, 1992. – 416 с.; Тоффлер, Э., Тоффлер, Х. Революционное богатство = Revolutionary Wealth [Текст] // Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ, 2007. – 576 с.

интенции массового сознания, формирующей не столько культ потребительства (это относится к материалистическому прошлому), сколько запрос на статусность и успешность выступает то, что социальные субъекты стремятся характеризоваться уникальными чертами. Индивидуализация и либерализация привели к пониманию человека как отдельного социального субъекта, признали его право на самостоятельность и уникальность²²⁹.

Ценности успеха и социального признания вошли в ядро аксиологической структуры современного человека, сформировался, выражаясь языком постструктурализма, код сигнификации, императивно предписывающий индивиду стандарты «правильного» и успешного поведения. Сегодня человек должен быть эксклюзивен, чтобы быть «полноценным» социальным субъектом. Отметим, что такого рода ценности проникают и в общества, ориентированные на традиционные ценности, тем самым вызывая становление псевдосинкретичной аксиологической системы.

Эксклюзивность прямо коррелирована с установкой на достижение высокого социального статуса, что, несомненно, выступает как антидемократическое явление в том смысле, что целью становится само стяжание привилегий и извлечение из них прибылей, а не реализация накопленных ресурсов в общих интересах. Формируется крайний потребительский индивидуализм, при котором объектом потребления становятся ренты.

Право извлекать ренту из определённых общественных отношений получило название «монополия на дефицит». Модернизированное общество с доминирующей либеральной идеей, как правило испытывает стабильный небольшой дефицит интеллектуальных ресурсов, инноваций и творческих предложений. Общество с доминированием традиционализма, как в России, Индии или Китае, сталкивается с тотальным дефицитом натуральных продуктов, средств производства, капиталов, квалификации и т. д. Причиной тому выступает большое несоответствие между ростом потребностей общества и развитием

²²⁹ Мелков, Ю. Постсоветское общество: Новое Средневековье [Текст] / Ю. Мелков // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 3. – С. 184.

массового производства, т. е. способностью удовлетворять данные потребности. Несоответствие порождается ростом числа социальных субъектов, преследующих собственные локальные цели, выработанные на базе локальных ценностей.

Аналогичной точки зрения придерживается А.С. Панарин, который отмечает: «Все ныне воспеваемые возможности глобализации обращены к элитам, которые уже успели ими воспользоваться. Что глобализация способна дать народам, до сих пор остается тайной будущего. Сегодня глобализация порождает многочисленные соблазны для элит, действительно преобразуя их сознание и поведение»²³⁰.

Таким образом, элитарные группы в менее развитых странах, по нашему мнению, выступают, с одной стороны, как инициаторы прогресса и потому ориентированные на глобальные ценности, с другой стороны, они неизбежно конфликтуют с локальными ценностями и сложившейся структурой отношений внутри отдельного общества. В стремлении присоединиться к Сети, они способны вносить дезинтегрирующий элемент в функционирование конкретной общественной системы и исключать малоимущие слои. Поскольку экономический и технико-технологический прогресс приводит к увеличению числа общественных групп без роста их качественного разнообразия и чёткого определения сферы ответственности, ситуация дефицита ресурсов усугубляется по мере развития прогресса.

Каждая общность стремится занять привилегированное положение, увеличить свои ресурсы (ренды) за счёт другой. Особый смысл в этом процессе приобретает понятие «монополия» – состояние, при котором отдельная группа при отсутствии здоровой конкуренции сохраняет свои уникальные общественные функции и защищает свои ренды от иных групп. Основополагающими механизмами монополии выступают обычаи, законы, экспертное знание, квалификация и отсутствие альтернативных путей для исполнения данных функций²³¹. Монополизированные ресурсы служат источником власти определённой социальной группы, при этом она может выступать как глобально

²³⁰ Панарин, А. С. Искушение глобализмом [Текст] / А.С. Панарин. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с. – С. 64.

²³¹ Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) [Текст] / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 2. Теория и методология. Словарь. – С. 284.

ориентированное сообщество в ущерб национальному государству.

Привилегированное положение формирует определённое клановое сознание, качественно отличающее элитарные слои от иных общественных групп. Клановое сознание, прежде всего, предписывает хранить верность своему клану, а не конкретному институту, что означает деструкцию рационально-легальных связей между социально-политическими субъектами. Как отмечает американский антрополог Д.-Р. Уэдел, «в государстве-клане отдельные кланы, каждый из которых контролирует собственность и ресурсы, так тесно идентифицируются с конкретными министерствами или институциональными сегментами правительства, что их цели и деятельность порой кажутся идентичными»²³². Элитарные группы оказываются единственными социальными силами с чётко очерченными наборами ценностей, саморефлексией и фиксированными статусными позициями.

По мнению отечественного философа Н.И. Лапина, «единственным субъектом, побудителем и направляющей силой развития является здесь верховная власть, будь то государство в лице бюрократии, номенклатура, партийные комитеты или верховный правитель. Остальные члены общества представляют собой аморфную, пластичную массу, которая лишена свободы выбора своей линии экономического, политического, духовного поведения и самовыражения...»²³³. Иначе говоря, в основе общественного поведения представителей элитарных групп лежат в значительной мере ценностно-рациональные, а не только целе-рациональные действия, что усиливает аксиологическую детерминацию поведения индивидов.

На наш взгляд, важнейшей особенностью социально-политических отношений в современном мире выступает их детерминация ценностью (псевдоценностью) эксклюзивности. Войдя в аксиологическую структуру локальных сообществ, данная псевдоценность вступила в реакцию со сложившейся практикой монополий на дефицит, тем самым породив жёсткую

²³² Wedel, J.R. Rigging the US-Russian Relationship: Harvard, Chubais, and the Transidentity Game [Text] / J.R. Wedel. – Demokratizatsiya. 1999. vol. 7. № 4. – P. 480.

²³³ Лапин, Н.И., Беляева, Л.А., Наумова, Н.Ф., Здравомыслов, А.Г. Динамика ценностей населения реформируемой России [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.Ф. Наумова, А.Г. Здравомыслов. – М.: УРСС, 1996. – С. 82.

конкуренцию и гонку за рентами. Элитарные группы озабочены умножением собственных рент и потому не склонны к консенсусу, интеграции и поиску вариантов решения социальных проблем. В этом смысле их поведение рационально, т. к. может быть калькулировано, предсказано, подвергнуто контролю и рассчитана эффективность деятельности. Но это поведение порождает иррациональные последствия, например, помощь транснациональным корпорациям, неоправданно высокие затраты на финансирование социальных проектов и поддержку социальных иждивенцев, реализация сомнительной политики мультикультурализма и т. д. При этом сами по себе данные программы и организации выступают репрезентациями эксклюзивности как во внутренней, так и во внешней политике.

Таким образом, гонка за эксклюзивность приобретает настолько опасные черты, что можно говорить о формировании иррациональной рациональности в масштабах всего общества. Сами группы оказываются настолько сильно вовлечены в гонку за эксклюзивность, что локальному обществу грозит тотальный коллапс – схлопывание общественных отношений, примитивизация потребностей личности и истощение ресурсов. В целом, это обостряет проблему, известную как «трагедия общин»²³⁴: поскольку нет стандартов социально ответственного поведения и ценности согласия, каждый держатель монополии на дефицит стремится увеличить свои выгоды и усиливает давление на других держателей. Эксклюзивность выступает как один из факторов дестабилизации общественной системы в целом.

Итак: целью деятельности элитарных групп выступает, как уже говорилось, максимизация рент и рост эксклюзивности. Это происходит в результате процесса, который философ Ю.А. Мелков назвал «приватизацией социального пространства» (или просто «приватизацией социального»)²³⁵. Смысл данной приватизации состоит в присвоении привилегированной группой всех возможных общественных рент и отчуждении от них более низких по

²³⁴ Даймонд, Д. Коллапс: как и почему одни общество приходят к процветанию, а другие – к гибели [Текст] / Д. Даймонд. – М.: Астрель, CORPUS, 2012. – С. 597-601. – 800 с.

²³⁵ Мелков, Ю. Постсоветское общество: Новое Средневековье [Текст] / Ю. Мелков // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 3. – С. 187.

статусу групп. На наш взгляд, более точным будет говорить о «приватизации социально-политического пространства». Во-первых, «социальное» и «политическое» друг с другом тесно связаны, как уже было показано выше. Во-вторых, контроль над социальной сферой возможен только при обретении властных функций. Следовательно, политическое рассматривается как ценность само по себе, в отрыве от инструментальных задач приложения власти. Социально-политический консенсус выступает как препятствие на пути умножения собственного влияния, поэтому может быть легко отвергнут.

Что касается национальных интересов, как отмечает А.С. Панарин, то они становятся товарами, поскольку государственные элиты могут войти в Сеть (глобализироваться) только в случае продажи национальных ресурсов и территорий. По своей сути, эта практика архаичная, т. к. встречалась ещё в Древнем Риме, хотя современность придала ей новые черты. Во-первых, сегодня присутствует мировое финансовое пространство с центром в США, принудительно ставящее периферийные регионы в зависимость от себя; во-вторых, отношения купли-продажи становятся тотальными и приводят к дистанцированию местных элит от собственного населения²³⁶. В итоге элита доходит до приватизации национального суверенитета, теряя всякую связь с национальными интересами и подчиняясь логике функционирования глобального мира.

В какой-то мере можно говорить о разрушении общества как самостоятельной от государства организации: когда распределение собственности и статусов в социуме происходит на основании приближения к власти, грань между «социальным» и «политическим» (властным) размывается и «политическое» «расползается» по всему обществу. Иначе говоря, доступ к политической власти становится главным критерием выстраивания социальной структуры и диспозиции отношений. Однако данное «политическое» не ограничено только одной узкой сферой – оно становится всеобщим, включая в себя не только «социальное», но также «экономическое» (как метод ведения хозяйства и извлечения прибылей) и «культурное» (как способ выражения

²³⁶ Панарин, А. С. Искушение глобализмом [Текст] / А.С. Панарин. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – С. 135-136.

определённых ценностей, норм и стандартов поведения).

Таким образом, мы можем констатировать, что социально-политическая сфера находится в глубоком кризисе в силу нарушения взаимосвязей между обществом и властью, которые существуют в своих измерениях и обмен информацией сопровождается значительными искажениями, «помехами», коммуникативные технологии взаимодействия с обществом развиты слабо. Соответственно, социально-политические ценности исчезают в силу субъективизма интерпретаций вкладываемых смыслов в такие понятия как «патриотизм», «гражданственность», «правовое государство» и т. д. Например, патриотизм с точки зрения привластных групп трактуется как верноподданничество, с позиции населения – как уважение к истории страны; «правовое государство» по оценке власти – это декларация необходимости добиваться всех общественных благ самостоятельно, по мнению граждан – равенство перед законом для большинства, но не для всех.

В целом, правомерно полагать, что в современном мире социально-политическое пространство приватизируется частными субъектами. Немецкий философ Ю. Хабермас называет это процессом «рефеодализации общественной сферы», который заключается в обретении частными интересами непосредственных политических функций: крупные корпорации, как национальные, так и транснациональные, начинают постепенно контролировать через СМИ общественную сферу и государство²³⁷. Последнее же выступает всё более активным актором частной сферы, размывая границы частного и общественного, превращая граждан в потребителей.

В заключении параграфа мы можем ещё раз отметить, что в современности массы людей исключаются из социальной активности в силу собственной дезинтегрированности – отсутствует институт, способный взять на себя подобные функции. Механизм приватизации социально-политического пространства заключается в практике эксклюзии малоимущих групп – они

²³⁷ Цит. по: Мелков, Ю. Постсоветское общество: Новое Средневековье [Текст] / Ю. Мелков // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 3. – С. 187.

отчуждаются от пользования общественными институтами интеграции, теряют доступ к каналам вертикальной мобильности, лишаются гратификаций и привилегий. Социальное существование представителей таких слоёв становится только их личным делом, власть самоустраняется из этого процесса. Иначе говоря, институты в эксклюзивном обществе должны выполнять функции ограничения участия населения в социальных интеракциях. Деятельность институтов признается властью качественной, если они служат, во-первых, методом закрепления неравенства, во-вторых, способом сбора рент с населения. Таким образом, механизмы социального исключения действуют не только на глобальном, но и на национальном уровне.

2.3 Социально-политические ценности как концепт аксиосферы мирового сообщества

Сложившаяся глобальная гетерархическая система по своему содержанию неудовлетворительна, т. к. не содержит высших, духовных ценностей, направленных на раскрытие имманентной сущности человеческого рода. Такие ценности содержатся в национальных аксиологических наборах. Локальные аксиологические системы определяют процесс национальной идентификации личности, социализируют человека, содействуют образованию целостного мировоззрения, деонтологического и мотивационного аспектов общественной деятельности. К сожалению, они подвергаются деструкции в результате столкновения с глобальными институтами, поэтому необходимо определить онтогносеологические механизмы развития национальных ценностей.

Важным фактором формирования аксиологического сознания выступает высокое положение духовных ценностей в иерархии ценностей социума. Под их влиянием происходят структурирование остальных видов ценностей и раскрытие сущности человеческой деятельности. Выработка мировоззрения на

базе ценностей нации (этноса) духовно развивает личность посредством генерализации (в интересующем нас аспекте) социально-политических ценностей с ярко выраженными деонтологическими атрибутами. Как отмечает философ Х.С. Вильданов, «духовно развитая личность с её национально ориентированными ценностными установками предполагает единую систему когнитивного, мотивационно-волевого и практически-деятельного аспектов. Когнитивный элемент включает в себя обусловленную национальными ценностями сознание, мышление, рефлексию, чувства, идеалы личности, а мотивационно-волевой и практически-деятельный элементы соответственно – определённую мотивацию, деятельность и поведение личности»²³⁸.

Национальные ценности позволяют человеку преобразовывать объективную действительность в социокультурные условия, соответствующие аксиологическому содержанию национальной культуры. Локальные ценности также лежат в основе национальной идентичности. При этом прогрессивное развитие конкретного общества детерминировано коррелятивностью национальных и общечеловеческих ценностей, т. е. национальные культуры включены в глобальные социокультурные отношения.

На наш взгляд, глобальное сообщество эволюционирует в сторону технократической псевдоцивилизации, в которой «вместо государства появится корпорация, вместо политических лидеров – менеджеры, вместо идеологии – пиар, вместо экономики – бизнес, вместо цели – её суррогаты, вместо культуры – досуг, вместо народа – электорат, вместо страны – среда обитания»²³⁹. Глобализация дала начало массовому выращиванию «одномерных людей» – индивидуалистов гедонистического типа, относящихся к социальной среде чисто потребительски. Рождение «одномерных людей» происходит через разрушение национальной идентичности, уничтожение культурных кодов, подавление человеческого достоинства. Процессы деидентификации, обезличивания и раскультиуривания стремительно близятся к той точке, за

²³⁸ Вильданов, Х.С. Ценность как предмет философского познания [Текст] / Х.С. Вильданов: автореферат ... д. филос. н.: 09.00.01. – Магнитогорск, 2009. – С. 29.

²³⁹ Дегоев, В. Самоослепление: новая политическая мифология России [Электронный ресурс] / В. Дегоев // – Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=73&tek=6475&issue=182>

которой они принимают необратимый характер.

По нашему мнению, в современном мировом сообществе оказались подорваны основы рациональности. Ключевыми элементами в структуре «новой рациональности глобального мира» выступают ценности материального успеха, власти и богатства, в своём практическом воплощении порождающие иррациональные черты. Конкретным примером выступает утрата смысла рядом символов: стираются традиционные коннотации терминов «война», «свобода», «мир», тем самым искажая массовое сознание. Одно из важнейших следствий современного кризиса – это неспособность человеческого разума контролировать и прогнозировать все протекающие в глобальном пространстве процессы. Неопределённость растёт катастрофическими темпами, что и является результатом иррациональной рациональности, «высвобождения чувственности», по А.С. Панарину. В результате глобальная система ценностей становится антигуманной и античеловеческой, т. к. делает акцент не на человеке, а на способах коммерческого применения человеческих сил.

Предотвращение цивилизационного кризиса возможно посредством конструирования новой аксиологической структуры – определения набора общезначимых ценностей, несущих интегративный и творческий потенциал для ключевых общественных групп и институтов, которые смогут продуцировать и распространять эти идеалы. Как считает крупный отечественный философ Н.С. Розов, с которым мы можем согласиться, необходимо обратить внимание на создание конструктивной аксиологии: «Современные и будущие кризисы (экологический, демографический, продовольственный, межнациональный, образовательный и др.) не могут быть преодолены без существенной ценностной переориентировки общественного сознания. Если мы не хотим, чтобы ценой этой переориентировки была очередная экологическая или социальная катастрофа с массовыми жертвами, то уже сейчас должны вплотную приступить к рациональному освоению, критике и корректировке ценностей»²⁴⁰.

²⁴⁰ Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии [Текст] / Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. – 1998. – С. 111.

Безусловно, перестройка должна произойти на онтогносеологическом уровне общественного бытия, в том числе, реконструированы социально-политические ценности, поскольку только они смогут интегрировать глобальное сообщество и предотвратить возникновение мировых конфликтов. Ценности государственности, гражданственности, патриотизма, социальной справедливости должны войти в ядро аксиологической структуры. Данные ценности генерируются на национальном уровне, но должны обрести статус общечеловеческих и находиться в основе нравственности, которую, по оценке Г. Гегеля, формируют семья, гражданское общество и государство²⁴¹.

Все три института в современном мире находятся в кризисном состоянии и не способны выступать в качестве трансляторов референтных образцов и моральных авторитетов. Именно поэтому проблема ценностного обновления, на наш взгляд, имеет два взаимосвязанных аспекта решения: институциональный и аксиологический. Таким образом, можно выделить два основных направления формирования социально-политических ценностей как общечеловеческих ценностей.

Институциональное направление подразумевает полномасштабную перестройку общества на основе демократических принципов «общества знания»: социальная сплочённость, конкурентоспособность, технические инновации, свободный доступ к информации, равномерное распределение благ и возможностей, стандарт жизни, совместимой с человеческим достоинством, уважение к фундаментальным правам человека²⁴². Это будет способствовать: конституированию ценности образования, детерминирующего профессию и социальный статус индивида; росту патриотизма; искоренению информационного неравенства и поляризации общества; отказу от отживших ценностей и заменой их новыми, конструктивными ценностями; повышению интегрированности общества. Поскольку мы в своём анализе придерживаемся позиции об интерсубъективном характере ценностей, т. е. их генерации в

²⁴¹ Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – С. 287.

²⁴² Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях [Текст] / Э. Агацци // Вопросы философии. 2012. № 10. – С. 3-20.

процессе человеческого взаимодействия, необходимость создания прочных социальных институтов вполне обоснованна.

На наш взгляд, необходимо обеспечить равный доступ к образовательным услугам. Практическим результатом этого становится ликвидация неграмотности, создание научных центров в коммерческих структурах, фундаментализация науки и рост прикладных знаний, технократизация политической деятельности. Сфера образования выступает как система когнитивной и ментальной адаптации общества и индивида к объективным условиям бытия, т. е. как средство культурно-профессионального воспитания личности в течение всей жизни.

При этом существует и немало опасностей, главными из которых выступают коммерциализация образовательных услуг и унификация педагогической деятельности. Этот процесс справедливо критикуется, например, Дж. Ритцером²⁴³. Университеты преобразовываются в гильдии, тесно интегрированные с коммерческими структурами, которые зачастую дают отдельным кафедрам или факультетам собственные названия. Такого рода приватизация социального пространства идёт на пользу национальным и транснациональным корпорациям, аффилированным с властью, однако вредит, во-первых, тем областям науки, которые коммерчески не рентабельны (например, филология, философия), во-вторых, устанавливает жёсткий контроль над педагогическим процессом. Теоретическое знание зачастую оказывается ненужным. Как отмечает отечественный философ В.С. Стёпин, «процесс всё большей коммерциализации высшего образования и научного исследования имеет свои границы. Он может привести к эрозии универсальности и гибкости высшего образования в угоду сиюминутной и неизбежно изменчивой рыночной конъюнктуре. Здесь точное предсказание, а значит и строгое детальное планирование невозможно»²⁴⁴.

Поскольку на институт образования возложены важнейшие функции,

²⁴³ Ритцер, Дж. Макдональдизация общества [Текст] / Дж. Ритцер. – М. : «Праксис», 2003. – 592 с.

²⁴⁴ Стёпин, В.С. Рец. на: Г. Бехманн. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний [Текст] / В.С. Стёпин // Вопросы философии. 2010. № 7. – С. 166.

необходимо институционализировать категории педагогов, инженеров и учёных как «творческий класс», создающий инновации, за счёт которых и существует социум. При этом необходимо достигнуть вхождения ценности знания в ядро аксиологической структуры индивида, континуум мира личности. По мере развития коммуникаций и становления «сетевого общества» возникает ещё одна, как представляется, наиболее фундаментальная опасность современного мира: сами по себе коммуникативные потоки не способствуют продуцированию новых знаний, в условиях информационного изобилия члены общества обречены на дублирование уже имеющихся знаний.

Предотвращение стагнации социального обмена возможно посредством формирования элитарной интеллектуальной группы, в которую войдут учёные, педагоги, предприниматели, инженеры, медики и т. д. Их основная функция – перманентная генерация новых смыслов и распространение их в массы через информационные сети. Эти смыслы составляют субстрат интеллектуальной жизни «общества знаний», а вовсе не потребление продукции. Освоение мультикультурных пластов и плюрализация форм социального взаимодействия интенсифицируют социальные интеракции и упрочивает социальные связи. Таким образом, образование конституируется как качественная ценность, отвечающая за общественный консенсус и стабилизацию социальной жизни.

Аксиологическое направление заключается в обретении национального самосознания, национальной идеи и поиске идентичных символов.

В обществе знаний обретает ключевое значение ценность образования, поскольку без него невозможно вхождение человека в общество. Уровень полученного образования детерминирует профессию индивида, а вместе с ней, и социальный статус. Ответственное отношение к своей профессии и образованию не может не отразиться на восприятии социально-политической жизни как поля для совместной деятельности и коммуникации. Ценность профессионализма, по нашей оценке, лежит в основе ценности гражданственности как ответственности за своё поведение перед всем обществом. С гражданственностью тесно связана ценность патриотизма. Любовь к Родине, вероятно, наиболее яркая социально-

политическая ценность, она ярко проявляется, например, в уважении и доверии, оказываемом патриоту со стороны окружающих. Разумеется, что патриотизм подкрепляет самим фактом своего существования и ценность государственности, таким образом, происходит скрепление основ социально-политического строя.

Аксиологический кризис современности во многом связан с несвободным развитием сущностных сил человека. Капиталистический способ производства способствует реализации сущностных сил в форме социального капитала как «агрегации действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний»²⁴⁵.

Однако именно профессиональная среда, как специфическое ценностное пространство, оказывается в сложном положении в глобализированном мире. С одной стороны, ценность профессионализма, как и коррелированные с ней ценности прогресса, научности, производительности труда и т. д. по своей сущности либеральна, а потому может вызывать конструктивную напряжённость с традиционными ценностями. Эта напряжённость способна разрешиться положительно – аксиологической «перестройкой» (Япония, Южная Корея) и модернизацией страны, или отрицательно – архаизационной инверсией (постсоветское пространство). С другой стороны, профессионализм в понимании глобального мира лишён национальных черт, обезличен, подчинён материальным целям, т. е. не представляет собой социально ориентированную деятельность. Поэтому профессиональные ценности, а вместе с ними – либеральные ценности прогресса, свободы, толерантности, равенства, – оказываются внутренне извращены, приобретают качественно «недостойные» черты. Если изначально капитализм строился на принципе генерации социального капитала, то сегодня основы его воспроизводства оказываются подорванными, что позволяет поставить неутешительный диагноз: во-первых, трансформация современного капитализма неизбежна, во-вторых,

²⁴⁵ Бурдые, П. Формы капитала [Текст] / П. Бурдые // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 248.

социально-политические ценности должны быть реконструированы для интеграции и структуризации общественного бытия.

Ценности образования и профессионализма должны лежать в основе «экономики знаний», главным субъектом которой является «когнитивный работник»²⁴⁶. Он должен производить не монопольный материальный продукт, а знания и ценности. Иначе «знаниевая экономика» оказывается фикцией: нормальный обмен ценностями приводит только к их умножению и распространению, также как и обмен знаниями приводит к возрастанию общей суммы знаний. Знания невозможно употребить до их полного истощения, в отличие от любых материальных продуктов.

Другим принципом общества знаний выступает свободный доступ к информации и в этом аспекте можно выделить «свободу информации» как ценность, способствующую развитию гражданских прав и свобод. Информационное неравенство – неравномерно распределённый доступ к интеллектуальным благам среди социальных групп – должно быть исключено. Это является предпосылкой политической демократизации нового общества.

Политическая жизнь общества знаний строится на демократических началах, однако они характеризуются определёнными противоречиями. Прежде всего – возрастанием влияния национальных и транснациональных корпораций на политику страны. Для соблюдения баланса между «социальным» и «политическим» его следует ограничить, а научное сообщество следует защитить от сращивания с политикой и бизнесом, т. е. того, что Ю. Хабермас назвал «сциентифицированной политикой»²⁴⁷.

Ценность информации здесь играет большую роль. Доступ к информации – важному политическому ресурсу – не может являться ограниченным и контролируемым властью, что превращает открытое информационное общество в закрытое. В этой связи приобретает актуальность задача преодоления технократического детерминизма, эволюции прескриптивного

²⁴⁶ Дракер, П. Посткапиталистическое общество [Текст] / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 70-100.

²⁴⁷ Habermas, J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie» [Text] / J. Habermas. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969. – S. 88.

знания к дескрептивному, избегания «информационного авторитаризма». Решение проблемы может иметь только аксиологическую природу. Например, в обществе знаний должна измениться роль политических партий, они должны быть не просто механизмами выражения интересов масс и их парламентской защиты. Партийная деятельность, должна выступать как социально-политическая ценность, ответственная за консенсус и доверие между индивидами и общественными группами.

Также следует внедрить ценность знания в управленческую среду. Если сегодня использование власти даёт политику знание о судьбах граждан, то в обществе знаний умение прогнозировать события должно конвертироваться в политическое влияние, таким образом, будут рекрутироваться в политическую элиту наиболее грамотные индивиды. Перспективным представляется внедрение современных принципов отбора и экзаменации управленческих кадров, подразумевающих, например, строгую регулярную аттестацию представителей всех уровней власти. Наука должна быть независима от политической власти, и сама активно участвовать в её реформировании.

В целом, мы постулируем необходимость развития коммуникативных сетей, распространяющих сгенерированные интеллектуальной элитой знания. Свободный обмен смыслами – одна из важнейших ценностей общества знаний, способствующая ликвидности ценностей гражданственности и патриотизма. Следуя Ю. Хабермасу, необходимо признать важность формирования в масштабах глобального сообщества коммуникативной рациональности – согласия между субъектами социальных действий по поводу основных целей общественной деятельности.

Коммуникативная рациональность укрепляет социальные сети и конституирует переход к делиберативной демократии, в которой социальные, экономические и политические отношения приобретают совершенно новое значение: «Делиберативная демократия или делиберативная политика представляет собой такую модель общественного устройства, при которой формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере и парламенте

страны подчиняется не структуре рыночных процессов или навязанной идеологии, но самобытной инициативе социальной коммуникации граждан, ориентированной на достижение взаимопонимания и защиту собственных интересов»²⁴⁸.

Одним из вариантов формирования социально-политических ценностей является их выведение из идеологических конструктов вроде социализма, либерализма, национализма. Однако, по нашему мнению, это не плодотворно. Идеологизация приведёт только к обособлению национального социокультурного пространства от глобального мира и конструированию псевдосинкретичного аксиологического сознания, как бы снимающего проблемы долженствования, соотношения глобального и национального, связи политического и социального. Принудительная консолидация вокруг директивно выбранных ценностей всегда временна и дисфункциональна для генерации гуманистических и общечеловеческих принципов. Социально-политические ценности будут иметь псевдосинкретичный характер, станут скрывать слабость социальных связей и доминирование над ними политического пространства. Связь между национальной и глобальной системами ценностей намеренно разрывается, что усиливает эксклюзирование социокультурной системы от мирового пространства.

Другой вариант реконструкции аксиологического сознания – возврат к традиционным ценностям – видится необходимым, но не достаточным условием решения проблемы. Причины сходны с теми, что были отмечены выше для идеологизированной системы ценностей, однако к ним добавляется специфическое основание – локализм. Традиционные ценности, будучи обычно основанными на религиозных идеях, чётко очерчивают круг «своих» и «чужих», тем самым усугубляя деградацию социального капитала и содействуя недоверию к науке, экономическому прогрессу, вообще либеральным ценностям. Иначе говоря, инструментальные ценности приносятся в жертву терминальным, а Новое Средневековье становится неизбежным этапом развития мировой цивилизации.

²⁴⁸ Углов, Д.В. Тенденции делиберативной политики в теории справедливости Д. Ролза [Текст] / Д.В. Углов // Вестник ВГУ. Философия. 2009. №2. – С. 228.

Более перспективным нам видится путь не технократического прогресса с «подтягиванием» социальных отношений посредством имплантации инноваций в общественное бытие, а формирования качественно нового гражданского общества, построенного на сочетании либеральных и традиционных ценностей. Ценности свободы, социальной ответственности, научного прогресса, с одной стороны, и ценности семьи, коллектива, взаимопомощи, любви к своему народу, с другой стороны. Конструирование практик гражданского общества приводит к увеличению добровольного содержания, самостоятельной включённости в социальных отношениях.

Не следует также забывать, что общество развивается эффективно только тогда, когда уровень духовного развития элитарных групп превышает уровень духовного развития рядовых членов общества²⁴⁹. Возникновение национально ориентированной и высоконравственной элиты (в терминологии А.С. Панарина – «земледельцев») – это ключевое условие совершенствования общественных отношений и образования социально-политических ценностей.

Все принципы общества знаний, упомянутые выше, и генерируемые ими социально-политические ценности обязательно должны воплотиться в мировом социокультурном пространстве. Однако, по нашему мнению, существуют определенные особенности пути перехода России к новому цивилизационному состоянию, вызванные спецификой исторического развития, менталитетом, социальной структурой, видом политического господства и религией. Поэтому нами выделяются специфичные для российского общества принципы построения «общества знаний».

Важнейшим моментом следует считать необходимость проведения переоценки базовых культурных ценностей, подчиняющих общество маятниковому характеру колебаний между соборным и авторитарным идеалами, традиционализмом, либерализмом и умеренным утилитаризмом. Россия должна преодолеть дихотомичный характер своего развития, перманентное осциллирование вдоль оси архаики / модернизации. Современное

²⁴⁹ Немировский, В.Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. – М.: УРСС, 2008. – С. 143.

общество находится в состоянии архаизации, которая не способствует поддержанию целостности общества и государства, прогрессивному хозяйственному развитию и повышению личностной культуры. Мы предлагаем отказаться от архаичных ценностей и перейти к ценностям конструктивного, прогрессивного характера – гражданственность, рыночное производство и конкуренция, профессионализм, научность и т. д.

Из аксиологической системы россиян должны навсегда исчезнуть архаичные и деструктивные «ценности», такие как: недоверие к закону, верноподданничество, социальная безответственность и рентоориентированное поведение, локализм и православный изоляционизм и т. д. Должны быть созданы социально-политические ценности-медиаторы, формирующие «подушку безопасности», занимающие центр аксиологической структуры общества. Эти ценности либеральны и развито-утилитарны по своей сути и способствуют осознанию личной ответственности за жизнь общества, без чего преодоление локализма и статичного развития невозможно.

Фундаментальным принципом мы выдвигаем этическое совершенствование россиян. Под этим подразумевается формирование адекватной новой форме общественных отношений системы ценностей, способствующей синхронизации личных и групповых интересов лиц, принимающих решения, в рамках концепции, основанной на принципе нравственности, который носит наднациональный, надконфессиональный и надпартийный характер. В её основе должны находиться базовые для россиян ценности, имеющие социально-политические корни – правовое государство, патриотизм, образование, гражданственность, – те ценности, солидаризирующая сила которых не вызывает сомнений.

Мы связываем перспективы конструирования в России «общества знаний» с установлением прочного гражданского общества на основе коммуникативных сетей. При этом необходимо разрешить сложившуюся в современной России проблему поляризации гражданского общества, внутри него отмечается рост противоречий внутри наиболее инициативных граждан,

отсутствие единых представлений о ценностно-нормативной базе устройства общества. Создание сплочённого гражданского общества и налаживание коммуникаций между представителями различных социальных групп должно составлять одну из важнейших задач развития России.

Коммуникация рождается в интеракции, таким образом, «личностное» и «общественное» начала дополняют друг друга. Мы можем назвать это аксиологической реконструкцией – выработкой общих ценностей, моральных принципов, смыслов, входящих в «ядро» аксиологической системы индивидов. В нём оказываются экзистенциальные ценности жизни, знания и здоровья, социальные ценности семьи, общения и профессии, а также социально-политические ценности образования, гражданственности, патриотизма, социальной справедливости, свободы и т. д. Распространение, утверждение и функционирование этих ценностей, а также преодоление крайнего индивидуализма и информационно-технологической аддикции возможно только в условиях диалогического коммуникативного процесса.

Анализируя современное российское общество с точки зрения теории систем, можно обнаружить, что ценностная бесструктурность прямо коррелирована с отсутствием самореферентности нашей общественной системы. Общности, в силу отсутствия у них резистентной ценностной системы, не способны самоопределять отношение к самим себе и дифференцировать его от отношений к объективному миру. Ценностное обновление, сопровождающее «общество знаний», будет способствовать дифференциации социетальной системы, возрастанию её внутреннего многообразия и сложности. Аутопоэтическая система способна самоорганизовываться и противостоять как имманентным, так и трансцендентным деструктивным воздействиям. На базе этого идеала – сложноструктурированной социетальной системы с доминирующими институтами науки и образования – должно быть устроено будущее российское общество.

Выводы по второй главе.

1. Сравнение двух цивилизационных типов – восточного и западного, – позволило установить их основные различия. Отличительными чертами восточного типа выступают теоцентризм и неразрывность связи человека с природой, второстепенность социально-политических проблем по отношению к духовным, высокая роль коллективов и т. д. Социально-политические ценности «растворены» в духовно-религиозных воззрениях и имеют вторичное значение. Западные ценности имеют иное онтологическое основание: вера в человека, рационализм, высокий статус научной и общественной деятельности и др. Особо следует отметить, что в структуре западных ценностей следует различать европейские и американские аксиологические наборы.

Современный мир находится в состоянии тотальной ценностной деструкции. С одной стороны, западные либеральные ценности имманентно выхолостились, дошли в своём развитии до отрицания самих себя и не способны более интегрировать европейское или американское социокультурное пространство. С другой стороны, либеральные ценности, признанные на глобальном уровне в качестве образцовых в силу господства институтов западного мира, вступают в конфликт с ценностями национальными (локальными), что вызывает архаизационную инверсию как защиту традиционных общественных отношений. Глобальный мир стоит на пороге Нового Средневековья как разрушения глобального социально-политического и экономического пространства.

2. Большое влияние на ценностный мир как глобального сообщества в целом, так и национальных обществ, оказывает влияние псевдоценность общественной эксклюзивности, которая сращивается с монополиями на дефицит. Последние представляют собой привилегию общественной группы, как правило, элитарной, единолично извлекать прибыли (ренды) из неких общественных отношений. Результатом сращивания оказывается жёсткая конкуренция за общественные ресурсы и материальные блага; в условиях слабого государства политическая власть начинает использоваться для «войны

за ренты». Социальные нужды оказываются вне предмета рассмотрения элитарных групп, которые стремятся войти в глобализированное мировое пространство ценой деградации национальной социокультурной системы.

Другими признаками общественной жизни современного мира становятся приватизация социально-политического пространства и архаизация общественной жизни. Первый феномен состоит в обретении частными интересами всеобщего характера, выражающегося в присвоении общественной собственности, отказе от социальных гарантий и ослаблении социальной сферы в целом.

Второй феномен означает актуализацию в сознании индивидов терминальных ценностей семьи, личной безопасности, выживания и т. д. Архаизация препятствует модернизации социума, развитию человека и формированию социально-политических ценностей. В целом, она способствует становлению эпохи «Нового Средневековья».

3. Проблема формирования социально-политических ценностей имеет два взаимосвязанных аспекта решения: институциональный и аксиологический.

Институциональное направление подразумевает полномасштабную перестройку всего общества и приближение его к стандартам общества знания. Осредством создания развитой институциональной сети общественных отношений возможно формирование ценностей, самих по себе существующих intersubъективно, в том числе, качественных, к которым, в свою очередь, относятся ценности социально-политические.

Аксиологическое направление заключается в усилении значимости национального самосознания, национальной идеи и поиске идентичных символов. Должны быть сформированы: ценность профессионализма, создающая конструктивную напряжённость и позволяющая преодолеть раскол между некими сферами жизни общества; гражданственность как ответственность за своё поведение перед всем обществом; патриотизм; социальная солидарность; правовое равенство; социальная справедливость. Конкретно России необходимо преодолеть дихотомичный характер своего развития, перманентное колебание между архаикой и авторитарной модернизацией.

Заключение

В ходе проведённого исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В науке сложились разнообразные интерпретации ценностей, в зависимости от дисциплины и от применяемой парадигмы они могут трактоваться как факты реального мира или трансцендентальные сущности идеального мира, как наличествующие объективно или субъективно, как «впаенные» в бытие, не отделимые от него, так и выступающие особой формой сверхбытия.

Долгое время понятие «ценность» было концептуально не выражено. Философы Античности оперировали понятиями «благо» и «добродетель», отождествляя бытие и ценности, в свою очередь, в Средние века аксиология полностью сводилась к теологии. Только в эпоху XIX в. произошло конституирование теории ценностей как самостоятельной научной отрасли, в этот период начинается «золотой век» аксиологии. Базовый вклад в развитие аксиологии как отдельной дисциплины сделал И. Кант. Со второй половины XIX в. проблема ценностей разрабатывается в рамках ряда направлений: натуралистический психологизм, аксиологический идеализм, аксиологический трансцендентализм, персоналистический онтологизм, экзистенциализм, ценностная теория русской философии, постмодернизм, аксиологический агностицизм и социологизм.

Также следует отметить, что практически все крупные философы XIX-XX вв., несмотря на свою научную специализацию, уделяли вопросам ценностей определённое внимание, что говорит о высокой значимости аксиологии для современного мира. В результате изучения истории развития аксиологической мысли можно отметить, что в науке существует своеобразный «методологический хаос», когда исследователи достаточно произвольно трактуют смысл понятия «ценность» и зачастую не придерживаются определённой парадигмы.

2. В структуре общества можно выделить ряд сфер, в контексте нашего исследования представляют интерес социальная и политическая сферы. В основе «социального», как особого рода измерения бытия человека, лежит «чистое» доверие, готовность к безвозмездному сотрудничеству,

взаимопомощи, взаимоуважению, поддержке, способствующих свободному удовлетворению экзистенциальных потребностей индивидов. В основе политической сферы лежит распределение власти, которое необходимо для контроля за социумом, выработки общезначимых решений и поддержании общественной интеграции.

Социальная и политическая сферы по отдельности имманентно ограничены, несовершенны, корреляция их векторов возможна только в особой сфере – социально-политической. Мы считаем, что социально-политическая сфера представляет своего рода особый синергетический феномен, является своего рода квинтэссенцией, узлом функциональных зависимостей всех областей общественной жизни, интегратором общества. Смыслом существования этой сферы выступает общественный консенсус, а он, в свою очередь, достигается посредством генерализации социально-политических ценностей.

Ценности в целом существуют, по нашей оценке, intersubjectively, поддерживаются общественными взаимосвязями людей. Следуя экзистенциальной теории ценностей Д. фон Гильдебранда, социально-политические ценности мы отнесём к классу качественных со всеми свойственными данному классу признаками. Исследуемые нами ценности представляют особый идеальный феномен, эксплицирующий социальные и политические потребности, интересы и идеи индивидов, и ориентирующий на достижение общественного консенсуса путём гармонизации интенций отдельных личностей, социальных общностей и политических групп. Примерами такого рода ценностей являются «патриотизм», «государство», «Родина», «свобода», «социальная справедливость», «гражданское общество», «гражданственность», «права человека», «законность» и др.

3. Современность многими философами характеризуется как кризисный период в развитии человечества. Начиная с первой половины XX в., мыслители связывают кризис с ростом влияния технико-технологических факторов на жизнь общества, отходом от религии и традиционных отношений,

распространением культа потребления, нивелировкой ценностного разнообразия. Таким образом, духовные трансформации современности имеют скорее негативный характер, а сам период развития глобальной аксиосферы можно определить как «экстраординарный».

В значительной степени кризис связан с утратой понимания необходимости тождества личного и общего блага. Сущность данного тождества была заложена категорическим императивом И. Канта: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». При этом И. Кант неявно оставляет в стороне вопрос взаимосвязи личного и общего блага. Отечественный философ Г.Н. Гумницкий попытался снять данное противоречие, параллельно поставив вопрос о роли долженствования в структуре морального сознания. Исходя из положений упомянутых философов, можно определить социально-политические ценности как ценности-референты, манифестирующие духовно-нравственные основания жизнедеятельности социальных общностей.

Опираясь на экзистенциальную концепцию Д. фон Гильдебранда, социально-политические ценности можно отнести к классу качественных и выделить ряд их специфических атрибутов: наличие качественной противоположности, которой выступает иная социально-политическая ценность; самостоятельность бытия, несводимость к иным видам ценностей; волюнтаристский характер; воплощение только в практической деятельности; ярко выраженные нравственный и деонтологический аспекты. Таким образом, социально-политические ценности могут быть рассмотрены как важные конструкты общественных отношений и морального сознания человека.

4. В основе восточного цивилизационного типа лежат преимущественно религиозные ценности, рассматривающие человека как элемент биосоциальной среды. Духовные ценности гармонии, созерцания, спасения души и т. д. безусловно превалируют над социально-политическими принципами. Ярким выражением восточного мирозерцания выступает древнекитайский принцип

«у-вэй» – минимальное действие и понимание естественного хода вещей. Теоцентризм, гармония человека и природы; недоверие к научно-техническому прогрессу; приоритет духовного созерцания над социальной активностью – это основные ценности Востока.

Для западного цивилизационного типа характерны принципиально иные ценности: антропоцентризм, стремление к контролю над миром и его преобразованию в интересах человека, рационализм, высокий статус науки, большая значимость общественной деятельности, суверенная личность. В западном цивилизационном типе следует различать американские и европейские ценности. Американскую аксиосферу образуют вера в науку и технологический прогресс, свобода, равенство, социальная справедливость, индивидуализм, либеральная демократия, патриотизм, рационализм и практичность, предприимчивость и конкурентность. Европейские ценности, несмотря на определённую схожесть с американскими, отличаются от них в том отношении, что представляют собой скорее конгломерат правил бесконфликтной жизнедеятельности, тогда как американские ценности – прагматически ориентированный комплекс принципов достижения максимальной эффективности общественной деятельности.

Западные ценности доминируют в современном мире в силу объективно развивающихся процессов глобализации, но при этом играют роль псевдообщечеловеческих ценностей, т. к. директивно навязываются в качестве образцовых. Глобализация искажает социально-политические ценности за счёт содействует росту конфликтов и всеобщей дезинтеграции в социальной, политической, экономической и культурно-исторической сферах. Если движущими силами глобализации являются научно-технический прогресс, информационный капитализм, распространение информационных сетей и господство либеральных ценностей, то сопротивление глобализации будет выступать как архаизационная инверсия, отторжение инноваций и возвращение к традиционным ценностям и отношениям. Таким образом, в мировом социокультурном пространстве будет усиливаться национальный элемент.

5. В современном мире огромная часть населения земного шара оказывается исключённой из общественной и политической жизни, отчуждена от образовательных и культурных институтов, при этом эксплуатация замещается социальной эксклюзией. М. Кастельс называет глобальные институты Сетью, которая функционирует согласно принципам постмодернизма – гетерархической организацией пространства и полицентризмом ценностей. Из Сети исключаются все национальные аксиологические системы, выстроенные вокруг определённых «высоких» ценностей. Немногие социальные группы, обладающие, тем не менее, большим влиянием, соглашаются с данной системой глобальных ценностей Сети, большинство предпочитают придерживаться локальных культур с их аксиологическими структурами. В результате нарастает противоречие между локальными и глобальными ценностями в сознании людей.

По этой причине формируется псевдосинкретичное – за счёт искусственного соединения конфликтных феноменов – ценностное сознание, не способное к признанию ценностей «высокого уровня». Конститутивным элементом современного мирового псевдосинкретизма выступает квазиценность эксклюзивности, человек должен быть эксклюзивен, чтобы быть «полноценным» социальным субъектом. Гонка за эксклюзивность приобретает настолько опасные черты, что можно говорить о формировании иррациональной рациональности в масштабах всего общества.

Рост эксклюзивности происходит в результате процесса «приватизации социально-политического пространства». Сущность данной приватизации состоит в присвоении привилегированными социальными группами всех возможных общественных рент и отчуждении от них более низких по статусу групп. Таким образом, идеал общественного согласия, консолидации и интеграции оказывается не поддержан на уровне элитарном, по сути, глобальном уровне.

Становления и развития многообразности общественных отношений не происходит, напротив, массово распространяется обскурантизм, что означает регресс общества – архаизацию. Социально-политические ценности в

архаическом сознании сформироваться не могут, т. к. отсутствует праксеологическое понимание общественных действий, социальные и политические институты, в сущности, не сформированы или дисфункциональны.

6. Сформировать социально-политические ценности в глобальном и локальном пространстве возможно при переходе к новой цивилизационной модели развития – «обществу знаний». Генерализация социально-политических ценностей должна проходить по двум направлениям деятельности: институциональному и аксиологическому. Следует признать равноправие и взаимозависимость двух этих аспектов.

Институциональное направление подразумевает: технократизацию политической деятельности при избегании «сциентифицированной политики»; предотвращение информационного неравенства; ликвидацию поляризованности общества; формированию коммуникативной рациональности; искоренение неграмотности и распространение научных знаний, фундаментализацию науки и избавление от мифологического мировоззрения; создание слоя инноваторов; повышение интегрированности общества. Аксиологическое направление заключается в обретении национального самосознания, национальной идеи и поиске идентичных символов. Ключевыми ценностями считаются: гражданственность; патриотизм; социальная солидарность; правовое равенство; толерантность; социальная справедливость. В значительной мере преодоление кризиса будет связано с преодолением иррациональной рациональности, основанной на ценностях успеха, власти и богатства, изменением мировоззрения в масштабах всего земного пространства.

Список литературы

Книги, монографии, учебники и учебные пособия

1. Августин, Аврелий. О Граде Божием [Текст] / Аврелий Августин. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 1296 с.
2. Аристотель. Большая этика. [Текст] / Аристотель: Сочинения: В 4-х т. Т. 4: Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 295-374.
3. Аристотель. Никомахова этика [Текст] / Аристотель: Сочинения: В 4-х т. Т. 4: Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 53-293.
4. Аргунова, В.Н. Социальная справедливость: Ценностно-институциональный анализ [Текст] / В.Н. Аргунова. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004. – 312 с.
5. Арон, Р. Избранное: Введение в философию истории [Текст] / Р. Арон. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 543 с.
6. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) [Текст] / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 1. От прошлого к будущему. – 804 с.
7. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) [Текст] / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 2. Теория и методология. Словарь. – 600 с.
8. Ахиезер, А.С., Козлова, Н.Н., Матвеева, С.Я. Модернизация в России и конфликт ценностей [Текст] / А.С. Ахиезер, Н.Н. Козлова, С.Я. Матвеева. – М.: ИФ РАН 1994. – 250 с.
9. Баева, Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории [Текст] / Л.В. Баева. – Астрахань, 2004. – 275 с.
10. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 751 с.
11. Бердяев, Н.А. Алексей Степанович Хомяков [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 324 с.
12. Бердяев, Н.А. Новое средневековье [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.:

Директ-Медиа, 2008. – 160 с.

13. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 286 с.

14. Бердяев, Н.А. Смысл творчества [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 654 с.

15. Бердяев, Н.А. Философия свободы [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2005. – 333 с.

16. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний [Текст] / Г. Бехманн. – М.: Логос, 2010. – 248 с.

17. Блехер, Л.И., Любарский, Г.Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья [Текст] / Л.И. Блехер, Г.Ю. Любарский. – М.: Академический Проект; Институт Фонда «Общественное мнение». 2003. – 608 с.

18. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.

19. Brentano, Ф. Психология с эмпирической точки зрения: Избранные работы [Текст] / Ф. Brentano. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество. – С. 11-95.

20. Бурдьё, П. Формы капитала [Текст] / П. Бурдьё // Западная экономическая социология: хрестоматия. – М.: РОССПЭН, 2004. – 680 с.

21. Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы [Текст] / Н.И. Бухарин. – М.: «Орбита», 1988. Репринтное воспроизведение изд. 1925 г. – 192 с.

22. Валла, Л. Об истинном и ложном благе [Текст] / Л. Валла / Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с.

23. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма: Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44-271.

24. Вебер, М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке: Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.:

Прогресс, 1990. – С. 546-601.

25. Виндельбанд, В. Прелюдии [Текст] / В. Виндельбанд. – М.: Кучково поле, 2007. – 400 с.

26. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн. – М.: Наука, 1958. – 133 с.

27. Выготский, Л.С. Психология развития человека [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. – 1136 с.

28. Вышеславцев, Б.П. Этика преображённого Эроса [Текст] / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994 г. – 368 с.

29. Галаганова, С.Г. Запад и Восток. Традиции и современность: учебное пособие [Текст] / С.Г. Галаганова. – М.: Знание, 1993. – 340 с.

30. Гартман, Н. Этика = Ethik [Текст] / Н. Гартман. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 707 с.

31. Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

32. Генон, Р. Кризис современного мира [Текст] / Р. Генон. – М.: Эксмо, 2008. – 784 с.

33. Гильдебранд, Д. фон. Этика [Текст] / Д. фон Гильдебранд. – М.: Алетейя, 2001. – 570 с.

34. Гоббс, Т. Левиафан: Сочинения в 2 томах. Т. 2 [Текст] / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1991. – С. 5-285.

35. Гумницкий, Г.Н. Основы этики. Учебное пособие [Текст] / Г.Н. Гумницкий. – Иваново: Изд-во ИИСИ, 1992. – 62 с.

36. Гусейнов, А.А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью [Текст] / А.А. Гусейнов. – СПб.: СПбГУП, 2012. – 840 с.

37. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука [Текст] / Э. Гуссерль. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с.

38. Даймонд, Д. Коллапс: как и почему одни общество приходят к

процветанию, а другие – к гибели [Текст] / Д. Даймонд. – М.: Астрель, CORPUS, 2012. – 800 с.

39. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: «Книга», 1991. – 576 с.

40. Дебор, Г. Общество спектакля [Текст] / Г. Дебор. – М.: Изд-во Опустошитель, 2011. – 178 с.

41. Декарт, Р. Первоначала философии: Сочинения в 2 т. Т. 1 [Текст] / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – С. 297-422.

42. Джеймс, У. Воля к вере [Текст] / У. Джеймс. – М.: Республика, 1997. – 431 с.

43. Дилигенский, Г.Г. Социально-политическая психология: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений [Текст] / Г.Г. Дилигенский // Ин-т «Открытое общество». – М.: Наука, 1994. – 304 с.

44. Достоевский, Ф.М. Бесы: Роман [Текст] / Ф.М. Достоевский. – СПб.: «Азбука-классика», 2009. – С. 469.

45. Дробницкий, О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия [Текст] / О.Г. Дробницкий. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – 321 с.

46. Дьюи, Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека [Текст] / Д. Дьюи. – М.: Республика, 2003. – 494 с.

47. Зиммель, Г. Созерцание жизни: Избранное. Т. 2 [Текст] / Г. Зиммель. – М.: Юристъ, 1996. – 596 с.

48. Зиновьев, А.А. Русская трагедия [Текст] / А.А. Зиновьев. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2008. – 608 с.

49. Ильин, В.В. Аксиология [Текст] / В.В. Ильин. – Москва: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.

50. Ильин, В.В., Ахиезер, А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности [Текст] / В.В. Ильин, А.С. Ахиезер. – М.: Издательство МГУ, 2000. – 384 с.

51. Иноземцев, В.Л. Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции [Текст]

/ В. Л. Иноземцев. – М.: Academia: Наука, 1999. – 703 с.

52. Каган, М.С. Философская теория ценности [Текст] / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.

53. Кант, И. Критика практического разума: сочинения в шести томах, том 4, часть 1 [Текст] / И. Кант. – М.: «Мысль», 1965. – С. 312-504.

54. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. – Москва: Мысль, 1994. – 591 с.

55. Кант, И. Основы метафизики нравственности: сочинения в шести томах, том 4, часть 1 [Текст] / И. Кант. – М.: «Мысль», 1965. – С. 221-311.

56. Кардини, Ф. Европа и ислам. История непонимания [Текст] / Ф. Кардини. – СПб: ALEXANDRIA, 2007. – 331 с.

57. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: ГУ – ВШЭ. – М., 2000. – 606 с.

58. Киреевский, И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии [Текст] / И.В. Киреевский / Б.Н. Тарасов. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе: Сборник статей. – М.: Кругъ, 2007. – С. 139-185.

59. Конфуций. Лунь Юй [Текст] / Конфуций. – М.: Восточная литература, 2001. – 168 с.

60. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ: Избранные произведения по философии и методологии науки [Текст] / И. Лакатос. – М.: Академический проект, 2008. – С. 281-475.

61. Лаудан, Л. Главы из книги «Наука и ценности»: Современная философия науки [Текст] / Л. Лаудан. – М.: Наука, 1994. – С. 197-230.

62. Лапин, Н.И., Беляева, Л.А., Наумова, Н.Ф., Здравомыслов, А.Г. Динамика ценностей населения реформируемой России [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.Ф. Наумова, А.Г. Здравомыслов. – М.: УРСС, 1996. – 224 с.

63. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада [Текст] / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 328 с.

64. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада [Текст] / Ж. Ле

- Гофф. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
65. Левашов, В.К. Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии [Текст] / В.К. Левашов. – М.: Науч. мир, 2010. – 372 с.
66. Левинас, Э. Гуманизм другого человека: Избранное: Трудная свобода [Текст] / Э. Левинас. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 752 с.
67. Лейбниц, Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией: Сочинения в 4 т. Т. 4 [Текст] / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1989. – С. 49-554.
68. Леонтьев, К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения [Текст] / К.Н. Леонтьев. – Москва: Книга по Требованию, 2011. – 52 с.
69. Лефевр, В.А. Алгебра совести [Текст] / В.А. Лефевр. – М.: «Когито-Центр», 2003. – 426 с.
70. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
71. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении: Сочинения в 3-х т. Т. 1 [Текст] / Д. Локк. – М.: Мысль, 1985. – С. 78-582.
72. Лосев, А.Ф. История античной эстетики в 8 т. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. – 846 с.
73. Лосев, А.Ф. История античной эстетики в 8 т. Т. 5. Ранний эллинизм [Текст] / А.Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 960 с.
74. Лосский, Н.О. Ценность и бытие [Текст] / Н.О. Лосский. – М.: Изд-во Книга по требованию, 2012. – 135 с.
75. Лукьянов, А. Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия) [Текст] / А. Е. Лукьянов. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: ИНСАН, РМФК, 1992. – 208 с.
76. Маритен, Ж. Человек и государство [Текст] / Ж. Маритен. – М: Идея-Пресс, 2000. – 196 с.
77. Маркс, К., Энгельс, Ф. К критике политической экономии. Предисловие: Источник: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. Т. 13. – М.: Государственное издательство политической

литературы, 1959. – С. 5-9.

78. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества [Текст] / Г. Маркузе. – М., 1994. – 368 с.

79. Маслоу, А. Психология бытия [Текст] / А. Маслоу. – М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1997. – 304 с.

80. Менгер, К. Избранные работы [Текст] / К. Менгер. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 496 с.

81. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.

82. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей [Текст] / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 439 с.

83. Монтень, М. Опыты: Сборник эссе в 3 кн. Кн. 1 и 2 [Текст] / М. Монтень – Мн.: ООО «Попурри», 2004. – 832 с.

84. Немировский В.Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии [Текст] / В.Г. Немировский. – М.: УРСС, 2008. – 198 с.

85. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра: Сочинения в 2 т. Т. 2 [Текст] / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – С. 5-237.

86. Нэсбитт, Дж., Эбурдин, П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000 [Текст] // Дж. Нэсбитт, П. Эбурдин. – М.: Республика, 1992. – 416 с.

87. Олпорт, Г. Становление личности: Избранные труды [Текст] / Г. Олпорт. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.

88. Панарин, А. С. Искушение глобализмом [Текст] / А.С. Панарин. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с.

89. Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

90. Пиаже, Ж. Психология интеллекта [Текст] / Ж. Пиаже. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 351 с.

91. Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека [Текст] / Дж. Пико делла Мирандола / Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с.

92. Платон. Государство [Текст] / Платон. – М.: Наука, 2005. – 576 с.
93. Платон. Теэтет [Текст] / Платон / Собрание сочинений в 4 т. Т. 2: Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.
94. Платон. Филеб [Текст] / Платон / Собрание сочинений в 4 т. Т. 3: Общая редакция А.Ф. Лосева, Я.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – С. 7-79.
95. Прохоров, М.М. Ценности и смыслы модели взаимоотношения человека с мирозданием. Философия постнеклассической эпохи [Текст] / М.М. Прохоров. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing Gmb H& Co. KG. 2013. – 560 с.
96. Рассел, Б. История западной философии [Текст] / Б. Рассел. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. – 992 с.
97. Риккерт, Г. О понятии философии [Текст] / Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 15-44.
98. Риккерт, Г. О системе ценностей [Текст] / Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 365-391.
99. Ритцер, Дж. Макдональдизация общества [Текст] / Дж. Ритцер. – М.: «Праксис», 2003. – 592 с.
100. Розанов, В.В. Опавшие листья. Короб первый: Сборник Апокалипсис нашего времени [Текст] / В.В. Розанов. – М.: Эксмо, 2008. – С. 131-297.
101. Розанов, В.В. Уединённое: Сборник Апокалипсис нашего времени [Текст] / В.В. Розанов. – М.: Эксмо, 2008. – С. 35-131.
102. Розов, Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии [Текст] / Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. – 1998. – 292 с.
103. Рормозер, Г. Кризис либерализма [Текст] / Г. Рормозер. – М.: ИФ РАН, 1996. – 191 с.
104. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии [Текст] / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
105. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык [Текст] / И.С. Скоропанова. – СПб.: Невский простор,

2001. – 416 с.

106. Соловьёв, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия [Текст] / В.С. Соловьёв. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 654 с.

107. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

108. Тарасов, Б.Н. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе: Сборник статей [Текст] / Б.Н. Тарасов. – М.: Кругъ, 2007. – 934 с.

109. Тоффлер, Э., Тоффлер, Х. Революционное богатство = Revolutionary Wealth [Текст] // Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ, 2007. – 576 с.

110. Трельч, Э. Историзм и его проблемы [Текст] / Э. Трельч. – М. Юристъ, 1994. – 720 с.

111. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни [Текст] / Е.Н. Трубецкой. – М.: АСТ, 2003. – 396 с.

112. Тугаринов, В.П. О ценностях жизни и культуры [Текст] / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1960. – 152 с.

113. Тугаринов, В.П. Теория ценности в марксизме [Текст] / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1968. – 124 с.

114. Узнадзе, Д.Н. Психология установки [Текст] / Д.Н. Узнадзе. – СПб.: «Питер», 2001. – 416 с.

115. Уорд, Л.Ф. Психические факторы цивилизации [Текст] / Л.Ф. Уорд. – СПб.: «Питер», 2002. – 352 с.

116. Федотова, В.Г. Хорошее общество [Текст] / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.

117. Финогентов, В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры [Текст] // В.Н. Финогентов. – М.: Либроком, 2009. – 304 с.

118. Франк, С.Л. Смысл жизни [Текст] / С.Л. Франк. – М.: АСТ, 2004. – 157 с.

119. Франкл, В. Человек в поисках смысла [Текст] / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 345 с.

120. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М.: Ad Marginem. 1999. – 479 с.
121. Фукуяма, Ф. Великий разрыв [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, АСТ-Москва, 2008. – 480 с.
122. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
123. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.
124. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
125. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Наука, 2006. – 466 с.
126. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм. Сборник «Время и бытие»: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 63-176.
127. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
128. Швейцер, А. Культура и этика [Текст] / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1973. – 342 с.
129. Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей [Текст] / М. Шелер. – М.: Наука, 1999. – 231 с.
130. Шеффер, Ж.-М. Конец человеческой исключительности [Текст] / Ж.-М. Шеффер. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.
131. Шохин, В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль [Текст] / В.К. Шохин. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 457 с.
132. Шпет, Г.Г. Явление и смысл [Текст] / Г.Г. Шпет. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 325 с.
133. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

134. Юм, Д. Исследование о человеческом разумении [Текст] / Д. Юм. – М.: «Прогресс», 1995. – 229 с.

135. Ядов, В.А., Магун, В.С., Борзикова, П.В. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности [Текст] / В.А. Ядов, В.С. Магун, П.В. Борзикова // Под. ред. В.А. Ядова. – Ленинград: Наука, 1979. – 264 с.

136. Яницкий, М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система [Текст] / М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

137. Ясперс, К. Духовная ситуация времени: Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – С. 287-418.

Диссертационные исследования

138. Башкунов, А.А. Социально-политическая безопасность регионов как фактор национальной безопасности современной России [Текст] / А.А. Башкунов: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Орел, 2009. – 193 с.

139. Вильданов, Х.С. Ценность как предмет философского познания [Текст] / Х.С. Вильданов: автореферат ... д. филос. н.: 09.00.01. – Магнитогорск, 2009. – 35 с.

140. Гончаров, П.А. Глобальное культурное пространство: дисс. на соискание учёной степени канд. филос. н. по спец. 09.00.13 [Текст] / П.А. Гончаров. – Ставрополь, 2009. – 160 с.

141. Илле, А.М. Социально-политические ценности консерватизма в России [Текст] / А.М. Илле: диссертация канд. полит. наук: (23.00.02). – СПб, 2003. – 165 с.

142. Ильясов, Р.Ф. Динамика ценностей долженствования современной молодежи [Текст] / Р.Ф. Ильясов: автореф. дисс ... кандидата философских наук 09.00.11. – Ижевск, 2011. – 20 с.

143. Ламажаа, Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) [Текст] / Ч.К. Ламажаа: автореферат... д. филос. наук: 09.00.11. – М.: ННОУ ВПО МГУ. – 41 с.

144. Нагапетян, Е.Н. Социально-философская концепция долженствования в эстетической деятельности [Текст] / Е.Н. Нагапетян: автореф. дисс ... кандидата философских наук 09.00.11. – Омск, 2006. – 22 с.

145. Соловьев, А.В. Неогуманистические ценности как феномен современного гражданского общества США [Текст] / А.В. Соловьёв: дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Москва, 2002. – 167 с.

146. Ярошенко, Л.А. «"Разрыв ценностей" в политическом диалоге Россия – Европейский союз (1994 – 2010)» [Текст] / Л.А. Ярошенко: автореферат ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Москва, 2011. – 36 с.

Периодические издания

147. Абрахамсон, П. Социальная эксклюзия и бедность [Текст] / П. Абрахамсон // Общественные науки и современность. 2001. № 2. – С. 158-166.

148. Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях [Текст] / Э. Агацци // Вопросы философии. 2012. № 10. – С. 3-20.

149. Апресян, Р.Г. Ресентимент и историческая динамика морали [Текст] / Р.Г. Апресян // Этическая мысль. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Гусейнова. – М.: ИФРАН, 2001. – С. 27-40.

150. Ахиезер, А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема [Текст] / А.С. Ахиезер // ОНС. – 2001. – №2. – С. 89-100.

151. Балабанов, А.С., Балабанова, Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации [Текст] / А.С. Балабанов, Е.С. Балабанова // Социологические исследования. 2003. № 7. – С. 34-43.

152. Бойков, В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации [Текст] / В.Э. Бойков // Социологические исследования. 2010. № 6. – С. 27-35.

153. Бойков, В.Э. Социально-политические факторы развития российского общества [Текст] / В.Э. Бойков // Социс. 1995. № 11. – С. 43-52.

154. Брагин, А.В. Динамическая устойчивость социума: конфуцианская концепция руководства и современная Россия [Текст] / А.В. Брагин // «Вестник ИГЭУ». 2009. Вып.1. – С. 66-68.

155. Видоевич, З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире [Текст] / З. Видоевич // «Социологические исследования». – 2005. – № 4. – С. 25-32.

156. Видоевич, З. Социальное неравенство, демократия и развитие [Текст]

/З. Видоевич // «Социологические исследования». – 2010. – № 2. – С. 10-19.

157. Виноградов, В.Д. Политические ценности в жизнедеятельности людей [Текст] / В.Д. Виноградов // Тугариновские чтения. Материалы научной сессии. Серия «Мыслители», выпуск 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 11-14.

158. Воскобойников, А.Э. Универсальные ценности в современном многоликом мире [Текст] / А.Э. Воскобойников // Современное состояние культуры и общества: особенности и перспективы развития России: сб. науч. статей / отв. ред. А.В. Костина. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2013. – 364 с. – С. 21-28.

159. Выжлецов, Г.П. Русская философия ценностей и западная аксиология [Текст] / Г.П. Выжлецов // Русская философия ценностей и западная аксиология // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1996. Вып. 5. – С. 53-73.

160. Гобозов, И.А. Бюрократия и общество [Текст] / И.А. Гобозов // Философия и общество. 2009. № 4. – С. 5-21.

161. Гумницкий, Г.Н. Теория морали И. Канта и некоторые проблемы марксистской этики [Текст] / Г.Н. Гумницкий // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 1977. Вып. 2. – С. 53-81.

162. Гумницкий, Г.Н. Этика Канта в свете специфики моральной формы сознания [Текст] / Г.Н. Гумницкий // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 1. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1975. – С. 130-138.

163. Гумницкий, Г.Н., Зеленцова, М.Г. Понятие человечности в общей теории морали [Текст] / Г.Н. Гумницкий, М.Г. Зеленцова // Философия и общество. 2008. № 3. – С. 20-31.

164. Гусейнов, А.А. Возможно ли глобальное общество без глобального этоса? Сборник «Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью» [Текст] / А.А. Гусейнов. – СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 639-641.

165. Гусейнов, А.А. Как возможна глобальная общность людей? Сборник

«Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью» [Текст] / А.А. Гусейнов. – СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 798-805.

166. Дракер, П. Посткапиталистическое общество [Текст] / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология: Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 70-100.

167. Дробницкий, О.Г. Теоретические основы этики Канта [Текст] / О.Г. Дробницкий // Философия Канта и современность: под общ. ред. Т.И. Ойзермана. – М., «Мысль», 1974. – С. 103-152.

168. Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные суждения» [Текст] / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 106-114.

169. Емельяненко, Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей [Текст] / Т.В. Емельяненко // Социология: 4М. 1997. № 9. – С. 32-54.

170. Ефременко, Д.В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы [Текст] / Д.В. Ефременко // Вопросы философии. 2010. № 1. – С. 49-62.

171. Зеленцова, М.Г. К критике дуалистической теории ценностей в современной философии [Текст] / М.Г. Зеленцова // Философия и общество. 2010. № 2. – С. 77-89.

172. Зубец О.П. Ценностное границеположение и мораль [Текст] / О.П. Зубец // Этическая мысль. Вып. 6 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 219-238.

173. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Текст] / Р. Инглхарт // Политические исследования. 1997. № 4. – С. 6-33.

174. Костина А.В. Пережитки архаических укладов в период модернизации российского общества [Текст] / А.В. Костина // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты: Вып. 2. Сб. науч. ст. – М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2012. – С. 144-152.

175. Кун, Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории: Современная философия науки: Хрестоматия [Текст] / Т. Кун. – М., 1994. – С. 37-51.

176. Лапин, Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых

ценностей населения России и ее регионов [Текст] / Н.И. Лапин // Социологические исследования. 2010. № 1. – С. 28-36.

177. Лапкин, В.В., Клямкин, И.М. Социально-политическая риторика в постсоветском обществе [Текст] / В.В. Лапкин, И.М. Клямкин // Политические исследования. 1995. № 4. – С. 98-122.

178. Лекторский, В.А. Рациональность как ценность культуры [Текст] // «Вопросы философии». 2012. № 5. – С. 26–34.

179. Лефевр, В.А. Высшие ценности и формальная теория выбора [Текст] / В.А. Лефевр // Вопросы философии. № 4. 2012. – С. 154-158.

180. Марсель, Г. К трагической мудрости и за ее пределы [Текст] / Г. Марсель // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М., 1991. – С. 352-366.

181. Межуев, В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации [Текст] / В.М. Межуев // Полития. – 2000. – № 3. – С. 102-115.

182. Мелков, Ю. Постсоветское общество: Новое Средневековье [Текст] / Ю. Мелков // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 3. – С. 183-193.

183. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. Мертон // Социологические исследования. №3. 1992. – С. 104-114.

184. Немировский, В.Г. Ценностные и социально-сословные препятствия на пути социокультурной модернизации России и её регионов [Текст] / В.Г. Немировский // Мониторинг общественного мнения, 2013, № 4. – С. 57-70.

185. Немировский, В.Г., Гладченко, А.А. Социально-политические ориентации сибирской молодежи [Текст] / В.Г. Немировский, А.А. Гладченко // Социологические исследования. 1996. № 9. – С. 95-100.

186. Нибур, Х.Р. Средоточие ценности [Текст] / Х.Р. Нибур // Культурология XX век: антология: аксиология, или философское исследование природы ценностей. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 144 с.

187. Палей, Е.В. Деонтологизация образования и система ценностей современного университета [Текст] / Е.В. Палей // Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества: Тр. Междунар.

науч.-теор. конф. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. – С. 107-109.

188. Палей, Е.В. Ценности как осуществление человеческой природы [Текст] / Е.В. Палей // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. Выпуск 1. – Иваново, 2006. – С. 91-94.

189. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения [Текст] / Т. Парсонс // THESIS. 1993. вып. 2. – С. 94-122.

190. Смирнов, Г.С. «Газпром» и «Ноосфера»: государственно-олигархический монополизм и будущее страны / Г.С. Смирнов // «Вестник РФО». 2011. № 2. – С. 115-117.

191. Стёпин, В.С. Устойчивое развитие и проблема ценностей [Текст] / В.С. Стёпин // Техника, общество и окружающая среда: материалы междунар. науч. конф. (18-19 июня 1998). – М., 1998.

192. Стёпин, В.С. Рец. на: Г. Бехманн. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний [Текст] / В.С. Стёпин // Вопросы философии. 2010. № 7. – С. 165-167.

193. Сухов, А.Д. Философский материализм Писарева [Текст] / А.Д. Сухов // Философия и общество. 2005. № 1. – С. 133-142.

194. Тетерин, В.Н. Ценности и смыслы Виктора Франкла [Текст] / В.Н. Тетерин // Вопросы философии. 2013. № 4. – С. 70-76.

195. Углов, Д. В. Тенденции делиберативной политики в теории справедливости Д. Ролза [Текст] / Д.В. Углов // Вестник ВГУ. Философия. 2009. № 2. – С. 227-236.

196. Финогентов, В.Н. О свободе совести и о мировоззренческом детерминизме [Текст] // В.Н. Финогентов. Трагический гуманизм: очерки онтологические, антропологические и аксиологические. – Орёл: ООО ПФ «Картуш», 2012. – С. 206-225.

197. Цыбулька, А.М. Системно-ценностный подход в формировании стратегий национальной безопасности США и России [Текст] / А.М. Цыбулька // Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы. 2013. № 4. – С. 152-155.

198. Чудинова, И.М. Социально-политические ценности современного российского общества: проблемы их обновления и усвоения [Текст] / И.М. Чудинова // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 5. – С. 3-19.

199. Шахнович, М.М. Эпикуреизм в европейской философии XV-XVII вв. [Текст] / М.М. Шахнович / История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск № 3. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. – 2000. – С. 218-231.

200. Шестаков, В.А. Формирование понятия «культурные ценности» [Текст] / В.А. Шестаков // *Studia culturae*. Вып. 11: Опыты интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна. – СПб., 2008. – С. 83-92.

201. Шмитт, К. Понятие политического [Текст] / К. Шмитт // Вопросы социологии. 1992. № 1. – С. 37-67.

202. Эко, У. Средние века уже начались [Текст] / У. Эко // «Иностранная литература». 1994. № 4. – С. 258-267.

203. Ядов, В.А. Механизмы формирования социальной идентичности личности [Текст] / В.А. Ядов // Мир России. 1995. № 3-4. – С. 158-181.

Издания на иностранных языках

204. Baier, K. Concept of Value [Text] / K. Baier // *Value Theory in philosophy and Social science*. – Gordon and Breach. 1973. – S. 78-91.

205. Caporaso, J. Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change [Text] // Caporaso J., Cowles M.G., Risse T. – «Ithaca» NY: Cornell University Press, 2001. – 336 p.

206. Castells, M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture Volume I, 2nd Edition with a New Preface [Text] / M. Castells. – Wiley-Blackwell, 2009. – 656 p.

207. Frondizi, R. What is Value? An Introduction to axiology [Text] / R. Frondizi. – La Saille, Illinois, Open Court Pub Co. 1971. – 179 s.

208. Gilgen A., Cho J. Questionnaire to measure Eastern and Western thought [Text] / A. Gilgen, J. Cho // *Psychol. Reports*. 1979. V. 44. – P. 835-841.

209. Habermas, J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie» [Text] /

J. Habermas. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969. – 169 p.

210. Hartman, R.S. Formal Axiology and the measurement of values [Text] / R.S. Hartman // Value Theory in philosophy and Social science. – Gordon and Breach. 1973. – S. 104-119.

211. Hill, C. «European Foreign Policy: Power Bloc, Civilian Model – or Flop?» [Text] / C. Hill // Rummel, R. (ed.) «The Evolution of an International Actor. Western Europe's New Assertiveness». – Boulder, CO: Westview Press. – 1990. – P. 31-55.

212. Höfle, V. Hegels System. Der Idealismus der Subjektivität und das Problem der Intersubjektivität [Text] / V. Höfle. – Meiner, F, 2014. – 709 s.

213. Inkeles, A. National character: a psycho-social perspective [Text] / A. Inkeles. – Transaction Publishers, 1997. – 406 p.

214. Riesman, D. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character [Text] / D. Riesman, D. Reuel, N. Glazer. – New Haven: Yale University Press, 1950. – 315 p.

215. Rokeach, M. The Nature of Human Values [Text] / M. Rokeach. – NY: Free Press, 1973. – 438 p.

216. Spranger, E. Lebensformen: Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit [Text] / E. Spranger. – Max Niemeyer; Auflage: 9. 1966. – 450 p.

217. Tocqueville, de A. Democracy in America [Text] / A. de Tocqueville. – London: David Campbell Publishers, 2000. – 941 p.

218. Vernon, G.M. Values, value definitions and symbolic interaction [Text] / G.M. Vernon // Value Theory in philosophy and Social science. – Gordon and Breach. 1973. – S. 54-67.

219. Wedel, J.R. Rigging the US-Russian Relationship: Harvard, Chubais, and the Transidentity Game [Text] / J.R. Wedel. – Demokratizatsiya. 1999. vol. 7. № 4. – 469-500 p.

220. Whitman, R. From civilian power to superpower? [Text] / R. Whitman. – Basingstoke: Macmillan, 1998. – 251 p.

221. Whyte, W.H. The Organization of Man [Text] / W.H. Whyte. – NY: Simon & Schuster, 1956. – 448 p.

Электронные ресурсы

222. Гумницкий, Г.Н. О понятии духовности [Электронный ресурс] / Г.Н. Гумницкий // *Философия и общество*. 2011. № 3. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/136098/>

223. Дегоев, В. Самоослепление: новая полит. мифология России [Электронный ресурс] / В. Дегоев // – Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=73&tek=6475&issue=182>

224. Кирабаев, Н.С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе [Электронный ресурс] / Н.С. Кирабаев. – Режим доступа: <http://sociognosis.narod.ru/myweb8/docs/Kirabaev.htm>

225. Кынёв, А.В. Выборы и состояние гражданского общества в регионах России [Электронный ресурс] / А.В. Кынёв // <http://www.democracy.ru/article.php?id=983>

226. Марков, Б.В. Ценности и бытие в философской антропологии Макса Шелера [Электронный ресурс] / Б.В. Марков. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/markov/values.html>

227. Рубинский, Ю.И. Европейские ценности [Электронный ресурс] / Ю.И. Рубинский // «Вестник Европы». – 2009. – № 26-27. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2009/26/ru3.html>

228. Стёпин, В.С. Глобализация, динамика культур и поиск новых ценностей [Электронный ресурс] / В.С. Стёпин. – «Философия и синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/globalizaciya-dinamika-kultur-i-poisk-novux-cennoste/>

229. Цанн-кай-си, Ф.В. Торжество демократии или разрушение государственности? [Электронный ресурс] / Ф.В. Цанн-кай-си // «Здравый смысл». 2011. № 4. – 2012. № 1. – Режим доступа: http://razumru.ru/humanism/journal2/61_62/tsann-kai-si1.htm

230. Эмерсон, М. Экзистенциальная дилемма Европы [Электронный ресурс] / М. Эмерсон // «Вестник Европы». 2005. № 15. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/eme6.html>